

QUANTUM LEAP

THE NOVEL

КВАНТОВЫЙ СКАЧОК

РОМАН

Один маленький шаг для
человека... Один квантовый
скачок для человечества.

Разработав теорию о том, что человек может путешествовать во времени в пределах своей собственной жизни, доктор Сэм Беккет вошёл в Квантовый Ускоритель - и исчез.

Каким-то образом он перенёсся не только во времени, но и в чью-то чужую жизнь...

И Проект "Квантовый Скачок" приобрёл совершенно новый аспект.

CARNY KNOWLEDGE

КАРНАВАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Переместившись в тело карнавального работника 1950-х годов, Сэм Беккет узнаёт истинное значение острых ощущений.

По словам Эла, который является голограммным напарником Сэма из будущего, американские горки сойдут с рельсов через четыре дня...

В результате аварии погибнут семь человек...

И шансы Сэма остановить это —

ОДИН НА МИЛЛИОН.

Благодарности

Ни одна книга не появляется из ниоткуда, особенно эта. Автор с благодарностью отмечает отличную память Джинджер Бьюкенен, уроки напористости и мозговой штурм в трудную минуту Нэнси Холдер, и критический взгляд Кэтрин Птэшек. Кроме того, Гэри Хейс из компании "Cliff's Familyland" предоставил массу важной информации о парках развлечений и о том, что на самом деле не может случиться с американскими горками (любые ошибки по этой теме являются исключительно моими собственными).

И, конечно же, Дону П. Беллисарио, Деборе Пратт, Скотту Бакуле и Дину Стокуэллу и всем остальным сотрудникам "Bellisarius Productions", без которых не было бы "Квантового Скачка".

[ПРОЛОГ]

Он парил где-то, затерянный в бело-голубом свете, ожидая голоса, якоря, или какой-нибудь нити, возвращающей к реальности, которая дала бы ему понять, что он не совсем одинок.

Не было никаких ощущений, ни веса, ни запаха, ни вкуса, ничего, кроме окружающего его света. Возможно, он двигался; он не мог этого определить. У него не было тела. Двигался ли он по воздуху, в пространстве, через электронные схемы, - определить это было невозможно. Шло ли время в ту или иную сторону, определить было невозможно.

"Доктор Беккет".

Вот он! Голос, которого он так долго ждал.

Это окружало его, как окружал его свет, было частью его самого, как свет был частью его самого, было им самим.

"Да". Он произносил слова без помощи губ, зубов и языка, чтобы сформировать их, он думал о словах и слышал их так же, как слышал голос, без помощи ушей. Если бы у него было тело, он, возможно, огляделся бы вокруг в поисках источника голоса, кого-нибудь, кому можно было бы дать ответ: "Я здесь."

Было важно, чтобы голос знал, что он был там. Чтобы кто-нибудь знал, что он был там. Чтобы кто-нибудь нашёл его.

У него было ощущение, что его исследуют, испытывая интеллектуальное любопытство, как будто настала его очередь быть образцом под микроскопом, подвергнутым исследованию и экспериментам.

"Вы готовы, доктор Беккет?" - спросил голос. Но он не стал дожидаться ответа. Он вообще никогда не дожидался ответа. Его желание, его готовность были безразличны, как готовность червя быть препарированным была безразлична студенту. Наконец, появилось ощущение движения, прорыва сквозь великие последствия, ощущения того, что его швыряет и разрывает что-то, чему он не знает названия, ощущения того, что его несет к месту назначения, которое он не выбирал.

"Я возвращаюсь домой?" - закричал он и понял, что в нём было достаточно его самого — кем бы он ни был — чтобы почувствовать вопли отчаяния. Он не мог вспомнить "дом". Всё, что он знал, это то, что это было хорошее место, его место, где у него была личность, и друзья, и люди знали, кто он такой, и где он знал других людей, и он отчаянно хотел быть там. Дом был каким-то другим местом, нежели этот голубой свет.

Чудесным образом ощущение того, что он мчится сквозь каньоны прекратилось, как будто экспериментатор остановился между столом для препарирования и электронным микроскопом, чтобы ещё раз взглянуть на

окрашенное предметное стекло, которое он изучал. "Домой? О нет, вы ещё не отправляетесь домой. Вы ещё не готовы, пока не готовы."

"Но это скоро случится. Очень скоро. Я обещаю."

10 июля 1957 года

[СРЕДА]

[ГЛАВА 1]

"Боб, ты снова это делаешь". Это был женский голос, наполненный бесконечным презрением. Или, что ещё хуже, состраданием. Он слишком сильно старался сохранить равновесие, чтобы быть уверенным, и голос смягчился незнакомой тягучей интонацией. Всё по-прежнему было расплывчато, но оставалось впечатление яркого света в темноте, запаха...попкорна?, ощущения женской руки под его ладонью, и...

Его зрение обострилось, сфокусировалось на женщине, а затем, как ни странно, на мужчине с песочными волосами позади неё, целящемся из винтовки на... него? или...на неё?

Он притянул женщину к себе и повалил, закрыв своей спиной, зная, что смертная плоть никоим образом не сможет противостоять пуле, но зная, что он должен попытаться, не обращая внимания на её крик. Его спина ударилась обо что-то, что шаталось и скрипело, и он прижал её голову к изгибу своей руки и крепко зажмурился, ожидая выстрела.

Женщина не оценила своего спасения. Она кричала на него и отбивалась свободной рукой.

Барьер снова заскрипел и рухнул ему на голову, сильно, но, к счастью, не слишком тяжело.

Выстрела не последовало.

Он приоткрыл один глаз и увидел двухмерную жёлтую утку, свисающую со шкива, и кулак с ухоженным маникюром, целенаправленно опускающийся к его лицу. Он пригнулся и услышал женское ругательство.

Он начал подозревать, что всё было не так, как ему казалось. "О, Боже", - покорно пробормотал он.

Это был один из тех самых скачков.

Сэм Беккет с облегчением отметил, что, по крайней мере, на этот раз он был мужчиной — он мог судить об этом по обуви. Это, во всяком случае, немного утешало. Он, пошатываясь, поднялся на ноги, отодвинув фанеру с дороги, и протянул руку женщине, лежащей среди обломков.

"Послушай, мне действительно очень жаль", - начал он.

"Очень жаль!" - потеряла дар речи от ярости женщина. По крайней мере, это дало ему возможность помочь ей подняться и безрезультатно смахнуть осколки с её одежды. Ей было за двадцать лет, у неё были чёрные волосы до плеч, уложенные текстурной укладкой и подстриженными в стиле флип, одета она была в длинную узкую юбку и некогда белую блузку, нейлоновые чулки и туфли на шпильках. Она осторожно потирала свой глаз.

Сэм отвлёкся от своих размышлений.

"Эй, не делай этого, ты можешь повредить роговицу".

Мужской смех, когда она шлёпнула его по руке, напомнил ему о парне с винтовкой. Он резко обернулся.

Мужчина положил оружие на разделяющую их скамейку, засунул руки в карманы и от души расхохотался. "О, парень, если бы ты только мог себя видеть! У тебя был такой вид, словно ты думал, что я действительно собираюсь тебя пристрелить!". Словно спохватившись, он добавил: "Мисс Эйлин, с вами всё в порядке?"

"О, со мной всё в полном порядке". Эйлин — женщина, чью жизнь он пытался спасти — выбралась из-под обломков, отпихнув жёлтую утку с дороги острым носком ботинка, и уставилась на него. Один глаз был явно налитым кровью.

"Чёрт возьми, Боб, я просила тебя разобраться с игрой, а не вешать мне лапшу на уши!" Дрожь в её голосе могла быть вызвана слезами. Но, скорее всего, это были не слёзы, решил он. Она выглядела слишком взбешённой. Она потёрла ладони и поморщилась, когда о себе заявила

еще одна заноза. "Что это за чушь насчет металлических болтов?"

Он даже не попытался ответить на этот вопрос.

Итак, на этот раз его звали Боб. Что ж, это было начало. А её звали Эйлин. Теперь, если бы он мог узнать имя придурка с оружием, он был бы далеко впереди.

Его правое бедро болело, вероятно, от удара о заднюю стенку открытой кабинки. Оглянувшись, он увидел ряд уток, наклоненных под механически неправильным углом. Это была одна из тех игр, где вы стреляли в уток, сбивали их с ног и выигрывали приз. В таком случае, он должен был выиграть по-крупному; утки лежали в пыли, и большинство чучел животных, свисавших с брезентовой крыши, тоже. Его рефлексы привели к тому, что почти вся хлипкая конструкция рухнула. Всё, что осталось, - это передняя стойка и часть одной стены. Одна особенно яркая зелёная обезьяна защитила его спину от удара об опорный столб. Он поставил её на корточки, благодарно похлопав по спине.

Маленькая девочка, выглядывавшая из-за скамейки, вынула палец из уголка рта ровно на столько, чтобы объявить: "Это не Боб". Когда она сделала это объявление, палец тут же вернулся ей в рот.

Как сказал бы Эл, "устаами младенца - глаголит истина", хотя обычно он не имел ввиду таких маленьких детей. Сэм прикинул, что ей около четырёх лет. И ей пришлось на что-то опереться, чтобы заглянуть за прилавок. У неё были огромные голубые глаза, белокурые волосы и грязный нос.

"Бесса, иди домой", - приказала Эйлин. "Тебе давно пора спать."

Бесса спрыгнула с того места, на котором стояла, и исчезла.

"Послушай, извини, я думал..."

"Ты всегда извиняешься, Боб. Слушай, приведи всё в порядок, ладно? Посмотрим, сможешь ли ты заставить это работать". Она посмотрела на линию уток на полу, вздохнула. "Хотя, если подумать, лучше всё это убрать."

Мужчина с песочными волосами по другую сторону снова рассмеялся, открыл заслонку в стойке и с поклоном выпроводил Эйлин из кабинки. "Я вернусь, чтобы проверить это, на случай, если у тебя это снова заработает", - бросил он через плечо.

"Боб" проводил их взглядом, заметив, что кем бы ни был мужчина с песочными волосами, он не обнял Эйлин. Из таких маленьких побед

складывалось утешение.

Он огляделся, пытаясь разобраться. Запах попкорна и яркие огни теперь обрели смысл; он стоял посреди какого-то карнавала. Было лето, стояла знойная жара, и в западном небе виднелись остатки заката. Почти полная луна становилась всё ярче по мере того, как темнело небо.

Несколько подростков прогуливались между остатками игровой кабинки, в которой он стоял, и той, что стояла напротив, где были баскетбольные мячи и обручи половинного размера. Откуда-то издалека доносилась весёлая музыка карусели, на которой резные слоны, лошади и лодки-лебеди бесконечно кружились под мелодию, которая была ему почти знакома.

Было так много вещей, которые он почти знал, к которым почти мог прикоснуться. Это расстраивало и приводило в бешенство - знать, что он что-то знает, и не в состоянии вспомнить, что именно.

Он посмотрел на себя и увидел грязный комбинезон и синюю рубашку с закатанными рукавами. Его левая рука была жилистой и тёмно-коричневой. Мускулатура правой руки была заметно менее развита.

"Мускулатура"? Откуда она взялась?

Он осторожно согнул руку, вращая запястьем. Полный диапазон движений, без видимой боли. Он вытянул руку, отметил сопротивление. Рука так долго находилась в состоянии покоя, что сухожилия сжались, а мышцы не развились. Не безнадежно; полное разгибание было неудобным, но не невозможным. Несколько недель постоянных упражнений должны восстановить её. Для наращивания мышц потребуется больше времени, но этого можно добиться с помощью простой силовой программы.

Он посмотрел вниз на свои обтянутые джинсами ноги, отметил разницу в толщине бёдер. И снова правая нога была заметно тоньше. Тому, что он видел, можно было найти какое-то название, но всё, что он мог вспомнить, - это что-то про железные лёгкие.

Дело было не только в этом.

Он не мог вспомнить, откуда ему это известно.

Вместо того чтобы беспокоиться по этому поводу, он сосредоточился на том, что ему действительно известно.

Например, его звали не Боб. Его звали Сэм. Это было первое, о чём он

напоминал себе каждый раз — ну, как только у него появлялась возможность, поправил он сам себя, вытаскивая голубого плюшевого цыплёнка из-под листа фанеры. Иногда всё было слишком суматошно, чтобы думать о чём-либо, когда он впервые куда-то прыгнул. Как в этот раз. Сначала нужно было отреагировать, потом подумать, а потом отряхнуться.

Он был здесь, чтобы что-то сделать. Где бы ни находилось это "здесь" на этот раз; когда бы ни находилось это "здесь" на этот раз.

Он был путешественником во времени, участвующим в неудачном эксперименте, который, как сказал однажды кто-то, пошёл "слегка наперекосяк"; кто именно, он в данный момент не мог вспомнить. Изначально предполагалось, что он на самом деле будет не путешествовать во времени, а только наблюдать. Проект был разработан, чтобы найти способ наблюдать за прошлым, позволить людям быть невидимыми наблюдателями истории в том виде, в каком она была на самом деле. Они называли себя "голограммами", в честь бесплотных изображений, которые были настоящими голограммами.

Процесс был почти доведён до совершенства к концу 1990—х годов, когда каким-то образом что-то пошло ужасно не так, и вместо того, чтобы быть Наблюдателем, Сэм — а вернее, его разум и сознание, что угодно — совершило квантовый скачок, поменявшись местами со случайными людьми, такими как Боб Уоткинс, поместив своё сознание в тело Боба, а сознание Боба — в тело Сэма, на тридцать — плюс-минус несколько лет — в будущем. И, что было ещё хуже, то ли сам процесс путешествия во времени, то ли ошибка в эксперименте наделали дыр в его некогда фотографической памяти, оставив ему лишь обрывки воспоминаний.

Он стряхнул зелёного кролика и вздохнул.

Судя по тому, как были одеты дети и какой длины были их волосы, он оказался где-то в пятидесятых или начале шестидесятых, в любом случае, не раньше 1953 года — согласно теории, согласно которой, он не мог совершить скачок во время до своего собственного рождения (а он был до абсурда доволен тем, что мог вспомнить год своего рождения) — и не позднее примерно 1962 года. Он с трудом поднял кусок фанеры, всё ещё украдкой оглядываясь через плечо на поредевшую толпу в поисках подсказок.

Это была своего рода игра, когда у него была возможность поиграть в нее; выяснить как можно больше, прежде чем Эл Калавичи, его связной с его собственным временем, обнаружит его. Что это была за часть

прошлого? И, конечно, почему он был здесь?

Откуда-то из очень плохих динамиков доносились обрывки песни "Голубые замшевые туфли". Да, это были точно пятидесятые годы.

"Как тебя зовут?". Это снова была Бесса, что-то бормочущая и держащая палец во рту.

Положив руки на прилавок, он наклонился. Бесса, сидевшая на табурете, моргнула на него прекрасными голубыми глазами. Он открыл заслонку и, слегка прихрамывая, обошёл прилавок, чтобы чопорно присесть рядом с ней. С его новой позиции, когда он смотрел на неё снизу вверх, она казалась ещё красивее. На ней было грязное розовое платье с маленьким белым передничком, а ее лицо нуждалось в носовом платке и материнской слюне.

"Как тебя зовут?" - повторила она.

Улыбаясь, он осторожно вынул палец из её рта и вытер его насухо уголком своей рубашки. "Я Боб."

"Нет, это не так."

Он заметил, что маленькие дети всегда были так категоричны в таких вещах. Этот ребёнок не был исключением.

"Ну, Эйлин говорит, что я Боб."

Её взгляд стал непокорным. Она на это не купилась.

Тяжело выдохнув, он сдался. "Ну, ладно. На самом деле я не Боб. Но Эйлин, и тот, другой мужчина..."

"Мистер Макфарланд", - мгновенно подсказала она.

"Мистер Макфарланд," - повторил он. "Да. Он и Эйлин считают, что я Боб. Так что, давай мы притворимся, хорошо? Ты же знаешь, как расстраиваются взрослые, когда ты пытаешься им что-то рассказать."

Бесса кивнула, засунув палец обратно в рот, тщательно обдумывая сказанное. Но она не была ребёнком, который упускает из виду главное. "Как тебя зовут?"

Он снова выдохнул, глядя на руку, которая удерживала его на стойке. Она была короче и квадратнее, чем рука, которую он помнил как свою собственную, но это была...это была и его рука тоже. Он мог видеть свою собственную руку.

Его разум всё ещё привык воспринимать самого себя, даже если он временно находился в чьём-то другом теле. Он моргнул, и мир стабилизировался.

"Тебе грустно?". Теперь она забеспокоилась. "Ты получил "ой", когда упали утки?"

Боль в бедре подсказала ему, что он, вероятно, привирает, но он сказал: "Нет, мне не грустно, и я не получил "ой". Ты заблудилась, Бесса? Твоя мама где-то здесь?"

Она снова покачала головой, длинные прямые волосы хлестнули её по щекам в знак решимости. "Ты не Боб. Как тебя зовут?"

Не по-джентльменски спорить с женщиной, даже если ей всего четыре года. Когда-нибудь он должен был ответить; ведь она не собиралась сдаваться.

"Меня зовут Сэм. Сэм Беккет. Но никому не говори, хорошо?"

Она склонила голову набок и изучающе посмотрела на него, а он изобразил на лице своё самое доверительное выражение. "Почему?"

О, Господи, пожалуйста, не дай ей начать спрашивать "Почему".

"Это такая игра. Как с утками. Но только для нас с тобой. Хорошо?"

"Хорошо". С этими словами она спрыгнула со стремянки и убежала, исчезнув в беспорядке киосков с хот-догами и играми на удачу, а он устало поднялся на ноги и осмотрел обломки. "О, Боже."

Всё больше людей бродило по проходу, разглядывая остатки кабинки и человека, стоящего перед ней. Он слышал их комментарии. О, да, это был беспорядок. Если бы они только знали, какой беспорядок. В нехарактерной для него вспышке гнева он пнул доску, чуть не потеряв равновесие. Кто-то засмеялся.

Это было неприятное напоминание. У Боба были некоторые физические проблемы, с рукой и ногой. Были некоторые вещи, которые он, вероятно, избегал делать. Удары ногами были одним из них. Сэму придётся быть осторожным в этом вопросе. Как только он поймет, что от него требуется, Боб вернётся. Ему бы не хотелось заставлять бедного парня слишком много объяснять.

Но он так устал от необходимости выяснять, что он должен делать. Он хотел вернуться домой.

Для начала он хотел вспомнить дом.

Он повернулся, намеренно повернувшись спиной к руинам, и оглядел остальной мир, в который он попал.

На фоне горизонта розовая неоновая арка с надписью "аребеШ иьмес риМ". Справа от него сияние колеса обозрения описывало яркие круги на фоне темнеющего неба; слева, на фоне красных и жёлтых слоев заката, скелет Лох-Несского чудовища рисовал чёткие, волнистые чёрные линии. Между ними были игры, продавцы, клоуны, музыка, чудесные запахи и не так много людей. На мгновение он задумался о том, чтобы преследовать чудовище.

"В чём здесь проблема? Великий Гарри, что, чёрт возьми, произошло?". Говоривший был мужчиной лет сорока с усталым выражением лица и нашивкой на комбинезоне с надписью "Мир семьи Шебера".

Боб, конечно, не стал бы гоняться за странностями на горизонте; он и так всё о них знал. Поэтому, он, Сэм, должен был оставаться здесь и делать всё, что сделал бы Боб, пока он не выяснит, что Боб сделал неправильно, а затем пойдёт и исправит это.

Был небольшой шанс, что Боб поступил неправильно, выполнив приказы и починив игровую кабинку, и что он, Сэм, действительно должен был пойти и выяснить, что на самом деле представляет собой этот костяк. Но он сомневался в этом. Он бросил на кабинку ещё один тоскующий взгляд. Её уже не было видно на фоне сгущающейся ночи. Сэм вздохнул.

"Ну, я упал". Он махнул рукой на беспорядок.

"Снова слышишь эти голоса, сынок?" - мужчина прошёл мимо прилавка и убрал с дороги большой кусок фанеры. Вопрос, очевидно, был риторическим. "Что ж, пойдём. Возьмись вон за тот конец, хорошо?"

Значит, Боб слышал голоса? Это могло бы упростить дело. Когда, и если вообще появится Эл. "Да, наверное, так и есть. Я просто...что— то слышал". Он невесело усмехнулся в пустоту. "И, наверное, что-то видел". Например, человека, который наставил на него оружие.

Мужчина остановился и покачал седеющей головой. "Итак, я говорил тебе и не раз повторял, что ты не должен говорить такие вещи. Я знаю тебя всю твою жизнь, и я знаю, что ты многое видишь и слышишь. Но тебе не следует говорить об этом. Люди не поймут."

"Ты же сам об этом заговорил", - безмолвно запротестовал Сэм, но всё же взялся за другой конец доски, как было указано, и развернул её в

вертикальном положении. Взвизгнув, механизм, который вращал уток, оторвался и отвалился.

"Вот, чёрт", - сказал другой мужчина. "Потребуется некоторое время, чтобы это снова заработало. Клянусь, Боб, вокруг тебя творится всё больше неладного, это едва ли кажется справедливым". Он взял одну из уток, коснулся выбоин на жёлтой краске там, куда попали пули, провёл пальцем по мультяшному клюву и поднятым крыльям, задержавшись на зазубренном крае. "Это была одна из самых первых наших с Карлом игр, ты знаешь об этом?"

В его голосе звучала бесконечная печаль. Было ясно, что Карла больше нет.

"Мне жаль". Как всегда, Сэм чувствовал, что слова были неправильными, совершенно неадекватными, и, как всегда, не смог придумать ничего лучше. Вместо этого он потянулся за ещё одной испорченной уткой и начал складывать их так аккуратно, как только мог. Другой мужчина продолжал изучать разбитое место на той, которую он держал в руках.

"Боб? Ты здесь?" - это был голос женщины, которую звали Эйлин. "О, привет". Приветствие было адресовано другому мужчине. Она была не в том положении, чтобы видеть, как внезапно побелели пальцы мужчины, когда он сжал мишень. А вот Сэм мог.

"Да, я здесь". Сэм положил стопку на стол. "Я...мне нужна помощь, чтобы кое-что привести в порядок."

Теперь, когда адреналин не захлёстывал его организм, он мог видеть, что Эйлин была очень привлекательной женщиной. С её темных волос была смахнута пыль. Один глаз всё еще был налит кровью, но другой был прекрасного фиолетового цвета. У неё был кремово-чистый цвет лица, за который модели убили бы.

В его голове промелькнул блуждающий вопрос — откуда он знал про модели? Он почти вспомнил...Нет. Воспоминание исчезло.

Вероятно, это была одна из подружек Эла.

Как и большинство подружек Эла, она обращала на него очень мало внимания.

"Я вижу это", - сказала она. Прядь волос упала ей на лоб, и она раздражённо отбросила её в сторону. "Джесси, ты принёс эти квитанции? Я не могу найти их в офисе."

Человек, стоящий на коленях, должно быть, был Джесси. Он не встал и даже не оглянулся. Его голос был удивительно ровным. "Квитанции у меня, Эйлин. В моём кабинете. С бухгалтерскими книгами."

Эйлин вдохнула и выдохнула, считая до десяти. "Я просила тебя принести их, Джесси. Как я смогу узнать, как у нас идут дела, если они все у тебя?"

"Ты можешь спросить у меня". Ощетинившись, Джесси отложил сломанную мишень, встал и повернулся к ней лицом. Сэм попытался слиться с тем, что недавно было выстроенной задней стеной. "Карл всегда спрашивал меня."

"Что ж, Карла больше нет, и мне нужно убедиться в этом самой!" Эйлин сделала ещё один глубокий вдох и попробовала снова, очевидно, пытаясь успокоить гордость Джесси. "Послушай, Джесси, прости, но я действительно хотела бы просмотреть эти книги. Я знаю, что многого не знаю, но ты единственный, кто может меня научить. Пожалуйста?". Её ресницы захлопали в одобрителем стиле Южной Красавицы.

Это не сработало. "Тебе не нужно знать. Карл доверял мне". Джесси оглядел её с ног до головы. "Но, я думаю, каждый поступает по-своему. Тебе нужны квитанции, бухгалтерские книги, и я принесу их. Что-нибудь ещё тебе нужно?". Его губы прижались друг к другу.

Эйлин закрыла глаза и раздражённо покачала головой. "Спасибо. Этого будет достаточно."

Джесси прошёл мимо неё, вышел из кабинки и направился по проходу. Когда он уходил, одна из оставшихся лампочек перегорела. "Сходи за новыми лампочками", - приказал он Сэму, уходя. "По крайней мере, об этом мы можем позаботиться."

"Где..." - начал он, но Джесси уже ушёл.

"Возле офиса стоит грузовик с припасами", - рассеянно сказала Эйлин, всё ещё глядя вслед Джесси. "Сложи туда призы, которые сможешь сохранить, будь добр? Можешь снова развесить их завтра."

"Э-э, да, конечно". По какой-то причине он не мог чётко сформулировать свои мысли. У него заплетался язык не только из-за того, что она была симпатичной женщиной; это было почти как физическое препятствие. Он хотел спросить её о чем-нибудь наводящем, чтобы узнать больше о том, где он и кто он такой, но к тому времени, когда он нашёл нужные слова, она уже уходила вдогонку за Джесси.

Эйлин оставила его с гаснущим светом, охапкой мягких игрушек, набором

противоречивых приказов и проблемой поиска офиса. И грузовика.

Если бы он был офисом, где бы он находился?

Несомненно, у входа.

И где бы он мог быть?

Он действительно ненавидел первую часть квантового скачка, когда он возился, пытаясь не выставить себя дураком. Пришло время использовать тот хваленый интеллект, которым он должен был обладать. Поток, или струйка, людей двигался с востока на запад, примерно в направлении таинственного костяка. Конечно, существовал более простой способ определить, где находится вход, который вообще не требовал интеллекта.

Нагрузив плюшевыми игрушками то, что он уже считал своей здоровой рукой, он направился к неоновой надписи на небе.

На одном из киосков, мимо которого он проходил, была надпись "Фотографии старого времени". Проходя мимо, он свободной рукой обшарил карманы Боба. Бумажника не было, но было несколько долларовых купюр, несколько монет и ключи. Не так уж много улик. Было бы неплохо, если бы он смог найти водительские права с указанием текущей даты, фотографии и возраста. Может быть, ещё одну карточку с надписью "В случае скачка, пожалуйста, сообщите..."

Кстати, где был Эл? Зигги обычно требовалось так много времени, чтобы найти его? Он не мог вспомнить. Скачки что-то сделали с его памятью. Он даже не был уверен, что всегда сможет вспомнить то, что уже вспомнил однажды.

Или ему казалось, что он помнил.

"Если бы ты с самого начала не был стабильной личностью, Сэм Беккет, - пробормотал он, - Ты бы уже свихнулся".

Взглянув на вывеску "Фотографии старого времени", он принял решение и подошел к продавцу. "Мне нужно сделать фотографию, пожалуйста."

[ГЛАВА 2]

На зернистом снимке цвета сепии был изображён худощавый, жилистый

молодой человек с открытым, невинным, незащищённым лицом, аккуратно подстриженными короткими тёмными волосами и глазами, которые могли быть любого цвета. Одна рука в защитном жесте прижалась к боку, и что-то в затуманенной памяти Сэма щёлкнуло, зажужжало и выдало слова "неврологическое повреждение" со знаком вопроса.

Ему показалось, что он помнит, как Эл однажды сказал ему, что он был врачом, но он не мог вспомнить, была ли у него специальность или стажировка, и уж точно он не мог заниматься частной практикой.

Что-то заставило Боба беречь эту правую руку. Сэм мог двигать ею, но теперь, когда он передвигался, ему не хотелось этого делать. Это была та же сторона тела, что и его ноющее бедро, и он задавался вопросом, какая часть боли была его собственной и насколько сильно тело Боба запомнило боль. Но на данный момент это было его бедро, и он не был хромым — или, по крайней мере, не был бы хромым, если бы не ударился, пытаясь защитить Эйлин от несуществующей угрозы. По крайней мере, он так думал. В этом было что-то непонятное.

Конечно, с некоторых пор вся его жизнь была по своей сути непонятной, поэтому он пожал плечами, спрятал фотографию в карман и отправился на поиски офиса и грузовика.

Офис, который был тёмный в этот час, представлял собой одноэтажный трейлер, припаркованный недалеко от неоновой арки входа и приёмной кабинки. Наверху трёх деревянных ступенек была двойная дверь, металлическая ширма и деревянная дверь за ней, и обе были плотно закрыты. За ним стоял грузовик с прицепом, на открытой задвижке которого висел навесной замок. Он приоткрыл заднюю панель грузовика, уронив при этом только одного цыплёнка. Открыв дверь, он увидел, что там было достаточно света, чтобы найти электрический фонарь. Внутри было полно ящиков и коробок с припасами — включая лампочки, которые он был рад обнаружить. Он выбросил игрушки и выбрал несколько коробок с лампочками, похожими на те, что были в утиной кабинке.

Электрические лампочки занимали его руки, пока он пытался сложить воедино то, что уже знал. Боб Уоткинс был молодым человеком. Он работал в парке аттракционов "Мир семьи Шебера", где, по-видимому, проводил игры со стрельбой по мишеням и выполнял обычную подсобную работу. Его начальницей была очень симпатичная молодая женщина по имени Эйлин. И ещё был Джесси, который упоминал кого-то по имени Карл - бывшего начальника? Может быть, он должен был примирить Эйлин и Джесси. Сэм надеялся, что нет; они выглядели ужасно далёкими друг от друга и, вероятно, такими и останутся.

А ещё оставался этот придурок Макфарланд. Он тоже должен был иметь ко всему этому какое-то отношение. Воспоминание о том смехе причиняло неприятное чувство.

Он нагрузил себя лампочками и выбрался из фургона. Кто мог знать, на каком этапе он находится? Может быть, он был здесь, чтобы научить Бессу не совать в рот большой палец. Ему нужны были Эл и Зигги. А Эл, кажется, не торопился появляться.

Уходя, он с интересом заметил, что позади грузовика выстроился ряд передвижных домов, подключённых к газу и воде. Жильё для работников? Может быть, именно здесь жил Боб. Поскольку в несуществующих водительских правах Боба также не было и адреса Боба, он мог представить себе, как долго будет искать место для ночлега, если Эл в ближайшее время не появится с какой-нибудь информацией.

К тому времени, когда он вернулся в кабинку, Джесси уже вернулся и взял большую часть повреждений под контроль, аккуратно сложив расколотые панели. Сэм сложил коробки с лампочками неровной стопкой и придерживал брезентовый верх, пока Джесси с помощью молотка и гвоздей закреплял его. Пожилой мужчина передвигался по маленькой кабинке с лёгкостью, выработанной долгой практикой и хорошими навыками.

"Положи это под прилавок", - распорядился Джесси, указывая на лампочки и нескольких животных, которых Сэм не заметил в первый раз. "С глаз долой, из сердца вон. Я хочу пройти с тобой по этой чёртовой подставке."

"По "подставке"?" Определённо, одной из худших вещей в скачках было чувство глупости, которое преследовало его до тех пор, пока он не понял, что происходит. Ну, может быть, это было не самое худшее, но чертовски близко к этому.

К счастью, Джесси, казалось, не беспокоил его отсутствующий взгляд, он просто махнул ему, чтобы следовал за ним. Может быть, Боб был медлительным?

Нет, интеллект Боба был, по крайней мере, нормальным, а возможно, и выше, судя по комментариям Джесси, когда они проходили мимо продавцов и игр.

"Этому пони-хакеру на этой неделе нужен кузнец, там всё идёт наперекосяк. Ты взглянул на мотор этой машины для производства сахарной ваты? Мигель говорит, что она всё ещё работает слишком

быстро. Я не хочу, чтобы этот Макфарланд его услышал". Монолог Джесси начал приобретать тон хорошо отрететированной жалобы. "Чёртов умник просто скажет Эйлин, что ещё одна вещь должна полететь к чёрту. Мигель хочет новую машину, но у нас нет денег на такие вещи. Надо бы её отремонтировать. Карлу следовало бы сообразить, что лучше не оставлять всё это этому маленькому безмозглому чуду, которая вложила все свои деньги на этот дурацкий...

Ах, мне не следовало бы тебе жаловаться". С этими словами они покинули ярко освещенную часть площадки, и внезапно Сэм осознал, что над ним возвышаются кости чудовища, замысловатая деревянная конструкция шириной, возможно, в дюжину футов, поднимающаяся от уровня пояса до невероятно высокой высоты, выгибаясь далеко над деревьями.

Он задохнулся от восторга. Это были американские горки, деревянные американские горки, и он мог проследить долгий устойчивый подъем до первого замирающего сердца обрыва, когда они поднялись и растворились в темноте. Вывеска у пассажирского причала гласила:

"ПРОКАТИТЕСЬ НА САМЫХ ВЫСОКИХ АМЕРИКАНСКИХ ГОРКАХ В СРЕДНИХ ОКРУГАХ "УБИЙЦА ДИЛЛЕР"!"

Последовал ещё один мысленный щелчок и жужжание, когда он шёл по земле, вытягивая шею на поднимающуюся трассу, сильно щурясь, чтобы разглядеть вершину гребня. Его глаза расширились, когда он проследил взглядом за снижением, а губы беззвучно зашевелились.

"Теперь, Боб, больше не разговаривай снова сам с собой, я хочу показать это тебе. На случай, если Эйлин решит, что хочет, чтобы ты тоже поработал над этим". Джесси пожевал губу. "Раз уж она принимает решения в последнее время."

"Эта штука будет двигаться со скоростью не менее пятидесяти восьми миль в час, когда достигнет дна первого спуска," - сказал Сэм. Он протянул руку, чтобы погладить тяжелую вертикаль, глядя на опорные балки, уходящие в небо над его головой. Древесина была тёплой и шероховатой и соответствовала линиям и изгибам его ладони. Трасса, освещённая теперь только парой прожекторов, круто тянулась за двумя мужчинами. Линия огней показывала, как будет сверкать и переливаться аттракцион, когда его введут в эксплуатацию. Он ещё не был готов, но сделать оставалось совсем немного. Он даже чувствовал запах свежей краски на машинах.

Джесси уставился на него. "Где ты нахватался этого?"

"Это должно быть", - настаивал Сэм, уверенный, сам не зная почему, - "Посмотрите на угол снижения и высоту, есть уравнение, которое..."

"Какое уравнение?" - потребовал ответа Джесси. "О чём, чёрт возьми, ты сейчас болтаешь, парень?"

Сэм снова открыл рот, и чистый и изящный образ цифр, в его памяти, как будто его рука только что написала их на доске, исчез. "Я не...помню."

"Да, точно," - выглядел недовольным Джесси. "Ну, это может быть так, а может и нет. Всё, что я знаю, это то, что это ещё одна чёртова трата денег."

"Свет должен быть включён", - сказал Сэм.

Ещё одно воспоминание дразнило его — окружная ярмарка, он сидит со своей младшей сестрой в самой первой вагонетке — был прекрасный осенний вечер, он мог посмотреть вниз на запрокинутые лица, когда они поднимались всё выше и выше, и люди внизу становились всё меньше и меньше, а вагонетка двигалась сквозь реку огней, прикреплённых к рельсам с обеих сторон. Он только что выиграл "голубую ленту" на телячьей выставке "4 часа" и поднимался к звёздам, а Кэти хихикала и кричала рядом с ним. А потом она встала и подняла руки, когда вагонетка набрала высоту, и его сердце чуть не остановилось, когда он почувствовал, как она выскользнула из его рук. Он схватил её за блузку и рывком усадил обратно на место, а она повернулась к нему и рассмеялась...

И воспоминание исчезло. Он не мог вспомнить, что произошло дальше. Не мог вспомнить ощущение падения, кружения по поворотам и изгибам. Вероятно, он отшлёпал свою сестру, когда они спускались обратно, но он не мог вспомнить.

Но американские горки подарили ему приятные ощущения, ощущение восхождения к звёздам, так что, вероятно, никто не пострадал. Он бы наверняка вспомнил, если бы кто-то пострадал?

"Ну вот, опять ты грезишь наяву. Не можешь сосредоточиться ни на чём больше пяти минут. И никогда не мог."

"Ну, чёрт возьми. Всё равно становится слишком темно. Мы посмотрим на это завтра". Джесси, сдаваясь, зашагал прочь.

"Да, грезишь". Наконец-то это был Эл, идеально имитирующий тон и выражение лица Джесси своим знакомым, слегка хриловатым тембром. Джесси, конечно, не слышал этого. Никто не мог слышать Эла, кроме

Сэма. Его также никто не мог видеть. Изображение невысокого щеголеватого мужчины, немного испорченное перевёрнутым ведром там, где должна была быть его правая нога, было невидимым для остальных людей, кроме Сэма. "Ты всегда был хорош в мечтаниях", - сказал Эл.

Сойдя по лестнице в подвал,

Я невидимку повстречал.

Но Эл Калавичи был реальным человеком. За последние несколько лет Сэм смирился как со своей реальностью, так и со своей невидимостью. В то же время Эл был единственным человеком, который тоже разделял реальность Сэма, и единственным человеком, который называл его настоящим именем, независимо от того, как он выглядел. Физический Эл находился в комнате лаборатории у черта на куличках, в глуши пустыни примерно через тридцать - плюс-минус несколько - лет, в будущем. Каким-то образом он был связан с Сэмом. Упоминались "мозговые волны". Подробностей было немного. Подробности, как Эл дал понять Сэму, являлись нарушением правил.

Сэм тоже работал в этой лаборатории, отвечая за Проект под кодовым названием "Квантовый Скачок."

В теории всё было великолепно. На практике оказалось совсем другое дело.

Поскольку эксперимент пошёл не так, Эл остался единственным продолжателем его дела. Эл был его проверкой реальности, его монитором действительности. На каком-то этапе Эл, который когда-то был просто его лучшим другом, стал ему нужен больше, чем дыхание, зрение или гравитация. Без Эла, который напоминал ему, кем он был на самом деле, он был бы не в состоянии доверять собственному рассудку.

Его там не было тогда,

Пусть он придёт скорей сюда...

"Эй, Сэм!" - тряс Эл ручным пультом, который являлся механической связью с главным компьютером. От массивной сигары в его другой руке

отделился столбик пепла. Вместо того, чтобы упасть на землю, он отпал от сигары и исчез.

На мгновение почувствовав облегчение от того, что Эл, наконец, появился, Сэм проигнорировал его, потому что его взгляд всё ещё продолжал следовать по следам "Убийцы Диллера". Он услышал писк ручного пульта, когда Эл нажал на него. Эл никогда не мог справиться с мелкой техникой — он был действительно хорош по административной части, но инженеру этого не скажешь. Инженеры утверждали, что административную работу может выполнять кто угодно.

Сэм смутно помнил, что сам разбирался в этом лучше, но неудачи Эла в общении с неодушевлённым механизмом почему—то успокаивали, как...как что?. "...Плоский приёмопередатчик, который всегда будет мерцать, когда ты его включаешь. Ты знаешь, что он будет работать, но но всегда будет это мерцание, которое будет давать понять, что нет ничего идеального...". Как сказал кто-то однажды эти слова.

Итак, что же такое "плоский приёмопередатчик"?

"Я ненавижу американские горки" - объявил Эл, очевидно, одержав победу в битве с ручным пультом. "Они напоминают мне о лётной подготовке. Они усаживают тебя и сбрасывают столько перегрузок, что ты теряешь сознание. Сэм? Ты меня слушаешь?"

"Да, я слушаю. Разве это не здорово?". Сэм продолжил идти, споткнувшись о расшатанную доску и едва удержавшись на одной из опор дорожки. "Ты когда-нибудь катался на американских горках, Эл?"

Эл фыркнул. "Я когда-то работал над одной из этих штук. Когда мне было шестнадцать. Я ненавижу их."

"Ой, да ладно. Они потрясающие. Ты поднимаешься так высоко..."

"И падаешь так низко."

На этот раз тон его голоса привлёк внимание Сэма. Он повернулся, чтобы уделить Элу всё своё внимание.

Что-то было не так с ручным пультом; теперь Эл парил примерно в шести дюймах над землёй, а часть его левой ноги представляла собой железную стойку. Хотя Сэм знал, что видит изображение, это всё равно нервировало. В голограммах не помешало бы какое-то мерцание, чтобы ты мог знать, где они находятся. Или, если точнее, где они находятся рядом с тобой. Изображение Эла не мерцало вообще. Он выглядел настоящим.

На Эле был относительно сдержанный для него самого костюм цвета электрик с широкими переливчато-фиолетовыми лацканами, которые улавливали многоцветный свет от ручного пульта и придавали ему эффект свечения в темноте. "Хорошо, что больше никто его не видит", - решил Сэм.

Конечно, если бы они могли его увидеть, то, вероятно, подумали бы, что он был просто клоуном, забредшим на аттракцион.

Выражение лица Эла по-прежнему было мрачным. Он взглянул поверх их голов на каркас и поморщился. "Эта штука, должно быть, больше ста футов высотой."

"Не совсем, но почти. Так, где и когда я нахожусь? Что, по словам Зигги, я должен сделать?". Это была та информация, которую он должен был получить и ему не нравилось, что Эл тратит время. Обычно это означало, что дело плохо. Очень плохо. Даже хуже, чем обычно.

Сэм не мог вспомнить, почему он вошёл в Ускоритель, несколько месяцев или лет назад. Он не мог вспомнить деталей теории, которая позволяла ему верить, что он перемещался из жизни в жизнь в пределах своей собственной жизни. Зато он знал, благодаря порой болезненному практическому опыту, что каждый раз, когда он оказывался в чужой жизни, что-то должно было измениться. До сих пор ему всегда удавалось внести изменения. Но компьютер Зигги утверждал, и у него не было причин не верить в это, что если ему не удастся изменить то, что должно было пойти не так, он навсегда застрял бы в жизни другого человека.

И он никогда не вернётся домой.

Эл хмыкнул и сосредоточился на ручном пульте, прищурившись на изучении крошечного дисплея. "Что ж, давай посмотрим. Сегодня 10 июля 1957 года, среда, и ты находишься в Жасмине, штат Оклахома. Боже, я и не знал, что города бывают такими маленькими...ну, я думаю, не такими уж и маленькими..."

"Может, перейдём к делу, Эл?"

Он должен был верить, что если он внесёт достаточно изменений, то снова вернётся домой — потому ли, что ему нужно было изменить мир, в котором он мог бы жить, или потому, что процесс скачка учил его вещам, которые он должен был знать для какой-то дальнейшей, таинственной цели, все ещё скрытой от него, он не знал. Проект, который, как он считал, определялся и ограничивался наукой, превратился в нечто иное. Что-то или кто-то управляло его судьбой, словно марионеткой, перемещая

его с места на место и не спрашивая его мнения. Но даже у этой Силы были или должны были быть пределы, если Зигги был прав, потому что Сэм всё равно мог потерпеть неудачу.

Наказанием за неудачу было изгнание навечно.

Эл отвёл его подальше от американских горок, поближе к огням и суете парка аттракционов, и всё ещё хмурился, глядя на ручной пульт. Когда вокруг появлялись люди, хотя они и не могли его видеть, Наблюдатель заметно повеселел. "Мне нравятся карнавалы", - заметил он. "Я помню, как однажды там была действительно великолепная блондинка, и мы прокатились по Туннелю любви..."

"Эл!" - если бы Сэм позволил своей единственной связи с собственной жизнью отвлечься на воспоминания об утраченных желаниях и временной любви, они могли бы провести здесь всю ночь. Они могли бы провести здесь несколько ночей. У Эла был богатый опыт, которым он всегда жаждал поделиться. "Эл!"

"О. Да. Что ж. Ты - Бобби Уоткинс, тебе двадцать три года, и ты работаешь в..."

"В "Мире семьи Шебера"."

"Да, точно."

"Так что же я должен делать, Эл?". Люди, с которыми Эл был так рад находиться рядом, начали искоса поглядывать на Сэма, пока он вытягивал информацию из невидимого Наблюдателя. Он сменил гримасу на улыбку, а разочарованный жест - на взмах руки. Продавец билетов нерешительно ответил на приветствие.

Эл испустил многострадальный вздох. "Ладно, ладно. Это те американские горки. Убийца..." — Он постучал по светящемуся ручному пульту, пытаясь удержать линию передачи данных от зависания.

"Убийца Диллер". Сэма раздражали пределы экрана на маленьком ручном пульте управления. Он сделал мысленную заметку сказать Элу, чтобы тот попросил Зигги переделать дизайн и сделать экран побольше. Была какая-то причина, по которой он был таким маленьким, но он не мог вспомнить, какая именно.

"Да. Убийца Диллер. В данном случае, название как нельзя точное. Потому что Убийца Диллер собирается убить семь человек во время своего торжественного открытия в воскресенье. Через четыре дня. И Зигги говорит, что ты здесь, чтобы остановить это."

[ГЛАВА 3]

Эйлин Шебер перебрала стопку счетов на столе, сравнила общую сумму со счетом за электричество за месяц и потёрла глаза. Один глаз всё ещё горел от злоключения в "утином киоске", а оба глаза вообще просто устали от многочасового разглядывания столбцов цифр, дебетов и кредитов, расходов и доходов.

Этого было недостаточно. Этого было недостаточно уже довольно давно, даже до того, как дядя Карл начал болеть. Это было единственным утешением в сложившейся ситуации; она не унаследовала "Мир семьи" и не запустила его до основания. Это уже начинало проявляться, прежде чем она его получила.

Она снова перетасовала бумаги, пытаясь заставить суммы складываться по-другому. Ничего не вышло.

Встав из-за кухонного стола, она подошла к плите, налила себе чашку кофе и, размышляя, прислонилась к раковине. Если бы она могла просто отложить оплату ещё на несколько дней, то открытие должно было покрыть самые большие из неоплаченных счетов. Проблема была в том, что она платила людям, а также электрической компании и банку, и у людей тоже были неоплаченные счета. Это была не только её проблема, это была проблема каждого человека, который зависел от зарплаты в "Шеберс".

В конце сезона карнавалы переезжали, забирая с собой большинство игр, катание на пони и саму жизнь. Но продавцы и люди, которые управляли аттракционами — они жили в Жасмине круглый год, и им нужно было кормить семьи. Большинство из них работали на Карла годами. Даже карнавальщики, бродячие торговцы, приходили сезон за сезоном. Старик считал их семьёй. Частью своего "Мира Семьи".

Теперь они работали на неё, и она за них отвечала. И если она собиралась сохранить их работу, ей нужно было найти какой-то способ вернуть людей обратно в "Мир Семьи". Застройщики могли бы прийти, размахивая пригоршнями денег, чтобы купить землю, на которой стоял "Мир Семьи", снести всё это и построить фабрику. Что-нибудь вроде космических штук, вроде тех, какие предполагалось, делали русские. Но никто в Жасмине, никто из людей, работавших в "Мире Семьи", не собирался искать работу на такой фабрике.

Её внимание привлёк шум у входной двери. Прислушавшись, она услышала ворчание Веры, идущей по коридору от столовой к двери. Голоса за дверью стали громче, так как кто-то вошёл.

Вера появилась в дверях с Майком Макфарландом за спиной, преграждая ему путь. "Мистер Макфарланд пришёл повидаться с тобой, Эйлин", - объявила она без всякой необходимости. Её губы были поджаты от неодобрения. "Я сказала ему, что уже поздно."

"Я знаю, что это так", - с лёгкой улыбкой сказал мужчина с песочными волосами. Когда Вера не двинулась с места, он обошел её. "Это займёт всего несколько минут."

Он сделал многозначительную паузу, но Вера стояла на своём, вытирая руки о фартук. Должно быть, она снова ставила цветы в ту старую хрустальную вазу в столовой, подумала Эйлин. Ваза треснула много лет назад, но Вера настояла на том, чтобы продолжать ею пользоваться.

"Я думаю, мистер Макфарланд хочет поговорить о делах, тётя Вера", - мягко сказала Эйлин. "Пожалуйста, не беспокойтесь о нас. Я знаю, что у вас были дела, которые вы хотели сделать."

Это был самый тактичный отказ, на который она только была способна, но Вера всё равно была возмущена. Не говоря больше ни слова, она развернулась, и зашагала по коридору, стуча каблуками по широкому деревянному полу.

"Майк, пожалуйста, присядьте", - продолжила она. Она предпочла бы иметь дело с Макфарландом в гостиной, но поскольку он последовал за Верой на кухню, вместо того чтобы ждать в холле, вежливость требовала, чтобы она поприветствовала его. "Что, чёрт возьми, заставило вас прийти так поздно?" Она заколебалась, внезапно встревожившись, и встала, чтобы взять ещё одну чашку кофе для своего посетителя, которая ранее была спрятана. "С аттракционом всё в порядке, не так ли?"

"Только чёрный, с одним кусочком сахара", - сказал Макфарланд, пристально наблюдая за ней, и ей стало не по себе. "Нет, с аттракционом всё в порядке. Я всё проверил. Поэтому я здесь."

Она обернулась и увидела, как он двигает счета взад-вперёд кончиком пальца, улыбаясь самому себе. и почувствовала вспышку негодования. Поставив чашку перед ним, она сдвинула стопку бумаг в сторону, якобы для того, чтобы освободить место на столе между ними. На самом деле от его внимания не ускользнул тот факт, что при этом счета оказались вне пределов его досягаемости, и он открыто усмехнулся.

"Это непростая операция для такой красивой леди", - сказал он, отпивая глоток. "Мммм, вы, несомненно, готовите хороший кофе."

"Я думаю об этом как о семейном бизнесе", - ответила она, не обращая внимания на очевидную лесть. "Что у вас на уме, мистер Макфарланд?"

Он снова поставил чашку и повертел её взад-вперёд, поворачивая ручку из стороны в сторону. "Ну, как я уже сказал, я осмотрел аттракцион. И он в идеальном состоянии. В идеальном рабочем состоянии. Этот "Убийца Диллер" доставит массу удовольствия многим людям. Я действительно горжусь им. Это, можно сказать, достижение всей жизни."

Ей стало немного теплее от его очевидной гордости: "Я этим очень довольна."

"Это принесёт вам большую пользу."

Она заколебалась, ища какой-нибудь подвох, но не смогла его найти. Его светло-карие глаза теперь были открыты и откровенны, в них не было и намёка на скрытые мотивы. Вопреки себе, она ответила тем же.

"Мы должны найти способ привлечь людей, Майк. Мы пытались снизить цены. Предлагали дверные призы. Арендовали для вечеринок. Всё это работало какое-то время, но недостаточно хорошо и недостаточно долго. "Убийца Диллер" должен был принести нам много пользы. Премьера должна была состояться Четвёртого, но из-за смерти дяди Карла..." — её голос сорвался, и она замолчала.

Они одновременно посмотрели на стопку счетов.

"Они что, обманывают вас?" - спросил он и почти сразу поднял руку, чтобы предотвратить её ответ. "Нет, извини, это не моё дело. Абсолютно не моё. Я бы хотел...". Сделав паузу, он наклонил голову, словно тщательно обдумывая свои слова, затем покачал ею взад-вперёд, словно опровергая свои мысли. "Нет. Нет, не берите в голову" Он вытащил сложенный лист бумаги. "Я просто зашёл сказать вам, что считаю свою работу законченной и могу уйти в любое время. Ваш аттракцион наконец-то начнёт работать в воскресенье". Он протянул ей бумагу через стол.

"Что?" На мгновение Эйлин от шока потеряла дар речи, взяв бумагу, даже не глядя на неё. Из всего, чего она ожидала, это было последним. "Вы уходите?"

Он приподнял брови. "Ну..."

"Я не знаю, что сказать", - сказала она. Затем она развернула сложенный

листок бумаги.

Это был счёт на семь тысяч долларов.

"Это покрывает моё время, дизайн американских горок и материалы", - сообщил ей Макфарланд. Теперь его глаза были как кремень, а тон голоса - оборонительным. "Если вы ознакомитесь с контрактом, который я заключил с Карлом до того, как мы начали проект, это подлежит оплате по завершении. Карл подписал его. Это законно. Вы не можете его отменить."

"Но, но..." - пробормотала она и в замешательстве встала, чтобы налить себе ещё чашку кофе, не допив первую. Денег не было. Она никак не могла достать чек на семь тысяч долларов. Это было больше денег, чем во всех остальных счетах, вместе взятых. Это было целое состояние. Это было невозможно. На похоронах Карла и потом Макфарланд никогда не упоминал о деньгах. Она всегда предполагала, что работа по аттракциону уже оплачена.

"Может быть, я действительно так плоха в этом, как думает Джесси", - подумала она. Как я могу ему заплатить? Он хочет получить свои деньги, прежде чем уйдёт. Он имеет право на оплату. Рабочий достоин своей зарплаты.

К тому времени, как она вылила содержимое чашки в раковину и снова наполнила её, к ней вернулось самообладание. "Я и слышать не хочу о вашем уходе", - сказала она, возвращаясь к столу. "Ни в коем случае. Это ваше достижение, и вы должны быть здесь, чтобы увидеть его открытие. Я действительно очень хочу, чтобы вы остались."

"Это правда, Эйлин?" Его голос понизился, стал мягче, и она почувствовала, как её лицо заливается краской.

"Ну конечно же, мистер Макфарланд. Кроме того, вы очень помогли в других делах в парке. Я действительно не понимаю, как мы сможем обойтись без вас в ближайшие несколько дней". Она глубоко вздохнула. "И я бы чувствовала себя намного легче, если бы вы нашли время ещё раз проверить аттракцион вместе с Джесси, Бобом и некоторыми другими. Я просто не знаю, как мы будем ладить, когда вас не будет."

Это были слова, которые можно было принять как за излишнюю вежливость, так и за приглашение, и в течение долгого мгновения казалось, что её гость размышлял, что из этого ему выбрать. Затем Эйлин наклонилась вперёд, забыв о своей чашке в руках.

"Этот аттракцион изменит всё к лучшему, мистер Макфарланд. Это ужасно важно для меня. И для вас это тоже триумф. Я думаю, вы должны быть здесь, чтобы увидеть его открытие. И, с чисто деловой точки зрения," — она сделала паузу, чтобы убедиться, что он понял, что она говорит серьёзно, — "Для вас имеет смысл остаться. Я не хочу слышать о вашем уходе, пока не откроется аттракцион". "И пока я не смогу заплатить вам эту просто невероятную сумму денег", - дико подумала она.

Он рассмеялся, запрокинув голову так, что в песочных волосах заиграл свет. "Хорошо. Должен признаться, я надеялся, что вы это скажете. Но я действительно хотел, чтобы вы знали, что всё это подтверждается. С этого момента вы являетесь владельцем одного из самых захватывающих — и безопасных — аттракционов на Юго-Западе". Он взглянул на стопку счетов. "Или им будет владеть банк. Это довольно рискованное предприятие для прекрасной леди. Должно быть, это будет довольно напряжённо."

"Только до открытия", - твёрдо заявила она. Она встала и протянула ему руку, он взял её и галантно поцеловал тыльную сторону.

"За открытие", - сказал он. "Вы даже не представляете, с каким нетерпением я этого жду."

Вера, стоявшая в дверях, видела последний обмен репликами и свирепо смотрела до тех пор, пока Макфарланд не отпустил руку Эйлин и не подчинился её суровому выпроваживанию. Улыбка Эйлин за его спиной стала неуверенной и потускневшей. Последнее замечание о банке, конечно, было излишним. Ему не нужно было напоминать ей, насколько всё нестабильно. Она и так это знала. Она испробовала всё, что могла придумать, всё, что узнала от Карла, и от других владельцев парка, которые не знали из её писем, что она женщина, к тому же ещё и молодая.

Теперь она хваталась за последнюю соломинку. Что-то другое, что-то такое, чего ещё не видели Средние графства. Что-то новое. Захватывающее. Ослепительное.

"Убийца Диллер."

Она посмотрела на счёт в своей руке. Счёт на семь тысяч долларов.

И если бы аттракцион не привлекал людей, "Мир семьи Шебера" закрылся бы. И всё. Она подвела бы всех тех людей, которые зависели от неё. Она бы подвела Карла, этого большого, грубоватого, сердечного человека, который заменил ей отца. Она бы не осуществила свою собственную

мечту о волшебном месте, где осиротевшая, одинокая маленькая девочка могла бы гулять, надежно держась за крошечную ручку взрослого, и где были бы свет, музыка и радость. Она помнила, как впервые посетила парк, когда была маленькой девочкой, и своё изумление от того, что такое чудесное место могло бы быть настоящим, могло бы принадлежать её дяде Карлу.

Теперь это было не просто реально, это принадлежало ей, и хотя магия была немного потрёпанной, она всё ещё была жива. Каким-то образом она сохранит это таким. Это было бы не только живым, но и процветающим. Больше всего на свете она хотела, чтобы это процветало. Это было желанием её сердца. Она моргнула, из-за того, что её налитый кровью глаз внезапно заслезился.

Она отпила кофе. Он был холодным.

Кто-то однажды сказал, что можно узнать о человеке всё, что вам когда-либо нужно будет узнать, взглянув на его книжные полки. Сэм всегда чувствовал, что в этом высказывании было огульное, непроверенное предположение: у данного человека должны были быть книжные полки изначально. Насколько он мог судить, у Боба Уоткинса их не было. Он не читал книг со средней школы. И, возможно, даже тогда, по словам Эла.

"Он местный сумасшедший", - сказал Эл, появляясь снова без предупреждения, больше чем обычно. "Что-то видит, что-то слышит, разговаривает с людьми, которых там нет."

"Это я могу понять", - пробормотал Сэм. Ему всегда казалось, что он как будто вторгается в чью-то чужую жизнь, роется в их домах, в их имуществе, нарушая что-то неотъемлемое как в их жизни, так и в своей собственной. Это было похоже — ну, так оно и было на самом деле — на вхождение в чужой дом без приглашения.

Сэм попытался проследить за Джесси в "Убийце Диллере", но обнаружил, что пожилой мужчина исчез. Это поставило его перед проблемой определения местоположения дома Боба. Вернувшись в основную часть парка, он стал бесцельно бродить вокруг, слушая объяснения Эла о том, насколько много или мало информации у них было об аварии. Пока что компьютерный анализ истории показал только, что авария произойдёт. Дальнейшая информация поступит позже, заверил его Эл, хмуро глядя на ручной пульт.

Тем временем Сэм обменивался приветствиями с продавцами и игровыми операторами. Очевидно, Боба хорошо знали и любили. В конце концов он обнаружил, что бродит по трейлерам за офисом, задаваясь вопросом, как он собирается выяснить, живёт ли Боб в одном из них, и если да, то в каком. Компьютер Зигги ничем не мог помочь. История показала, что юридическим адресом Боба Уоткинса был почтовый ящик, в котором было бы тесновато спать.

Он надеялся увидеть незаметную вывеску с надписью "Уоткинс", но тут его посетило вдохновение; он вернулся к киоску для охоты на уток, вытащил из-под прилавка громоздкую стопку коробок от лампочек и попросил ближайшего продавца помочь ему донести их домой. Оператор аттракциона посмотрел на пустую карусель, пожал плечами и шагнул вперёд, чтобы помочь ему. Сэм отстал, извлекая пользу от хромоты Боба, и дружелюбный местный гид привёл его прямо к входной двери Боба.

"Мне очень повезло", - продолжил Сэм, не скрывая сарказма. "Если Боб ходит и "что-то видит", то, по крайней мере, люди должны просто принимать меня как должное, когда я разговариваю с тобой. Никаких проблем. Проще простого."

"Э-э, не в этот раз". Элу было действительно неловко из-за всего этого. Его взгляд всё время ускользал от Сэма, и он тыкал в кнопку на ручном пульте гораздо энергичнее, чем обычно.

Сэм оторвался от осмотра шкафа и уделил Элу всё своё внимание, вопросительно приподняв бровь.

Эл откашлялся. "Ну, видишь ли, у Боба вроде как репутация человека, ну...ты знаешь, вокруг которого постоянно что-то идёт не так. Как с той кабинкой."

Сэм поморщился при этом напоминании и потёр бедро. Оно всё ещё болело. Ему вовсе не нужно было сильно имитировать хромоту Боба. "И что?"

"А то, что когда аттракцион потерпит крушение, они подумают... - Эл махнул рукой, в которой была сигара. Сэм никогда не мог понять, как человек, столь озабоченный внешней средой, как Эл, мог наносить столько вреда своей внутренней среде этими проклятыми сигарами. Он вспомнил, как однажды спросил его на эту тему, и Эл ответил возвышенной цитатой о том, что постоянство - это свойство крошечных умов. По крайней мере, поскольку Эл был всего лишь образом, Сэму не приходилось мириться с запахом. "Они подумают, что это сделал ты", -

закончил Эл.

"И что?"

"И что?" - громко воскликнул Эл, тыкая в кнопки на ручном пульте, и избегая встречаться с ним взглядом.

"Что ещё?"

"В смысле, что ещё?"

"Я вижу, что ты что-то скрываешь, Эл. Что именно?"

Эл безропотно сдался. "Они думают, что Боб стал причиной аварии, но поскольку он сумасшедший, они не отправят его в тюрьму. Они..."

"...Отправят его в сумасшедший дом", - прошептал Сэм. По спине у него пробежал холодок.

"Где он умрёт через десять лет," - мрачно сказал Эл.

"О, Боже, нет". Вспышками физической памяти он вспоминал один из бывших скачков: ползание между прутьями кровати. Связывание смиренной рубашки, беспомощность, неспособность двигать руками, даже сохранять равновесие при ходьбе. Люди пялились на него, как будто он был каким-то диким животным. Другие люди вокруг него, бессмысленно бормотали, с широко раскрытыми глазами, недержание мочи, бессмысленные звуки изо рта, который должен был бы уметь говорить, смеяться и петь. Запахи мочи и кала, пота и одиночества, аммиака и цементных стен. Взрывы боли, которые они называли "терапией".

Бессвязность. Утрата идентичности, знания о себе как о Сэме Беккете, знания о себе как о мужчине, как о человеке.

Страх. Самым большим страхом, который он мог испытывать, была потеря способности думать. Он думал, следовательно, он существовал. Он мог смириться с пробелами в своей памяти, веря, что когда-нибудь они будут заполнены; он мог собрать свою жизнь по кусочкам вокруг ядра самосознания. Но без способности мыслить он был, в буквальном смысле, ничем. Единственное, что осталось от Сэма Беккета, - это разум, и если бы его не стало, ему грозило уничтожение.

Оказаться запертым на всю оставшуюся жизнь с психически больными, с которыми обращаются как с одним из них — а что он мог сказать такого, что не считалось бы безумием? — в учреждениях, доступных в это время и

в этом месте, неизбежно свело бы его с ума так же, как и остальных.

"Они думают, что это сделал Боб?" - спросил он, и у него внезапно пересохло в горле. Он облизал губы, пытаясь выдавить немного влаги. "Этого не может быть. Люди здесь знают его. Ты это видел. Они все его друзья. Он безобиден. Может быть, немного неуклюжий..."

"Я думаю, что они искали козла отпущения". Эл пытался успокоить; он даже прошёл сквозь стол и попытался, конечно безрезультатно, похлопать Сэма по спине. "Я знаю, что ты этого не делал."

"Но это не имеет значения, не так ли? Я не могу здесь оставаться, Эл. Я должен убраться отсюда."

Их глаза встретились, и в одном взгляде прозвучал целый разговор. Иногда Сэм испытывал искушение остаться в той жизни, в которую он переместился, перестать что-то менять и позволить истории просто происходить, и жить жизнью человека, в чьём теле он оказался. Некоторые из этих жизней были нормальными, спокойными, относительно прекрасными обычными жизнями.

Жизнь в психиатрической лечебнице не соответствовала бы ни одному из этих критериев.

"Зигги говорит, что есть девяносто семь процентов вероятности, что ты должен помешать открытию "американских горок"."

"Зигги сказал, как это сделать?". Сэм посмотрел на то, что было у него в левой руке, а именно некогда белая хлопчатобумажная рубашка, которую он держал в руках, когда вошёл Эл. Его рука была крепко сжата. Он намеренно расслабил её, радуясь отвлекающей боли, когда кровь снова прилила к его пальцам.

"Мы пытаемся выяснить. Записи не очень хороши. Но у тебя ещё есть — сегодня у нас вечер среды — три с половиной дня. Это уже кое-что."

"Этого недостаточно". Он закрыл глаза, пытаясь стереть осколки воспоминаний и заменить их чем-то другим. Это не сработало. Он снова их открыл, оглядывая спальню, достаточно большую, чтобы вместить кровать и комод. Над обшарпанным комодом висело зеркало, и он посмотрел в глаза Бобу Уоткинсу. Боб тоже выглядел испуганным.

"Я посмотрю, что смогу сделать". Нажав на кнопку на ручном пульте, Эл открыл дверь Голографической Камеры, ведущую в будущее и шагнул внутрь.

Сэм растянулся на кровати, уставившись на пустое пространство там, где раньше была дверь Голографической Камеры. Жара в трейлере была ужасной, несмотря на то, что он открыл крошечные окошки. Потолочный вентилятор гонял вихри горячего спёртого воздуха туда-сюда.

Он вспомнил:

Кэти, стоящую и воздевающую руки к небу, вскрикивающую от восторга, а затем протестующую, когда он втащил её обратно на сиденье. Её смех. Его смертельную хватку на перекладине безопасности перед ними. Лица далеко внизу, круглые белые точки, смотрящие на них снизу вверх, проносящиеся мимо слишком быстро, чтобы их можно было разглядеть, когда они ныряли вниз, вверх, по кругу, взад и вперёд, как будто машины были одушевлёнными и полны решимости вытряхнуть своих пассажиров прочь.

Это было так весело - кататься на американских горках.

Он мог представить себе — это не было воспоминанием и не было чем-то реальным — тело, освобождённое от тряски, падающее по дуге. Тело Эйлин Шебер. Безвольное и сломленное тело, приземляющееся посреди белых перевёрнутых лиц.

Представлял себя, умоляя о чём-то, что он ненавидел и чего боялся, потому что, если он этого не сделает, он никогда больше не увидит Эла. Страдание на лице Эла, когда Наблюдатель уговаривал, умолял его попросить окружающих людей причинить ему боль. Это было настоящее воспоминание, неполное, потому что он не мог вспомнить, о чём он просил и что было дальше. Но он мог вспомнить, каково это было.

И это было воспоминание, которого он не хотел вспоминать. Иногда его дырявая память могла быть благословением.

Его желудок скрутило, он сполз с кровати, бросился в крошечную ванную, и его вырвало в унитаз.

Минут через десять он избавил себя или Боба от всего, что Боб съел за последние три дня, и, задыхаясь, повис на краю раковины.

"Хорошо", - сказал он, сам удивляясь грубости и решительности в своем голосе. "Хорошо. Этого достаточно."

Зеркальное отражение Боба смотрело на него в ответ: глаза были покрасневшими, а лицо побледневшим. Он вытер подбородок тыльной стороной правой ладони, клинически отметив ухудшение состояния мышц руки в отражении. Он экспериментально согнул руку, наблюдая за её

реакцией в зеркале. Да, рука была немного негнущейся, но вполне пригодной для использования. Примерно так же как он чувствовал себя сам.

Он бы воспользовался метафорой. "Я - Сэм Беккет", - сказал он, словно произнося клятву или молитву. "Я - учёный. Я основал Проект "Квантовый Скачок". Я здесь, чтобы что-то сделать, и я собираюсь это сделать. Я не собираюсь заканчивать жизнь в психушке. Я собираюсь вернуться домой."

"Я вернусь домой."

"Когда-нибудь?" - взмолился уголок его сознания. "Когда-нибудь ты позволишь мне вернуться домой?"

[ЧЕТВЕРГ]

[ГЛАВА 4]

На мировой арене в 1957 году Израиль и Иордания приняли мирные предложения ООН. Сорок шесть человек погибли при попытке свергнуть режим Батисты на Кубе. Родился Общий рынок. Умер "Хвостовой стрелок" Джо Маккарти. В Лос-Аламосской лаборатории было получено нейтрино. Открыто антинейтрино. Министерство обороны сообщило Америке, что её крупные города будут охраняться ракетами "Найк-Геркулес". Джон Ф. Кеннеди получил Пулитцеровскую премию за свою книгу "Профили мужества". Альбер Камю получил Нобелевскую премию по литературе. Собака-сука по кличке Лайка облетела Землю. "Доджерс" покинули Бруклин. Был открыт 102-й элемент, nobelium. Доктор Сьюз написал "Кота в шляпе".

В книжных магазинах появились книги "На пляже" и "В дороге", а на сцене появился спектакль "Визит на маленькую планету". Драматург по имени Сэмюэль Беккет представил пьесу под названием "Эндшпиль".

В Жасмине, штат Оклахома, в среду, 10 июля 1957 года, температура второй день подряд достигала 102 градусов, и Сэм Беккет, который не помнил ничего из этого, кроме нобелия, проснулся в чужой постели и снова приготовился встретиться лицом к лицу с чужой жизнью и чужим будущим.

Эл Калавичи, который тоже не помнил ни одного из этих событий, но все они были доведены до его сведения в ходе краткого обзора истории в течение ночи, стоял рядом с Сэмом, когда тот чистил зубы. Ванная была достаточно маленькой, чтобы он оказался за порванной занавеской для душа, а не перед ней, с выцветшей рыбкой, трепещущей на лацканах его зелёного охотничьего пиджака.

"Проблема в том, что Жасмин, штат Оклахома, просто не является очень значительным," - объяснял он "У Зигги проблемы с отладкой."

"Но ты же знаешь, что произойдёт авария," - пробормотал Сэм с полным ртом зубной пасты. Однажды его уже затошнило из-за того, что он пользовался чужими зубными щётками. Несколько скачков назад он решил, что все возможные микробы будут в таком же замешательстве, как и он, и, вероятно, умрут от неопределённости, прежде чем он успеет подхватить инфекцию. Пока что теория, казалось, работала.

Ополоснувшись, он выплюнул пену, вытер рот и потянулся сквозь Эла за полотенцем. "Ты не против? Здесь немного тесновато."

"А? Ох, прости. Наверное, я просто привык разговаривать с тобой в туалетах". В туалетах люди не могли видеть, как Сэм разговаривает, по-видимому, с пустым воздухом. Эл вышел наружу. "В любом случае, да, произойдёт авария. Это было самое грандиозное событие в этой части штата за многие годы. Парк закрыли. Застройщики скупили землю, но так ничего с ней и не сделали. Жасмин в конце концов просто угас."

"Есть ли у Зигги какие-нибудь соображения о том, как произошёл этот несчастный случай? Или как его остановить?" - вид Эла, стоящего посреди кровати — не на середине кровати, а прямо в ней — на мгновение заставил его похолодеть, тем не менее он храбро продолжил: "Или вообще что-нибудь?"

"Э-э, нет."

"Отлично. Просто отлично". Сэм начал открывать ящики комода в поисках носков.

В верхнем ящике лежал альбом с фотографиями. Эл, заглядывая ему через плечо, когда Сэм начал перелистывать его.

"Эй, а кто эта лисичка?" - прошептал Эл.

"Чего?"

"Лисичка. Разве это не то слово, которое они используют сейчас? Вернее

тогда?" - начал путаться во временах Эл. "Или это была цыпочка, или малышка..."

Сэм проигнорировал его, продолжая изучать фотографии — страницу за страницей, фотографии Эйлин Шебер. Самой первой в книге была групповая фотография из начальной школы с подписью, нацарапанной выцветшим карандашом: "Эйлин и я вместе". Остальных тридцати с лишним детей в классе, возможно, даже не существовало.

Там были ещё фотографии класса, затем газетные вырезки, на которых Эйлин была запечатлена на котильоне, на сезонных открытиях парка, на пикниках в честь праздника Дня Независимости, Четвёртого июля. Старательно написанных от руки подписей больше не было.

"Ух ты. Она хорошенькая". Элу всегда можно было доверять, в том, что он вникнет в суть дела.

Но Сэму не нужно было второе мнение. Он задумчиво закрыл альбом. "Да, это так."

"Эй, как ты думаешь, наш друг Боб зациклился на ней? Может быть, он действительно что-то сделал?". По мере того, как переворачивались страницы, Эл начинал беспокоиться.

"Нет". Сэм не знал, откуда взялась эта уверенность, но она была очень знакомой, и он всегда ей доверял. "Нет. Он без ума от неё, но не настолько сильно без ума. Я думаю, Боб влюблён в нее. Может быть, даже по-настоящему любит её."

Эл покачал головой, и издал цокающий звук языком. "Любовь может быть искажённой". Когда Сэм отказался это принять, он предупредил: "Ты можешь ошибаться, Сэм."

Последние несколько страниц альбома были пустыми. Он начал убирать его, но неправильно оценил расстояние до комода. Альбом выскользнул, и с обратной стороны книги выпала ещё одна, сложенная жёлтая вырезка. Газетная бумага была смятой так долго, что в процессе её разворачивания она треснула вдоль сгиба.

Это был некролог миссис Джеймс Уоткинс, вдовы Джеймса Уоткинса, храбро погибшего на пляже Омаха. Она умерла от рака в возрасте тридцати девяти лет, и у неё остался единственный сын, Роберт Джеймс, шестнадцати лет. Цветы были заказаны в доме окончательного упокоения, в Жасмине.

"Вот чёрт," - сочувственно сказал Эл.

Сэм на мгновение закрыл глаза, сложил клочок и аккуратно положил его обратно в альбом. "Эл, этого не может быть. Если Боб был тем, кто устроил аварию, то, когда я переместился, несчастный случай больше не мог произойти, не так ли? Потому что Боба не было бы здесь, чтобы сделать это. И я, конечно, не собираюсь этого делать. Так что, просто находясь здесь, я бы предотвратил это и выпрыгнул. Всё не так просто. Всё никогда не бывает так просто."

Положив альбом вместе со всеми его мечтами и воспоминаниями на место, он задвинул ящик и продолжил поиски подходящих носков. "Кроме того, если бы дело было только в этом, мне не пришлось бы перемещаться на четыре дня раньше срока. Я должен был бы находиться здесь только в течение того периода времени, в течение которого произошла ошибка."

"Если предположить, что это была ошибка, а не умысел," - возразил Эл, хватившись за последнюю вразумительную фразу, сказанную Сэмом.

"Если предполагать, что это сделал Боб. Значит, он этого не делал. Это не мог быть Боб". Найдя пару носков, он натянул их и зашнуровал тяжёлые рабочие ботинки, которые были засунуты под кровать.

Эл нахмурился, мысленно поворачивая аргумент то в одну, то в другую сторону, но так и не смог найти изъян. "Я ненавижу, когда ты становишься логичным."

"Послушай, я знаю, что он этого не делал. Нутром чую."

"Ещё больше я ненавижу, когда ты становишься эмоциональным."

Выражение лица Сэма говорило - "Так неужели я не прав?". "Я думаю, мы должны предположить, что это был несчастный случай, и лучший способ предотвратить это - не допустить открытия. Это означает, что мне нужно убедить Эйлин не проводить открытие."

"Но об этом уже объявлено. Она не поверит тебе только потому, что ты скажешь, что это приведет к аварии."

"Мне придётся убедить её. Будет полезно, если ты выяснишь, что именно пошло не так", - добавил он.

"Я также ненавижу, когда ты становишься саркастичным," - пробормотал Эл, свирепо глядя на него, открывая дверь Голографической Камеры и шагая внутрь.

"Я? Саркастичный? Никогда," - пробормотал Сэм себе под нос, улыбаясь.

"Что, совсем никогда?" - донёлся голос Эла, когда дверь Камеры скользнула вниз.

"Ну, почти никогда." - начал напевать Сэм себе под нос.

Он не мог просто подойти к кому-нибудь и спросить, где живёт Эйлин Шебер; Боб бы это уже знал. С другой стороны, если бы Боб был немного сумасшедшим, возможно, это был бы лучший подход. Сэму это не понравилось. Он направился в офис в поисках телефонной книги.

За столом лениво хлопали лопасти большого вентилятора, создавая приятное движение воздуха. Температура уже переваливала за восемьдесят градусов. Разбросанная по столу бумага раскисла от влажности. Девушка лет шестнадцати, одетая в широкую юбку и розовую блузку, с мышино-каштановыми волосами, собранными сзади в конский хвост, жевала жевательную резинку и рассматривала свои ногти.

"Я могу вам помочь?" - сказала она, не поднимая глаз.

"Мне нужно одолжить телефонный справочник," - пробормотал Сэм.

"Кому вы хотите позвонить?" - безразлично спросила она, по-прежнему не поднимая глаз. Заусенец на указательном пальце левой руки полностью приковывал её внимание.

"Это не...Послушайте, могу я посмотреть телефонную книгу, пожалуйста?" - зажмурился Сэм подавляя раздражение, которое он испытывал.

"Сзади на полке". Она повернула одно плечо в сторону книжной полки позади себя.

Это прозвучало слишком грубо, для человека, говорящего правду.

"Спасибо." - Сэм обошёл стол.

"Не знаю, для чего он вам нужен", - продолжила она. "Вы могли бы просто набрать любой номер. Они все одинаковые". С тихим ворчанием она оторвала заусенец, осмотрела образовавшуюся капельку крови и сунула палец в рот. Она была немного похожа на Бессу, за исключением того, что глаза Бессы были более умными.

Девушка зевнула, не прикрывая рта.

Если подумать, она была совсем не похожа на Бессу.

К сожалению, в телефонном справочнике Жасмина за 1957 год были указаны только номер станции АТС, Флауэр и пятизначные добавочные номера абонентов. Адреса указаны не были. В списке были указаны четыре Шебера; ни у одного из них не было имени Эйлин или инициала Э. Озадаченный этим, он положил книгу обратно.

"Я же говорила вам, что они все одинаковые," - с набитым ртом пробормотала девушка.

Открыв дверь, Джесси просунул голову внутрь: "Боб? Вот ты где. Я тебя искал. Дасти нужна помощь с его чёртовыми пони. И не забудь о кузнеце. Иди туда, ладно?". Когда Джесси вошёл, то выглядел измученным. "Мелинда, сюда кто-нибудь заходил?"

"Нет, пока я здесь никто". Девушка хихикнула. "За исключением Боба, конечно, но он не в счёт."

"Спасибо," - сказал ей Сэм. Мелинда, полностью поглощенная своим теперь сморщенным пальцем, не обратила на него внимания. Джесси махнул ему, чтобы он проходил, и он снова вышел, оглянувшись при этом назад. Джесси стоял у шкафа с документами, просматривая какие-то бумаги. Мелинда снова зевнула и вяло помахала рукой в воздухе. Сэм помахал в ответ, прежде чем понял, что жест адресован не ему.

Он вспомнил, что видел пони недалеко от колеса обозрения, и направился в ту сторону. Пожилая продавщица карамельных яблок улыбнулась ему, когда он проходил мимо, и он ответил на приветствие, почувствовав себя лучше.

"У тебя небольшая заминка с гиталонгом?" - (идиома, имеется ввиду хромота, прим. пер) - появился из эфира Эл и пристроился рядом с ним.

"Что? Ах, ты об этом." - Сэм осознал, что всё еще хромает и потянулся назад, чтобы потереть бедро. Его рука реагировала не так легко, как ему хотелось. "Должно быть, прошлым вечером я ударился сильнее, чем думал."

"Или это, или то, что Боб в детстве переболел полиомиелитом."

"Полиомиелитом?". Сэм посмотрел на свою правую руку, вспомнил, какой она выглядела в зеркале. Не искалеченной, но — иссохшей.

"До вакцины Солка была большая эпидемия. Маленькие эпидемии случались почти каждый год. Я помню, как читал книгу под названием

"Человек, живущий в Железном Лёгком" о парне лет двадцати, который подхватил её во время поездки в Гонконг или куда-то ещё. Он был полностью парализован от шеи и ниже". Эл покачал головой. Сэм тоже. Эл не переставал его удивлять. Он никогда бы не заподозрил, что Элу будет интересно прочитать то, что звучало как квинтэссенция истории надежды и жизнеутверждения. Затем Эл озадаченно продолжил: "Парень женился и завел пару детей. Никогда не мог понять эту часть."

Это все объясняло.

"Значит, у Боба был полиомиелит?" - спросил он, как для того, чтобы отвлечь своего друга от того, что он, очевидно, намеревался предпринять, так и для того, чтобы побольше узнать о Бобе. В любую секунду Эл мог спросить его, когда были изобретены имплантаты для полового члена, и ему чертовски не хотелось говорить на эту тему.

"Да, но всё было неплохо. Он пропустил год учёбы, и его правая рука и нога немного слабы, но на этом всё."

"Ты выяснил что-нибудь ещё об этом несчастном случае?". С самого начала, Сэм заметил, что один из продавцов, ведущих баскетбольный матч, как-то странно смотрит на него. Он одарил мужчину болезненной улыбкой и помахал рукой и с облегчением увидел, как тот пожал плечами и отсортировал мелочь в красно-жёлтый фартук, который носили все игровые операторы.

"Этому парню все равно," - сказал Эл. "Они все думают, что ты... то есть, я имею ввиду, Боб, всё равно немного чокнутый."

Сэм бросил на него яростный взгляд. "Как раз то, что мне нужно, верно?". Было трудно говорить, не шевеля губами. Он вытер струйку пота на лбу, намеренно используя для этого правую руку. Это было нетрудно, сказал он себе. В конце концов, это была его рука. Не Боба. "Ты так и не сказал, выяснил ли ты что-нибудь."

"Зигги занимается поиском," - обиженно запротестовал Эл. "Требуется время, чтобы узнать что-то о таких местах, как это. Мы работаем над этим. У нас есть немного информации."

"Роберт Джеймс Уоткинс родился в 1934 году. В том же году, что и Эйлин," - добавил далее Эл, - "Его мать умерла в 1949 году. Его на два года взяли к себе Карл Шебер и сестра Карла Вера. Милые люди. Они взяли к себе Эйлин, когда ей было всего четыре года, и тоже растили её. Карл устроил Боба на работу в "Мир Семьи", и с тех пор он работает здесь, выполняя разные поручения. У него репутация человека, который немного"

"не в себе". Что-то видит, что-то слышит."

"Это всё, что у меня пока есть, Сэм. Это займёт некоторое время. Извини."

"У меня не так много времени" - сказал Сэм; продавцу билетов, который бросил на него недоумённый взгляд, он добавил: "Чтобы закончить свою работу."

"Мы делаем все, что в наших силах." - заверил Эл; ручной пульт взвизгнул, словно в знак согласия. Сэм остановился и уставился на него.

"Раньше такого не было."

"Чего не было?" - Эл, максимально изображая невинность, постучал по разноцветному пульту. "Ты имеешь ввиду, не было шума? Уверен, что был. Он постоянно издаёт всевозможные звуки."

"Что-то не так с ручным пультом?" - процедил Сэм сквозь стиснутые зубы. Ему в голову пришла худшая вероятность. "Или что-то не так с самим Зигги?"

"Нет, конечно, нет. Я ведь здесь, не так ли? У нас действительно сильный контакт, в этом нет сомнений". Ручной пульт снова завизжал. Сэм попытался схватить его, на мгновение забыв о том, что это невозможно, и в итоге засунул руку в горло Эла. "Эй, осторожнее!" - запротестовал Эл.

Сэм глубоко вздохнул, считая до десяти. "Почему он издаёт этот шум?"

"Откуда мне знать? Я не учёный." - уклонился от ответа Эл.

"Это технический вопрос." - сверкнул глазами Сэм.

"А я занимался авиацией, а не механикой". Эл мог выглядеть невыносимо самодовольным, когда хотел. "Так что я не знаю."

"Я сдаюсь." - Сэм зашагал прочь, завернул за угол и чуть не споткнулся о лохматого каштанового шетландского пони, который был занят тем, что деловито тёрся шкурой о железную ограду, к которой был привязан. В другом загоне фыркали и топтались на утренней жаре ещё пять пони. Вокруг них жужжали огромные чёрные мухи, и пони оживлённо хлестали хвостами.

"Эй, парень, осторожнее там!". На другой стороне ринга встревоженно поднялся со своего изъеденного молью мягкого кресла ковбой. Когда он это сделал, Эл, всё ещё стучавший по ручному пульту, догнал Сэма. Гнедой пони фыркнул и заартачился. Эл, не замечая этого, продолжал идти, проходя сквозь железную ограду. Ручной пульт разразился особенно

оглушительным визгом.

Пони тоже издал визг, встал на дыбы и врезался в забор, сломав три доски и отправив столб в безумный наклон. Дасти закричал. Сэм тоже закричал. Эл в замешательстве поднял глаза, когда Дасти пронёсся сквозь него, пытаясь отрезать пони от только что созданного прохода. "Чёрт возьми, вернись сюда, ты, маленький непутёвый кусок собачьего корма!"

"Кто, я?" - спросил Эл.

Сэм бросился на пони, который развернулся и ударил ногой, точно, но недостаточно далеко. Сэм почувствовал, как подкованные металлом копыта размером с его ладонь задели его грудину и прошли мимо щеки как раз в тот момент, когда он плюхнулся животом на кольцо для пони. Гнедой пони с озорным блеском в глазах проскочил сквозь Эла и дыру в заборе и помчался по дорожке, ловя солнечные лучи на каждом шагу.

"Боб, почему все рушится каждый раз, когда ты появляешься?" - спросил Дасти, похлопывая потрепанной шляпой "Стетсон" по кожаным штанам. Дасти был старым, обветренным мужчиной с кожей, которая выглядела так, словно была вырезана из дуба, и чёрными волосами. Его штаны выглядели так, словно ими пользовались на рабочем ранчо, а шляпа была испачкана и помята.

"Хороший вопрос,"- процедил Сэм сквозь стиснутые зубы, свирепо глядя на Эла. Эл пожал плечами, обеспокоенно посмотрел на ручной пульт и ударил по нему кулаком. Позади него открылась дверь Голографической Камеры, и он шагнул внутрь, не проронив ни слова.

Что, по мнению Сэма, всё равно было на два слова больше, чем нужно.

"Хороший вопрос," - сказал кто-то ещё, смеясь. "Дружище, ты будто какой-то проклятый!"

"У тебя здесь какие-то дела, Макфарланд?". Дасти выглядел враждебно.

Макфарланд усмехнулся и засунул руки в карманы. "Эй, Дасти, разве ты не замечал, что каждый раз, когда появляется калека, то что-то ломается? Машинам он, должно быть, нравится. Они хотят быть такими же, как он. Убожество". Рассмеявшись шутке, он неторопливо удалился. Дасти сплюнул в грязь.

Сэм с трудом поднялся на колени, выплёвывая изо рта неприятные вещи и пытаясь извиниться, но воздух перед ним расплывался. Он моргнул, и снова моргнул, пытаясь сфокусироваться на чём-то, что, казалось,

танцевало прямо на краю его периферийного зрения. На мгновение он мог бы поклясться, что увидел...

"Что случилось?" - Дасти стоял над ним, протягивая ему руку. "Что?"

Сэм вставая, покачнулся, даже опираясь на руку. "Я не знаю". Встревоженный, он посмотрел на середину дорожки. Маленькая лошадка уже давно исчезла. "Пони сбежал — разве тебе не следует привести его обратно?"

"Да, чёрт возьми, я приведу пони. Я хочу знать, что случилось, парень? Ты выглядишь неважно. Что ты видел?"

"Я не видел..." - Сэм остановился и начал снова. "Пони ест карамельные яблоки."

"В киоске Лизи?" - спросил Дасти.

Сэм кивнул, не зная, с чем он соглашается, но зная, что должен кивнуть.

"Ну, вот и всё. Если это всё, пойдём за ним." - Дасти снова хлопнул себя по бедру и потянулся за недоуздом, висевшим на всё ещё стоящем столбике. "Если только ты не хочешь запрячь остальных."

Сэм оглядел остальных пони, сбившихся в кучу в другом загоне, их глаза закатились, а уши прижались. "Ты говоришь, в киоске у Лизи?"

"Это ты так говоришь," - проинформировал его Дасти, шагая по проходу. Сэм с трудом поспевал за широкими шагами пожилого человека.

"Но откуда ты знаешь..." - начал он.

"Послушай, парень," - зарычал на него Дасти. "Может быть, те, другие, не обращают внимания, но моя мама была чистокровной чокто,(чокто - коренной народ США, изначально проживавший на юго-востоке (ныне штаты Миссисипи, Алабама и Луизиана) прим.пер) и она научила меня обращать внимание, когда такие люди, как ты, видят всякое."

Сэм решил, что сейчас самое подходящее время помолчать и подумать. У него возникло неприятное ощущение, что он знает, что имел ввиду, говоря, что Боб "видит всякое", и ему это совсем не понравилось.

Ему это понравилось ещё меньше, когда они обогнули киоск Лизи с карамельными яблоками и обнаружили, что пони занят тем, что в блаженстве виляя хвостом, поедает товар, в то время как пожилая леди в тщетной ярости хлопала юбками на него.

"Обойди его с другой стороны и будь готов схватить зацепку", - приказал ему Дасти.

Повинуясь, Сэм обошёл вокруг, махая рукой, чтобы успокоить Лизи, которая отказывалась успокаиваться. Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дасти занял позицию, увидеть, как глаз с белым ободком закатился в его сторону, и пригнулся, когда пони бросился в атаку, все еще держа во рту только что сорванное яблоко.

Они гонялись за пони, которого этот процесс чрезвычайно развлекал, по большей части парка развлечений, прежде чем он согласился прижаться в угол кабинки оператора "Убийцы Диллера". Сэм мог поклясться, что животное смеялось над ним.

"Ты видел, как эта тварь на тебя набросилась?" - спросил Дасти, когда они повели теперь уже послушного пони обратно к его товарищам.

"Да, конечно," - ответил Сэм. "Я был прямо там..."

"Тогда почему, чёрт возьми, ты не сказал об этом? Я мог бы пойти в обход и мы бы не гонялись за этим проклятым куском собачьего мяса по всему творению."

Поморщившись, Сэм понял, что, когда Дасти спросил его, видел ли он пони, он не имел в виду, когда это произошло на самом деле. Он хотел знать, знал ли Сэм-Боб об этом заранее.

А это означало, что Дасти верил, что Боб мог это знать.

Это означало, что Дасти верил, что Боб был экстрасенсом.

[ГЛАВА 5]

Сэм провёл остаток утра, ремонтируя загон и ухаживая за пони, седлая и водя их по кругу внутри отремонтированного загона. Дасти сидел в своём мягком кресле и принимал билеты, время от времени бросая на Сэма сердитые взгляды. Он всё ещё не простил своего помощника за то, что тот не опередил события ни на шаг. Сэм решил не упоминать о кузнеце — копыта пони выглядели, по его мнению, достаточно хорошо. Он достаточно внимательно осмотрел их, чтобы убедиться в этом.

Наконец Дасти встал, посмотрел на палящее солнце над головой и кивнул. "Пора сделать перерыв."

"Слава Богу," - пробормотал Сэм себе под нос, прислонившись к ограде забора.

"Что, по-твоему, ты делаешь, парень? Сходи за шлангом и наполни это корыто. Эти твари работали всё утро. Им нужна вода. Но не слишком много. Принимайся за дело, парень!"

Хороший ковбой всегда в первую очередь заботится о своей лошади.

Даже если лошадь доставала ему только до пряжки ремня. Подводя маленький табун по одному к кормушке, он давал им напиться, безуспешно пытаясь удержать их от того, чтобы они не облюновали ему штаны. Каштановый пони, казалось, получал особое удовольствие, обнюхивая его. Вспомнив о кольце вокруг его глаза, Сэм старался держаться подальше от головы маленького монстра.

"Я лично отведу тебя на бойню, если ты хотя бы попытаешься это сделать," - предупредил он.

Пони фыркнул.

"Привет, Сэм."

На мгновение Сэм не отреагировал на собственное имя. Потребовалось ещё одно повторение, прежде чем он испуганно поднял глаза. Это была Бесса, крепко зажавшая палец во рту, стоявшая на нижнем поручне и смотревшая на него между верхней и второй перилами, другой рукой держась за них. На ней было поношенное синее платье-сарафан, белые носки с голубой отделкой в тон и белые лакированные туфли на одном ремешке, покрытые грязью и навозом.

"Привет, Бесса". Убедившись, что последнее животное надёжно привязано, он бросил взгляд на Дасти, который посмотрел на маленькую девочку и отвернулся, тем самым явно давая понять, что ему нет никакого дела до того, что Боб тратит свой перерыв на разговоры с ребёнком.

"Как у тебя сегодня дела?" - продолжал Сэм, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться на уровне её глаз. С Бессой это уже входило в привычку — так или иначе, с ней нужно было говорить начистоту. Поскольку сидеть на корточках не совсем получалось из-за того, что она сидела на перилах, она любезно спустилась вниз.

"Я хорошая девочка," - объявила она.

"Готов поспорить, что так оно и есть." - Сэм потянул её успокаивающую руку и начисто вытер ей палец. Бесса тут же сунула его обратно в рот.

"Готов спорить, что ты также и большая девочка. А большие девочки не сосут пальцы."

"Да, они это делают," - сказал Эл у него за спиной, тыча сигарой для пущей выразительности. "Я могу вспомнить..."

Сэм бросил на него взгляд, говорящий "не начинай". "Не слушай его," - сказал он маленькой девочке.

Бесса переводила взгляд с мужчины на голограмму, широко раскрыв голубые глаза. "Большие девочки так не делают?"

"Нет," - твёрдо сказал Сэм. "Они этого не делают."

"Значит я ещё не большая девочка," - решила Бесса и понадёжнее зажала палец между губами.

"Попался," - усмехнулся Эл. "Может, ты и не большая девочка, но ты определённо умная," - сказал он ей.

Она улыбнулась им обоим солнечной улыбкой.

"Эй, там! Нас ждут клиенты!" Крик Дасти заставил двух мужчин обернуться. Трое маленьких мальчиков, ещё младше Бессы, стояли со своими родителями у входа в круглый загон, цепляясь за руки взрослых и широко раскрытыми глазами наблюдая за пони — которые были размером с лошадь для них.

"Извините меня," - сказал Сэм своей аудитории и подошёл, чтобы помочь Дасти усадить мальчиков в сёдла.

"Он мне нравится," - призналась Бесса Элу, который остался наблюдать за ней.

"Да, он мне тоже нравится". Эл затянулся сигарой, понял, что она погасла, и похлопал себя по карману жилета в поисках чего-нибудь, чем можно было бы её прикурить. На нём был красный костюм с белой, чёрной и красной шёлковой рубашкой, слегка потрёпанной. Он заметил, что Бесса критически смотрит на него.

"Ты клоун?" - спросила она.

"Нет, я не клоун," - с достоинством ответил он. Не найдя спичек или зажигалки, он сунул сигару во внутренний карман.

Ручной пульт взвизгнул. Ближайшие пони вскинули головы, закатив глаза. Сэм потянул вниз одного пони, на которого собирался посадить ребёнка, а

Дасти скорчил гримасу и отошёл в сторону. Бесса зажала уши ладонями, убрав их только тогда, когда убедилась, что этот ужасный шум прекратился. "Ты выглядишь как клоун," - сообщила она ему суровым тоном. Сэм фыркнул и взял нового пони, умиротворяюще улыбнувшись родителям ребенка. Ребёнок, который считал себя ковбоем, возражал против более спокойного скакуна, но его удалось переубедить. Эл незаметно внёс коррективы, и следующий пронзительный крик был более приглушённым.

"Это не очень приятные слова". Эл привык к комментариям о своём гардеробе и редко обращал на это внимание. Однако он всегда обращал внимание на конструктивную критику со стороны представительниц слабого пола. Он не мог удержаться, чтобы не взглянуть на маленькую девочку. Бесса всё ещё наблюдала за Дасти и Сэмом. "Ты действительно думаешь, что я похож на клоуна?"

Бесса кивнула, не поднимая глаз.

"Хм". Эл ещё раз пристально посмотрел на неё, затем набрал код двери на ручном пульте. Мигнули лампочки, и ручной пульт загудел, но безрезультатно. Эл попытался ударить им по столбу, но преуспел только в том, что пробил им сквозь шесть дюймов дерева. Наконец он ударил рукой по ручному пульту, который держал в руке, и дверь Голографической Камеры открылась.

Бесса развернулась, чтобы посмотреть на прямоугольную дыру, возникшую из ниоткуда. "Что это?"

"Это моя особенная дверь", - сказал ей Эл. "Мне нужно ненадолго вернуться домой."

"Можно мне пойти с тобой?". Она подскочила к Двери и прошла сквозь неё. Через мгновение она огляделась по сторонам, сильно озадаченная. "Она не здесь". Она обошла вокруг и снова вошла в Дверь, упрямо выпятив нижнюю губу. Произошло то же самое.

"Ты не можешь пройти," - сказала она Элу. "Это всего лишь тень."

"Ну, да, для тебя это тень. А для меня это дверь."

"Ты можешь пройти через эту дверь?". Выражение её лица ясно давало понять, что она не поверила бы ему, если бы он сказал, что может.

"Да," - сказал Эл, который знал это выражение по долгому опыту. "Я действительно могу."

"Возьми меня с собой". Докажи это, словно говорила она.

Эл бросил взгляд на Сэма, который теперь ходил кругами с серым Шетландцем и изо всех сил старался сохранить серьёзное выражение лица. "О, заткнись, Беккет. Я бы хотел посмотреть, как ей это объяснишь ты". Он сделал паузу. "Хотя, если подумать, ты, вероятно, смог бы". Сэм продолжал вести пони степенным шагом, тихо посмеиваясь. Ребёнок, балансирующий в седле, переводил непонимающий взгляд с него на Эла.

Он снова обратил своё внимание на Бессу, которая в ожидании упёрла руки в бока.

"Нет, милая, ты должна остаться здесь". Он переглянулся с Сэмом, который кивнул на прощание. "Я очень скоро вернусь. Я обещаю."

"Я надеюсь," - пробормотал он, переступая порог. "Живчик!"- крикнул он. "Ты должен починить эту штуку!"

Жасмин, штат Оклахома, исчез. Эл находился в комнате шестнадцати футов в поперечнике, которая, казалось, светилась холодным бело-голубым светом. В ней не было окон. Панели в стенах длиной шесть футов и шириной три фута на уровне глаз содержали студенистую субстанцию, которая перемещалась и переливалась блестящими разноцветными крапинками, - самую крупную из биосхем, из которых состоял Зигги. В одной точке периметра дверь в шестиугольной раме скользнула вверх, открывая пандус, который вёл в другую круглую комнату. Стена толщиной восемнадцать дюймов отделяла Голографическую Камеру от остальной части комплекса.

Эл шагнул в дверь, и она медленно закрылась за ним, как медленная гильотина. По периметру соседней комнаты ходили взад-вперёд мужчины в белых халатах, обмениваясь взволнованными комментариями. Никто из них не удостоил Эла взглядом.

Центр комнаты занимал большой стол, сделанный из полупрозрачных разноцветных квадратов. Это была значительно увеличенная версия ручного пульта, и она гудела. Квадраты светились красным, жёлтым, синим, освещая тёмные схемы и соединения внутри них. Огни то вспыхивали, то гасли без видимой закономерности. Словно в гармонии, гигантский сине-серебристый шар, подвешенный над ним, беспорядочно мерцал.

Глубоко в центре подставки стола три квадрата были тёмными и безмолвными, и их содержимое было невидимо для стороннего

наблюдателя.

Из-под стола донёлся приглушенный голос: "Я пытаюсь, сэр. Я всё ещё не уверен, как добраться до повреждённых цепей, не разбирая весь пульт, и если я это сделаю..."

"Возможно, ты не сможешь собрать его снова". Эл наклонился, безуспешно пытаясь разглядеть, что происходит. "Каждый раз, когда ты что-то тестируешь, ручной пульт кричит, как замученный кот."

"Я ничего не могу с этим поделаться," - сказал обладатель голоса со всем достоинством, на какое был способен. Учитывая неловкое положение, которое он в данный момент занимал, его было не так уж много. "Я программист, а не специалист по аппаратному обеспечению. Этого нет в микрокоде. Я думаю, это из-за специальных цепей, сэр."

Эл зарычал: "Знаю, знаю...Нам нужна Тина. Удалось её найти?"

Живчик откашлялся под столом. "'Э-э, нет, сэр, мы ещё этого не делали."

"Есть ли кто-нибудь ещё, кого мы могли бы привлечь?" - требовательно спросил Эл.

"Нет никого, у кого есть допуск, сэр". Живчик тяжело вздохнул. "Никого, кто разбирается в схемах". Последовала пауза и зловещий грохот, за которым последовало

приглушённое ругательство. "Никто не разбирается в этих схемах," - скорбно добавил он.

"Потрясающе." - Эл выпрямился и вышел из комнаты, закусив губу. Из-под стола донесся облегчённый стон, грохот и ещё одно ругательство.

Из Диспетчерской открывался вход в Зал Ожидания. Именно здесь оказывались люди, которых "заменял" Сэм, экономя энергию и время. Эл не стал притворяться, что понимает теорию; её понимал Сэм и, возможно, понимали ещё два человека в мире, но даже Сэм не был уверен в этом, поскольку двое других всё равно не имели соответствующих прав обсуждать это.

Эл ненавидел это.

Эла беспокоила не теория. А то, что - или кто - ждало его там. Он собрал всю свою силу воли, закрыл глаза, набрал полные лёгкие воздуха и шагнул внутрь.

Зал Ожидания представлял собой больничную палату с высоким потолком

размером с небольшую палату интенсивной терапии, со смотровой площадкой высоко в одной стене, куда можно было подняться по короткой лестнице. Окна смотровой площадки выступали под углом, предоставляя посетителю или посетительнице беспрепятственный обзор остальной территории.

В "палате" была только одна кровать.

На кровати лежало тело, слепо уставившееся в потолок. Эл мог думать об этом только как о теле, хотя и видел, что оно дышит; он не узнавал человека в теле. Он не узнавал позу тела. Он знал, почему правая рука была плотно прижата к груди, потому что разум в теле всё ещё думал, что тело страдает от последствий полиомиелита. Он знал, что правая нога была согнута под простыней по той же причине.

И он мог понять, почему разум, скрывающийся за глазами, в ужасе отступал.

Это было частью его ежедневного ритуала. Каждый день, когда он был на Проекте, вот уже много лет, он заходил в Зал Ожидания, чтобы увидеть тело Сэма Беккета и разум какого-то другого человека, наполовину обезумевшего от ужаса, и он всегда говорил одно и то же: "Мы делаем всё возможное, чтобы вытащить тебя отсюда, малыш. Мы делаем всё возможное, чтобы вернуть тебя домой."

Он никогда не был до конца уверен, к кому он обращается - к телу или к разуму.

Физической оболочке Сэма Беккета, казалось, было под тридцать лет или, возможно, чуть за сорок, с бледной кожей, которая слишком долго не видела солнца. В настоящее время эту оболочку занимал Боб Уоткинс. Он не отреагировал на присутствие Эла. Он был подключен к ряду мониторов, которые дублировались на смотровой площадке.

На другом конце комнаты за столом сидела элегантная чернокожая женщина в белом лабораторном халате, постукивая ручкой по листу бумаги. Когда доктор Вербина Бикс подписывала контракт с Проектом "Квантовый Скачок", она ожидала, что будет заниматься исследованиями в области психологии гения. Она не планировала быть практикующим психологом и держать за знакомые руки множество незнакомых людей. Со свойственным ей изяществом и стилем она адаптировалась без единого звука жалобы. Эл, со своей стороны, был ей глубоко благодарен, даже если ему не хотелось это показывать.

"Ну?" - спросил он.

"Я не знаю," - ответила доктор Бикс. "Кажется, он вообще ни на что не реагирует. Я не уверена, стоит ли нам вообще ожидать от него реакции. Однако все проведённые мной тесты, подтверждают твою гипотезу."

"Так и есть," - задумчиво произнёс Эл.

Другой голос, раздражённый, напряжённый и скрипучий, казалось, исходил из окружающих их стен. "Вероятность того, что гипотеза верна, составляет восемьдесят три процента."

"Значит, он действительно экстрасенс," - размышлял Эл.

"Вероятность находится в пределах допустимой нормы." - произнёс бестелесный голос.

Доктор устало улыбнулась. "Зигги действительно не очень хорошо это воспринимает," - сказала она. "Его возмущает сама возможность существования экстрасенсорных способностей. Несомненно, это что-то, что он получил от своих родителей."

Эл без энтузиазма усмехнулся. "Полагаю, я должен принять это на свой счёт? Я никогда не говорил, что экстрасенсорных способностей не существует. Так что, если Зигги пошёл в меня, он вообще не должен возмущаться этим". Он прикусил нижнюю губу. - "Мы можем как-нибудь это использовать?"

Вербина с сожалением покачала головой. "Нет, если я не смогу достучаться до него. И я не уверена, для чего бы мы это использовали."

"Если бы он мог..." — Эл заколебался, мысленно перебирая и отбрасывая сценарии. "Ах, чёрт возьми. Я тоже не знаю, как мы можем это использовать. Но должен быть способ. Он ведь не просто так стал экстрасенсом."

"Правда?" - улыбнулась Вербина.

Ответ Эла потонул в очередном биоэлектрическом крике. "Живчик! Зигги! Прекратите это!" - рявкнул Эл.

"Я ничего не могу поделать, если кто-то копается в моих схемах, как заправский неандерталец!". При последнем слове голос Зигги перешел в нечленораздельный вопль.

"Живчик, что бы ты только что ни сделал, прекрати это!" - крикнул Эл через дверь смотровой площадки.

Через мгновение воцарилась тишина.

"А как поживает доктор Беккет?" - спросила доктор, прервав паузу.

"В последний раз, когда я его видел, он катал маленького ребёнка на пони. Занимался примерно тем, чем мы занимаемся здесь. Ходим кругами. У тебя есть новости от Тины?"

"Нет". Она строго посмотрела на него. "Ты единственный, кто может знать, куда она могла пойти."

"Откуда мне было знать, что она в смятении убежит? Откуда мне было знать, что Зигги сломается посреди скачка? Откуда мне было знать..."

"Хватит жалеть себя, Адмирал," - твёрдо сказала доктор. "Я бы хотела, чтобы ты просмотрел составленный тобой список мест, куда она могла бы отправиться, и подумал, сможешь ли ты что-нибудь добавить к нему. Тем временем я продолжу попытки установить связь с нашим другом Бобом, а Живчик сделает всё, что в его силах, чтобы починить Зигги."

"Известно ли нам что-нибудь ещё об аварии?" - спросил Эл.

Она покачала головой и её длинные серьги покачнулись. "Ты объяснил нашу проблему доктору Беккету?"

"Конечно же, я не объяснил нашу проблему доктору Беккету! Что я должен был сказать: "О, кстати, Сэм, я поссорился с Тиной, а у Зигги сломалась цепь, и мы не уверены, что получим какую-либо информацию об этом скачке?" "

"Это, вероятно, было бы противопоказано для его чувства безопасности," - согласилась доктор.

"Мне это тоже не очень-то помогает". Эл вытащил сигару и с силой откусил от неё кончик. "Было бы неплохо узнать, собирается ли он это пережить. Может быть, если Боб действительно экстрасенс, он мог бы предсказать нам своё будущее. Его будущее. Неважно."

"Это наше прошлое," - заметила Бикс. "Зигги, в конце концов, сможет разобраться с этим."

"Но это продолжает влиять на нас". На мгновение Эла охватило отчаяние. Чтобы скрыть это от пронизательного восприятия психолога, он подошёл к койке и уставился в открытые, невидящие глаза. "Ты уверена, что он вообще там?" - спросил он через плечо.

"Это не мозговые волны Сэма Беккета," - ответила доктор со спокойной убеждённой уверенностью. "Возможно, это не Боб Уоткинс, но это, определённо, не

доктор Беккет."

"Даже не предполагай этого," - огрызнулся Эл, вздрогнув. "Дела и так плохи". Словно в подтверждение его замечания, Зигги издал ещё один неземной вопль.

Доктор поморщилась. "Такой звук, будто ему очень больно."

"Я "такой" ", - ответил Зигги. "И я не "оно"."

"Конечно, нет, Зигги," - рефлексивно успокоил его Эл. Он вынул сигару изо рта и снова осмотрел тело на койке. "Вернись, чёрт возьми", - сказал он достаточно тихо, чтобы не услышала доктор. "Нам нужно, чтобы ты вернулся."

Тело не отреагировало.

"Сэм..." - начал было Эл.

"Вы что-то сказали, Адмирал?"

"Нет. Нет, ничего". Он снова оглядел Зал Ожидания, глубоко вздохнул, как будто всё это время сдерживал дыхание, и повернулся, чтобы уйти. Доктор протянула ему блокнот для подписи, и он, выходя, нацарапал на нём свою подпись.

"Куда вы идёте, сэр?" - спросил Живчик из-под стола. "Вы вернётесь?"

"Да, я вернусь. Я только собираюсь переодеться". Он не был уверен, но ему показалось, что он услышал, как программист пробормотал: "Слава Богу."

"Все кругом только критикуют," - прорычал он. "Никто меня не ценит, вот в чём дело. Никто меня не ценит."

Механические предметы под напряжением скручиваются, раскалываются, разбиваются вдребезги, щёлкают. Осколки металла, яркие зазубренные края. Шестерни скрежещут, заклинивают, прижимаются друг к другу, зубчатые колёса беспомощно грызут друг друга. Части, которые должны были быть связаны, отделились друг от друга, вращаясь независимо и дико. Процессы остановились. Движение прекратилось.

И люди, глупые мягкотелые люди, которые зависели от машин, не

понимая, как они работают, доверяли им функционировать без внимания, без заботы, были захвачены инерцией движения, законами энергии, действия и противодействия, которые были единственными реальными законами, и они заплатили за своё невежество ужасом, криками и кровью. Очень большой кровью.

Кровь, думал он, была смазкой для невежества. Чем более невежественными они были, тем больше крови требовалось.

Он любил, чтобы всё было смазано.

Ему нравилось напоминать невежественным, что за власть приходится платить. Была цена, которую приходилось платить за невнимание, за то, что не отдаёшь должное там, где это было необходимо. Если они не хотели признавать его за то, чего он на самом деле стоил, он напоминал им об этом.

И было приятно напомнить им об этом.

В его жизни им слишком часто пренебрегали, и он должен был напомнить им об этом раз и навсегда.

[ГЛАВА 6]

Сэм посмотрел на солнце, пытаясь определить время по его положению. У Боба, как оказалось, не было часов. Была середина дня, и было невыносимо жарко. Даже нахождение в тени не помогало. Слишком влажно, подумал он, и подумал, не может ли помочь пребывание в сухом месте. Он мог вспомнить откуда—то сухую жару, но это конкретное воспоминание не помогло - оно не могло изменить того, как обстояли дела сейчас. Дасти, скручивая сигарету, устало посмотрел на него.

"Ты плохо себя чувствуешь, парень?". Вопрос был задан по-доброму, но, скорее всего, это означало, что Сэм что-то упустил из виду.

"Нет, я чувствую себя прекрасно". Пони шумно пофыркивали в своих мешках с кормом, следы пота на сёдлах почти полностью исчезли, а все упряжки были аккуратно развешаны. Кольцо было чисто вычищено, и большие зелёные мухи лениво жужжали над навозной кучей. Запах конского пота и навоза висел в воздухе, как туман. Это было немного похоже на то, будто бы Сэм снова оказался на ферме. Он моргнул от внезапного яркого воспоминания о том, как чистил единственную лошадь

своего отца, гнедую, похожую на пони-эскаписта. Отец Сэма твёрдо верил в современную технику, а лошадь была сентиментальным пережитком.

На этом сходство между пони и лошадью заканчивалось; лошадь была одной из тяговых пород, и ему пришлось вытянуться во весь рост, чтобы дотянуться до холки. На шее здоровяка был шрам от ошейника, и он всегда осторожно расчёсывал его, хотя и знал, что рана давно зажила, ведь лошадь помнила.

Ему было около десяти лет.

Он не мог вспомнить имя лошади.

"Ты выглядишь как напуганное животное. Ты часто пользуешься этой рукой. Она болит?"

Сэм понял, что это причиняет боль и потёр руку. Это было похоже на его руку — пальцы, массирующие её, ощущались как его собственные пальцы. Ему пришлось напомнить себе, что это не так. Тело Боба Уоткинса было взято на время. Ему следовало бы бережнее относиться к нему.

И ему лучше не позволять себе отвлекаться от того, что он начал делать.

"Нет, всё в порядке". Он покачал головой, глядя на плоскую бутылку, которую протянул ему Дасти, затем передумал. Он не мог позволить себе разгневать возможный источник информации. "Спасибо."

Виски плавно проглотилось, затем зажгло огонь в глубине его горла. Он закашлялся, на глаза навернулись слёзы, и вернул бутылку обратно. "Хорошая штука," - прохрипел он.

"Да уж, это не лошадиная моча." Дасти, казалось, был доволен его одобрением. "Садись, парень, я уже устал на тебя смотреть."

Сэм рухнул на тук сена и привалился спиной к удобным перилам, слишком поздно вспомнив, что не позаботился узнать, где можно позавтракать этим утром. Он потратил несколько драгоценных минут на то, чтобы собрать достаточно слюны, чтобы проглотить вкус виски. В голове у него слегка гудело.

"Ну," - начал он, откашлялся и начал снова. "Ну. Ты уже давно здесь, не так ли, Дасти?" - он решил, что для Боба достаточно безопасно быть фамильярным; несколько родителей называли Дасти по имени, и один долговязый подросток тоже.

"Достаточно долго," - хмыкнул Дасти.

"Тебе тут нравится?" - продолжал Сэм.

"Что, чёрт возьми, за вопрос?". Дасти сделал большой глоток из бутылки, и снова предложил её Сэму. Тот осторожно покачал головой.

"Спасибо, лучше не надо. Это мощная штука."

Дасти фыркнул, как один из его собственных пони, принимая оправдание. Сэм смахнул полоску засохшей красной глины со своей рубашки, которая была результатом его падения. Хлопья сошли, но рубашка под ними была в киноварных пятнах. Судя по нехватке одежды в шкафу Боба, ему также придётся поискать прачечную, прежде чем он совершит квантовый скачок.

"Я имею ввиду," — сказал он, - "Что с..."- он чуть не сказал "Эйлин", но в последний момент решил, что Боб будет более формальным, - "Что сейчас всем здесь заправляет мисс Шебер и всё такое."

Дасти хихикнул и сплюнул справа от ботинка Сэма. "Мисс Шебер, да? Ха! Вот это смешно, парень. Я не думаю, что соблюдение формальностей с леди пойдёт тебе на пользу."

"Ну..." - Сэм пожал плечами, лихорадочно соображая. Дасти, похоже, решил, что Боб интересовался Эйлин. Ладно, в свете фотоальбома, это имело смысл. К сожалению, это означало, что Боб, естественно, знал, где живёт Эйлин. Это выглядело бы странно, если бы ему пришлось спрашивать.

Конечно, ему уже следовало бы привыкнуть к этому.

"Я слышал, что она собирается переезжать," - сказал он, жалея, что рядом нет Эла. Эл был гораздо лучше него в элементарной хитрости. Тем не менее, стоило...попробовать. — "Она думает, что этот дом на, на..." - Он сделал паузу, как бы в нерешительности, приглашая Дасти, так сказать, вмешаться с нужной ему информацией.

И, как ни странно, это сработало. "Тот старый дом на Малберри-стрит? Где ты это слышал? Эта девочка не собирается переезжать. Она не может себе этого позволить, также как ты или я. Кроме того, куда ей переезжать? Ей чертовски повезло, что у неё есть дом. Карл оставил ей все дела. Неважно, кого при этом обманули," - мрачно добавил ковбой.

"Кого при этом обманули?". Вопрос возник сам собой, прежде чем он успел подумать об этом. Сэм задался вопросом, знал бы уже об этом Боб.

Дасти, более чем желавший поболтать, не сводя глаз с проходящих мимо

потенциальных покупателей, вытащил из заднего кармана кисет с табаком и отрезал пробку. Сэм сглотнул и отвёл взгляд в сторону, когда Дасти засунул коричневое волокно за щеку, образовав комок размером с мяч для гольфа. Было достаточно плохо мириться с сигарами Эла, но он научился с этим смиряться, имея ввиду пассивное курение и всё такое. По крайней мере, они нашли способ удалить большую часть канцерогенов из дыма. Но жевательный табак...Сэм изо всех сил старался сдерживать позыв к рвоте, когда Дасти выпустил первую тёмно-коричневую струю в красную грязь.

"Ну, кое-кто считает, что Карл хотел, чтобы его место занял Джесси," - начал ковбой. Комок во рту не мешал ему говорить. Сэму стало интересно, как долго жевал этот человек и сколько пройдёт времени, прежде чем появятся опухоли. Он закрыл глаза и повернул лицо к солнцу, вытянув руки вдоль поручня позади себя. Через мгновение он решил, что это не совсем удобно, и снова втянул правую руку. "Джесси, он ведь практически основал это место. С самого начала это была его земля. Ты этого не знал, не так ли?"

"Нет, точно нет," - совершенно искренне ответил Сэм.

"Ага," - удовлетворённо сказал Дасти, устраиваясь поудобнее, чтобы, как кот, впитывать безжалостный солнечный свет. Он был из тех, кто любил хорошие истории. "Родственники Джесси основали это место ещё во времена "Земельной лихорадки", и с тех пор живут здесь. Конечно, пришлось кое-что распродать, когда началась "Великая Депрессия", а затем и засушливые времена. Вот тогда-то Карл и занялся этим делом."

Он вопросительно взглянул на Сэма. "Ты уверен, что не знаешь об этом всего? Ты должен был знать, парень."

"Ну, может быть, кто-то что-то и говорил, но я точно не помню." Сэм придерживался буквальной правды.

Дасти сплюнул. Сэм поморщился. Дасти продолжил: "Шеберы, они всегда были хитрыми людьми. И этот Карл, он был самым умным из них всех. Он скупил землю по всей округе. Затем, когда Бартлетты занялись бизнесом по возрождению, позволяя проповедникам устраивать свои собрания на полях, где Бартлетты всё равно ничего не могли вырастить, Карл Шебер сдал им в аренду палатки. Он подал Джесси идею организовать детские аттракционы. Какое-то время они были партнёрами."

"Но Джесси, он никогда не был хорош в ведении бизнеса, продолжал терять деньги, а Карл продолжал выручать его, пока у Джесси не

осталось никакого интереса."

Дасти снова сплюнул. Сэм зажмурился и попытался представить собрание возрождения, скамейки, установленные на утрамбованной земле, фонари, разгоняющие темноту, огромную палатку, битком набитую потеющими людьми, шелест бумажных вееров, бормотание людей, а впереди мужчина в чёрном пальто и галстук-бабочке размахивающий руками и хрипло кричащий, с книгой в одной руке и указательным пальцем другой руки, указывающим в небо. Мужчина, которого он представил, был жилистого телосложения, несколько ниже среднего роста, с тёмными волосами, пронзительными чёрными глазами и длинной сигарой в вытянутой руке. Он подавил ухмылку.

"Ты думаешь, это смешно, что человек таким образом теряет свою землю?". Дасти увидел ухмылку и неправильно истолковал её.

"О нет, конечно, нет. Мне очень жаль. Но Джесси всё ещё работает здесь."

"Ага. Бьюсь об заклад, всё время думая, что когда старина Карл, наконец, уйдёт в отставку, то он всё исправит в своём завещании. В конце концов, Джесси практически управлял этим заведением в одиночку. Но что делает Карл, как не оставляет всё это своей племяннице? Многие люди думают, что это неправильно."

"Включая Джесси?" - бесхитростно спросил Сэм.

Но Дасти проявил запоздалую осмотрительность. "Не могу сказать об этом."

"Я знаю, что Эйлин хочет, чтобы квитанции и тому подобное были переданы ей сейчас. Я слышал, как она просила Джесси отдать ей книги". Сэм пытался подбить другого мужчину на дополнительные откровения.

Вместо этого Дасти со скрипом поднялся на ноги. "О, чёрт, я и забыл об этом. У меня есть кое-что из этого. Ты оставайся там, парень". Он исчез в небольшом сарае за загоном.

Теперь, когда чавкающий образ исчез, Сэм снова мог осмотреться, что он и сделал, потирая руку. В "Мидуэе" сейчас вообще никого не было, кроме сотрудников "Мира Семьи", вероятно, из-за жары. Пони стояли как в сомнамбуле, задрав задние лапы кверху, мирно посапывая, и единственным признаком того, что они ещё живы, было то, что они отмахивались хвостами от мух. В некоторых играх были опущены шторы, закрывающие солнце, что делало очевидным, что они всё равно не ожидали бизнеса.

Он надеялся, что у Дасти и остальных всё наладится, когда день перейдёт в долгий летний вечер. Однако при такой влажности, вероятно, здесь не остынет даже после захода солнца. Он снова прислонился головой к перилам, задаваясь вопросом, не обгорел ли Боб на солнце. На мгновение стало очень спокойно. Даже дребезжащий прото-рок-н-ролл из динамиков казался далёким. Фырканы пони на сене было гораздо ближе.

Через некоторое время Дасти вернулся с тонким конвертом, который был потрёпанным и в пятнах. "Отнеси это "Мисс Шебер", " - ухмыльнулся он. "Дам тебе шанс увидеть её снова. Скажи ей, что там не так уж много всего, потому что нет детей, которые могли бы покататься. Если её американские горки ничего не изменят, я не знаю, что мне делать."

Конверт и выглядел так, словно в нём было не так уж много. Когда Сэм попробовал его на ощупь, то только убедился в этом. Однако его беспокойство улетучилось, когда он понял, что Дасти или кто-то другой написал адрес мучительно - изящным почерком: мисс Эйлин Шебер, 4 Малберри-стрит, Жасмин. У него почти закружилась голова от облегчения. Или, может быть, это было из-за недоедания. Ему нужно было поскорее поесть — вчерашняя тошнота и то, что он ничего сегодня не ел, определённо сказались на нём.

"Сейчас же принеси мне отметку, слышишь? Не дай ей снова забыть."

"Не дам," - заверил его Сэм. Теперь всё, что ему нужно было сделать, это найти Малберри-Стрит. В городе размером с Жасмин это не могло быть слишком сложно.

"Она забыла отдать его мне в прошлый раз. Джесси никогда не забывал."

"Я позабочусь, чтобы ты это получил," - снова сказал Сэм и направился вниз по проходу.

"Эй, зачем ты идёшь в ту сторону? Ты сегодня слишком много ходил кругами, парень? Этой дорогой будет дальше!"

[ГЛАВА 7]

Улицы в Жасмине были затенены изогнутыми ветвями деревьев, а листья с нежным шелестом омывали небо. Дома были огромными и деревянными, слегка викторианскими, в строгих белых тонах с зелёными или голубыми ставнями — никакого буйства красок, обычно ассоциирующегося с

башенками, эркерами и имбирными пряниками. У каждого дома, казалось, было крыльцо с качелями. Сэм шёл вдоль сточной канавы — тротуаров не было, по крайней мере, в этой части Жасмина, — тихо наслаждаясь тенью, лёгким ветерком и видом детей в качелях на резиновых покрывках и серых белок, карабкающихся по деревьям. Воздух был насыщен ленивым жужжанием пчёл. Машин было очень мало, в воздухе пахло скошенной травой и розами вместо бензина, и было тихо, но не безмолвно. Ему это нравилось.

Он знал, что Жасмин был далёк от совершенства. Даже в маленьком городке в Оклахоме в пятидесятые годы была бы своя версия апартеида, с Дарктауном и индейцами по другую сторону демаркационной линии, также отделёнными друг от друга. Там были бы бедняки трёх рас, каждая из которых одинаково боялась бы и презирала других. Но в этот момент, прогуливаясь по Малберри-стрит, он мог позволить себе забыть о социальной несправедливости и глубоко вдохнуть душистый воздух. Этот скачок должен был предотвратить несчастный случай. Вот и всё. На этот раз всё было просто.

С адресом в руках найти дом оказалось не так сложно, как он первоначально предполагал. Дом Шебера был двухэтажным плюс мансарда и с верандой, как у всех остальных. В отличие от большинства других, витражный фонарь украшал верхнюю часть входной двери. Он не смог найти дверной звонок. Внезапно заколебавшись, он открыл сетчатую дверь и постучал в деревянную внутреннюю дверь.

Никто не ответил. Он постучал снова, раздумывая, что он будет делать, если никто не ответит. Наверное, вернётся в парк и попробует зайти ещё раз позже...

"Роберт Джеймс Уоткинс, что ты себе позволяешь?"

Женщина, открывшая дверь, не была Эйлин Шебер. Ей было чуть за шестьдесят, но выглядела она старше. Густая пудра и ярко-красная помада не смогли скрыть тонкую, как бумага, морщинистую кожу. Её пальцы, всё ещё сжимавшие край двери, напоминали когти. Ногти, покрытые лаком в тон, усиливали иллюзию. На ней было чёрное платье с белым кружевным воротничком, и это придавало ей невероятно хрупкий вид.

"Здравствуйте," - сказал Сэм, чувствуя себя глупо. "Эйлин...то есть мисс Шебер здесь?"

"И какое это имеет отношение к ценам на чай в Китае? Ты что, стал

проповедником, если вот так вот подходишь к парадной двери? Сию же минуту зайди с чёрного хода". С этими словами входная дверь захлопнулась, заставив сетчатую ширму подпрыгнуть в своей рамке. Маленькая женщина была сильнее, чем выглядела.

Поморщившись, Сэм обошёл крыльцо, только чтобы обнаружить, что оно не проходит до конца. Ему пришлось вернуться к парадному входу и спуститься по ступенькам, чтобы попасть в заднюю часть дома. Крыльцо, а за крыльцом и боковая сторона дома были усажены аккуратными клумбами, утопавшими в цветах и жужжали пчёлы. Тяжесть влажного воздуха была почти осязаемой.

Ряд из четырёх деревянных ступенек без перил вёл к другой сетчатой двери. Деревянная дверь за ней, в которой было четыре стекла, была открыта. Женщины нигде не было видно. Он подождал минуту или две, затем понял, что имеет дело с истинным приверженцем приличий, и постучал, как он надеялся, в приемлемо скромной манере.

"Так-то лучше," - фыркнула женщина. Сэм мог поклясться, что она пряталась за дверью, настолько быстро она появилась. Она продолжала здороваться с ним, как будто встречи у входной двери никогда и не было. "Боб Уоткинс, как приятно, что ты снова зашёл повидаться со мной. Не зайдёшь ли ты в дом и не выпьешь ли стакан лимонада?"

Задняя дверь вела через крошечную прихожую на кухню. Белый холодильник, казавшийся слишком маленьким, стонал в углу, а потолочный вентилятор ухитрялся делать жару терпимой. Плетёный тряпичный коврик занимал большую часть центра комнаты; на нём стояли деревянный стол и стулья. Через дверной проём он мог видеть столовую, гораздо более официальную, с частично видневшимся фарфоровым шкафчиком тёмно-вишнёвого дерева. Это был дом, который приютил Боба Уоткинса на два года, когда умерла его мать, напомнил он себе. Какая-то часть его самого принадлежала этому дому. Этой дамой, вероятно, была Вера Шебер, сестра покойного Карла.

И Боб провёл два года, деля дом с Эйлин, которая к тому времени была на год старше его в школе и которую он обожал, по крайней мере, если судить по коллекции фотографий и вырезок. А вот это была интересная мысль.

Женщина принесла тарелку овсянки с сахарным печеньем и кувшин лимонада со стаканом. "А теперь сядь прямо здесь и расскажи мне, что привело тебя сюда из парка," - сказала она, суется, чтобы взять себе тоже стакан. "Я заявляю, что прошёл целый месяц с последнего

воскресенья, как ты переступил порог этого дома."

"Я надеялся увидеть мисс Шебер," - сказал он, делая большой глоток лимонада. Он был не так хорош, как у его матери — он улыбнулся про себя, радуясь, что помнит вкус маминого лимонада — в нём было недостаточно сахара, и ему казалось, что во рту пересыхает от терпкости. На столе стояла жёлтая глиняная уточка, похожая на сахарницу. Может быть, ему удастся незаметно взять ложку, пока она не видит. Он съел печенье, внезапно осознав, что умирает с голоду. Ему стало интересно, когда Боб ел в последний раз.

"Только не смей называть её "Мисс Шебер", Боб Уоткинс. Она не такая уж высокопоставленная и могущественная, хотя некоторые так думают. О чём ты хотел с ней поговорить? Ты знаешь, что можешь рассказать своей Тёте Вере."

Что ж, по крайней мере, он был прав насчёт её личности. Не то, чтобы она могла быть кем-то другим. Тётя Вера — и спасибо кому бы то ни было за странную южную привычку ссылаться на себя, подумал он, а затем задался вопросом, откуда взялся этот случайный кусочек информации, — наклонилась вперёд, как хищная малиновка, следящая за исчезающим концом червяка. У него было такое чувство, что если он в ближайшее время не заговорит, она пронзит его копьём.

"Ничего особо важного," - тянул он время, слизывая крошку с губы. "У меня есть квитанции за катание на пони. Дасти попросил меня принести их. Она здесь?". Он задавался вопросом, насколько успешно ему удастся отговорить Эйлин от открытия аттракциона, если эта дама будет наклоняться к нему через плечо, пока он будет это делать. Он взял ещё одно печенье и с удовольствием захрустел.

"Её нет," - фыркнула тётя Вера. "Она в городе, обедает с президентом банка, да будет тебе угодно. Я не знаю, что станет с этой девушкой, если она будет вести себя как обычный деловой человек. Это позор и скандал, и в моё время это никогда бы не было разрешено."

Учитывая, что "время", которое имело ввиду тётя Вера, было, вероятно, где-то в 1920-х годах, она, вероятно, была права. Тем не менее, Сэм чувствовал себя обязанным защитить отсутствующую Эйлин. "Я не понимаю, почему она не может хорошо управлять парком."

"Конечно, она могла бы хорошо работать," - огрызнулась Вера в ответ. "В этом нет сомнений. Но она не должна этого делать. Этой девушке больше двадцати трёх, и она ещё не замужем". Она взяла сахарное печенье и

мстительно надкусила его.

"Ну, я уверен, что у неё было много шансов," - сказал он.

"Конечно, да. Она Шебер. Никогда не было настоящего мужчины, который не находил бы женщину Шебер привлекательной."

Сэм запоздало заметил, что у самой Веры не было обручального кольца. Он взял ещё одно печенье.

"Тогда она, вероятно, просто ждёт подходящего мужчину, прежде чем остепениться," - сказал он, мысленно скрестив пальцы. Этого следовало ожидать, независимо от того, верил он в это или нет, и высказывание позиции 1990-х в 1950-х только разозлило бы её - он вздрогнул от этой мысли, слишком близкой для утешения даже в качестве клише.

На тарелке осталось только два печенья. Он с тоской взглянул на них, поднял глаза и увидел, что Вера свирепо смотрит на него. Послание было чётким — больше никакого печенья. Он положил конверт на стол и встал.

"Спасибо за лимонад и печенье, мисс Вера". Его нога затекла, и он поморщился, когда ощутил это. "Если вы просто проследите, чтобы мисс Шебер получила это..."

Вера взяла конверт. "Квитанции, я полагаю. Похоже, ты больше не приходишь в гости, если у тебя нет чьих-то квитанций. Это грех и позор, Боб Уоткинс, то, как всё здесь изменилось". Она решительно вскинула голову. "Хорошо. Я полагаю, тебе нужна отметка. Чьи это квитанции?"

"Дасти."

"Хорошо". Вера оставила его стоять на кухне и вышла в соседнюю комнату. Через несколько минут она снова вышла и сунула ему в руку листок бумаги. "Береги себя, Боб Уоткинс. Не будь таким чужим, слышишь? Я, например, не верю ни единому слову из того, что они говорят о тебе. Единственная причина, по которой ты разговариваешь сам с собой, это потому, что ты был болен, это единственная причина."

Эта причина и ещё голограмма, которая, казалось, ушла в отпуск, мысленно поправил он. Но он улыбнулся, протянул руку и снова вышел из дома, а в животе у него по-прежнему урчало. Печенья было недостаточно, и ему нужно было что-то ещё, кроме этого ужасного лимонада.

Он был уже на некотором расстоянии вниз по улице, когда Эл появился снова.

"Эй, ты всё ещё хромаешь". Наблюдатель был теперь одет в довольно консервативный — ну, сравнительно консервативный — фиолетовый костюм с бело-фиолетовой рубашкой и галстуком с обратным рисунком. "Тебя что пнули или что-то в этом роде?"

"Нет, меня никто не пинал."

"Трогательно, трогательно. Я так понимаю, ты не отговорил её от этого, раз ты не прыгнул". Эл продолжал идти рядом с ним, даже когда это означало, что он "прошёл" прямо сквозь дерево.

Сэм остановился и уставился на него. "Подожди минутку."

"Что?" - Эл дико огляделся по сторонам. "Что?"

"Ты был рядом со мной уже почти целый квартал."

"Да, и что?"

"Итак, я хочу знать, насколько в любом случае велика эта Голографическая Камера?"

Глаза Эла сразу же забегали, как всегда, когда он не хотел отвечать на вопрос. "Я не могу тебе этого сказать, ты же знаешь. Зигги говорит..."

"О, да ладно, какое отношение то, что говорит Зигги, имеет к размерам комнаты?" Сэм начал размахивать руками для пущей выразительности. Внезапно он заметил пожилого мужчину, сидящего на качелях на крыльце, и преобразовал этот жест в приветствие, смущённо улыбаясь. Прощедив сквозь зубы, он продолжил: "Ну? Какого размера? Предполагается, что ты стоишь там, там твоё настоящее тело. Так как же ты можешь пройти так далеко, не наткнувшись на стену?"

В том, что Эл мог продолжать идти рядом с ним, не было никакого смысла, и внезапно это чертовски разозлило его. Эл мало рассказывал ему о себе. Были правила, сказал он однажды, правила, которые Сэм никогда не помнил, чтобы он их устанавливал, которые гласили, что ему нельзя ничего рассказывать, он должен выяснить всё сам. Он, наконец, понял, что это должно быть, как-то связано со слишком большим изменением прошлого. Но он всё равно хотел знать.

И знание размера Голографической Камеры никак не могло повлиять на то, что он делал в прошлом.

Эл покачал головой. "Это не имеет значения, Сэм."

"Для меня это важно!"

И так оно и было. Каждый раз, когда он совершал скачок, он начинал всё сначала. У него даже не всегда были все воспоминания, которые были у него во время последнего скачка. Так что каждый раз он был чужим и напуганным, в мире, который каждый раз разрушался...Ему показалось, что он помнит, как ненавидел поэзию.

"Это большая комната," - неохотно сказал Эл. "В Голографической Камере хватит места для самых разных людей. Послушай, мы можем сменить тему?"

"Да," - сказал внезапно обескураженный Сэм. "Не бери в голову. Должно быть, у меня низкий уровень сахара в крови. Мне нужно что-нибудь съесть. Тот виски и тот лимонад..." — Его лицо скривилось при воспоминании.

"Виски? Лимонад?" - Эл снова зашагал рядом с ним, бросив при этом настороженный взгляд на ручной пульт. "Что я пропустил?"

"Не особо много. Мне даже не удалось поговорить с Эйлин". Объяснение и описание тёти Веры заняло их время до самых ворот парка.

"Ты этого не сделал?"

"Её там не было."

"Ох". Эл зажал сигару в зубах. "Что ж, тогда тебе просто придётся продолжать пытаться."

Сэм порылся в кармане своих — то есть, Боба — джинсов и нашёл пару долларов, которые тем утром лежали на комод. "Послушай, давай позже, хорошо? Прямо сейчас я собираюсь пойти перекусить. Почему бы тебе не попробовать ещё раз получить дополнительную информацию от Зигги?"

Эл начал что-то говорить, заколебался и ещё раз взглянул на него. Он мог видеть усталость, которая иногда грозила захлестнуть его друга, в тонких морщинках вокруг его глаз — глаз Боба. "Конечно, хорошо, Сэм. Без проблем. Я вернусь к тебе позже, хорошо?"

"Да, хорошо". Сэм отвернулся, едва услышав, как открылась дверь Голографической Камеры.

"Сэм..." - начал было говорить Эл, глядя на спину собеседника. Когда Сэм не двинулся с места, он неуверенно закончил: - "Береги себя, хорошо?"

Он нетерпеливо отмахнулся от него одной рукой. Закрыв глаза и покачав головой, Эл шагнул за дверь Камеры, снова оставив Сэма позади.

Сэм прислушался к звуку закрывающейся двери и тоже покачал головой. Единственное, что он мог сделать прямо сейчас, - это накормить тело Боба, прежде чем оно рухнет от гипогликемии. По крайней мере, в этом он мог преуспеть. Он направился к одному из киосков с едой, которым управлял продавец, который накануне казался дружелюбным.

В киоске продавались хот-доги, гамбургеры, карамельные яблоки и сахарная вата. Продавец отказался взять у него деньги, но вместо этого пригласил его внутрь. "О нет, Боб, ты никогда не платишь. Кроме того, я хочу, чтобы ты посмотрел на этот автомат. Он работает неправильно."

"Я бы на твоём месте поостерегся, Мигель. Знаешь ли, вокруг Боба всё идёт кувырком". Это был Макфарланд, остановившийся у окошка заказа. На бёдрах у него был пояс с инструментами, а на лице играла ухмылка. Его волосы песочного цвета торчали во все стороны.

"Вы уже пытались, мистер Макфарланд. Будет справедливо предоставить Бобу его попытку". Ответ Мигеля был резок в своём достоинстве.

"Поступай как знаешь". Макфарланд неторопливо направился к колесу обозрения, засунув руки в карманы.

"Ты видишь, куда поступает сироп," - начал объяснять Мигель. "Он должен двигаться по кругу и вращать сахар. Но этого не происходит."

Продавец отодвинул автомат подальше от прилавка с едой, и запах хот-догов и попкорна наполнил ноздри Сэма, и ему пришлось сглотнуть внезапно подступившую слюну. Возможно, когда-то он был голоднее, но не мог вспомнить, когда именно. Было трудно сосредоточиться на том, что говорил Мигель.

Сэм мог видеть комок голубой сахарной ваты у основания вращающегося рычага и капли сиропа. Чего он не мог видеть, так это того, что было не так с машиной. Из того, что он мог вспомнить о том, как вообще что-либо починить, так это было то, что сначала нужно отключить это от сети. Отодвинув Мигеля с дороги, он наклонился, ища шнур питания, и мельком увидел "своё" отражение в защитном стекле аппарата. Он моргнул.

Он мог видеть...Боба Уоткинса, который был моложе Сэма Беккета, тёмные волосы, тревожные голубые глаза, веснушки, красный цвет клетчатой рубашки, контрастирующий с начинающимся загаром. Он мог видеть Боба...

...с голубой сахарной ватой в волосах, странными отблесками прожекторов в волосах и одежде, и кровью, стекающей по порезу на

щеке...

...и машина сдвинулась с места, словно сорвавшись с какой-то опоры, с грохотом включилась, а стекло разлетелось с треском, похожим на раскат грома, разбрасывая во все стороны смертоносные осколки.

Мигель что-то крикнул, когда Сэм вскинул руку, чтобы защитить свои, вернее глаза Боба, и вращающиеся руки завертелись, разбрасывая струйки сиропа, и облака и комочки голубой сахарной ваты по всей кабинке, по всему Мигелю, по всему Сэму и вообще повсюду. Сэм почувствовал, как тёплая струйка крови стекает по его лицу, и услышал смех Майка Макфарланда.

[ГЛАВА 8]

Эйлин Шебер сняла белые перчатки и положила их на защёлку своей сумочки из лакированной кожи, надеясь, что Мэтт Дженкинс не увидит, как дрожат её руки.

Она столько раз слышала, как дядя Карл хвастался, что может в любое время зайти в офис Дженкинса и получить ссуду на любую сумму денег, всего лишь в обмен на своё слово и рукопожатие. Он намекал, что это таинственное дело мужчин, сигар и чести, и ей никогда не придётся забивать этим свою хорошенькую головку, потому что он всегда будет рядом, чтобы позаботиться о ней и Вере.

В последний раз она была в этом кабинете два месяца назад, во время оглашения завещания Карла. Она была больше озабочена поддержкой Веры, чуть не упавшей в обморок под своей чёрной вуалью, чем тем, чтобы обращать внимание на саму комнату. Она сама была близка к обмороку, и вокруг было так много людей, а потом было зачитано завещание, и, казалось, нужно было так много объяснить всем людям, которые ожидали, что всё будет по-другому. Моргнув, она быстро отогнала воспоминание.

Теперь, ожидая мистера Дженкинса — Вера всегда называла его "президент банка" или "Банкир Дженкинс", забавно скривив рот, — в его кабинете, она с любопытством оглядывалась по сторонам. В комнате доминировал самый большой и глянцевитый дубовый письменный стол, который она когда-либо видела, с зелёным фетровым пресс-папье. Должно быть, он не очень много пишет, подумала она. Кончик пера

протыкал бумагу насквозь.

Она сложила руки на сумочке. Ей было не по себе. Она положила сумочку на пол у своих ног и чопорно положила руки на колени. Сядь прямо, расположи ступни ног ровно на полу. Будь леди.

Её руки не желали оставаться чопорными. Снова взяв сумочку, она извлекла перчатки, открыла сумочку и положила их внутрь.

Мгновение спустя она достала перчатки и снова натянула их. За письменным столом стояло огромное кожаное кресло из красного дерева, обитое латунными пуговицами. Подлокотники блестели от многолетнего износа. Она подумала о том, чтобы встать и посмотреть, есть ли у стула четыре ножки или он вращается, но если бы она это сделала, и вошёл Дженкинс, она была бы посрамлена. Бродить и рассматривать офис банкира - это не то, чем занимаются леди.

Но ведь леди могла бы встать, чтобы рассмотреть картину на стене за креслом, не так ли?

У стула было четыре прочные ножки. Годы перемещения тяжёлого стула взад и вперёд привели к образованию постоянных выбоин в обшитом широкими панелями полу.

И картина маслом, изображающая гигантского быка, задумчиво жующего жвачку на фоне нефтяных вышек и силуэта городского горизонта. Всё об Оклахоме, подумала она, улыбаясь. Крупный рогатый скот, нефть и города.

И парки аттракционов, напомнила она себе.

Вера была в ярости, когда она рассказала ей о походе в банк. Если бы она знала о счёте в кошельке Эйлин, у неё случился бы припадок. Семь тысяч долларов...

Она вернулась к креслу по другую сторону стола, чёрному кожаному креслу поменьше, с меньшим количеством латунных пуговиц, и снова села, чтобы осмотреть панели и обои, снова сняла перчатки и положила их рядом со счётом.

Она должна была оплатить этот счёт.

И даже самое лучшее открытие в мире не смогло бы оплатить ни счёт Майка Макфарланда, ни все остальные счета, которые она так смело обещала оплатить полностью, как только откроется "Убийца Диллер". Она видела, как некоторые продавцы возвращали продукты на полки в

бакалейной лавке Тэлбота, потому что не могли себе этого позволить, и ей стало стыдно.

Дверь распахнулась, и вошёл банкир Дженкинс. Она вскочила на ноги, прежде чем успела подумать, а затем заколебалась, не в силах решить, следует ли ей снова сесть и протянуть руку или просто остаться стоять. Прежде чем она успела принять решение, он подошёл к ней и обнял.

Дженкинс был крупным мужчиной в широком пёстром жилете и со старомодной цепочкой от часов. Модные люди в Нью-Йорке могли носить однобортные костюмы и брюки без складок, но Мэтт Дженкинс был президентом Первого (и единственного) Банка Жасмина, штат Оклахома, и мода для банкиров была такой, как он говорил. Его лицо было румяным, и он хрипел от напряжения, когда ходил по комнате. Длинные пряди волос были зачёсаны набок на блестящую макушку. От него пахло сигарами и одеколоном.

"Эйлин Шебер, ну разве ты не прелесть?! Мне так жаль, что я заставил тебя ждать здесь. Но ты же знаешь, как обстоят дела в бизнесе," - усмехнулся он. Его голос был таким высоким, что, если бы она закрыла глаза, то могла бы принять его за детский. "Я просто так рад тебя видеть. Это было..." - Внезапно он вспомнил, как давно это было и при каких обстоятельствах она была здесь в последний раз, и сменил тему. "Итак, чем я обязан такому огромному удовольствию?"

"Бан...кир," - она прочистила горло и начала сначала, - "Мистер Дженкинс, я пришла поговорить с вами о займе."

"О займе? Ну, Боже правый, дитя, тебе не нужно было приходить сюда сюда за этим. Ты же знаешь, я рад помочь тебе в любое время."

Мгновенный прилив облегчения Эйлин сменился неприятным ощущением, что, когда Дженкинс сказал "дитя", он имел ввиду именно это. Он думал не о банковском кредите; он думал о пятицентовике на сахарную вату.

"Бизнес-кредит, мистер Дженкинс. Для "Мира семьи"."

Тепло в комнате заметно остыло, а его весёлые голубые глаза прищурились. "Бизнес-кредит? Так, так, так."

Она всё ещё стояла и не знала, следует ли ей сесть или нет. Дженкинс обошёл стол, посмотрел на свой календарь встреч, достал часы и открыл крышку.

"Мне действительно нужен кредит," - сказала она. Это было не то, что она хотела сказать. И это был не тот тон, который она хотела использовать.

"Ну, что ж," - сказал Дженкинс. "Бизнес-кредит. Хмммм". Он снова посмотрел на часы. "Ну, что ж. Бизнес-кредит - это очень серьёзная вещь."

"Я знаю," - сказала она, ненавидя чувство беспомощности, и желание, чтобы Карл был здесь и взял всё на себя. "Мне нужно восемь тысяч долларов."

Дженкинс моргнул. Эйлин покрутила руками.

"Я предлагаю пойти и устроить себе поздний обед. Я ещё не ел и чувствую, что немного проголодался. И мы можем поговорить об этом займе, который тебе нужен". Решительно кивнув, он снова обошёл стол и, взяв её за руку, вывел из кабинета.

Она хотела сказать ему "нет", и что хочет провести разговор в деловой обстановке, но к тому времени они уже прошли мимо секретарши, и он сказал ей, что отвезёт мисс Шебер поехать в "Уинстон", вернётся около четырёх и большое вам спасибо.

"Уинстон" был местом, куда Карл обычно водил её на день рождения. Это было, безусловно, самое милое заведение в Жасмине, с льняными скатертями и роскошным сервизом, с хрустальными бокалами для воды и вина и вазами с одной маргариткой в центре каждого стола. Это было замечательное место, наполненное прекрасными воспоминаниями, и это было не то место, где Эйлин хотела провести деловую встречу.

Официант принёс огромное, с золотым витиеватым тиснением, меню. Вера всегда говорила, что леди заказывают блюда из средней части, но на меню Эйлин не было цен.

С другой стороны, она не была уверена, что, в любом случае, сможет удержать себя в руках.

"Стейк хорош," - пробурчал Дженкинс.

"Думаю, я бы предпочла форель," - сказала она. Дженкинс приподнял бровь. "Но я возьму стейк," - поспешно поправилась она. "Стейк - это звучит замечательно."

Официант откликнулся на невидимый сигнал.

"Леди будет форель с небольшим бокалом белого вина." - сказал Дженкинс. - "А я возьму ваш большой стейк. Хорошо прожаренный". Он захлопнул меню, и официант забрал его, кланяясь, когда уходил.

Эйлин уставилась на скатерть и её лицо покраснело.

"Вот это и есть твой первый урок," - сказал Дженкинс. "Реши, чего ты хочешь, и придерживайся своего мнения. Хочешь форель - так и скажи, и придерживайся своего желания. Понятно?"

Она не была уверена, что поняла, но всё равно кивнула.

Принесли салаты, она разрешила томаты черри пополам и съела, испытывая прилив облегчения. В этом она была уверена; она знала, как вести себя в хорошем ресторане. Карл и Вера позаботились об этом. Дженкинс завёл светскую беседу о погоде и общих знакомых — по крайней мере, знакомых Карла Шебера и Мэтта Дженкинса — и церковных мероприятиях, а также поздоровался с другими людьми, пришедшими в "Уинстон" на обед. Она выпила меньше трети своего бокала вина, и ей показалось, что в глазах банкира промелькнуло одобрение.

К тому времени, когда подошёл официант с меню десертов, она чувствовала себя гораздо увереннее в себе. С ней обращались как с леди, а не как с просительницей.

Затем Мэтт Дженкинс поднялся, проводил её обратно в свой кабинет, и внезапно она снова стала просительницей. Но, по крайней мере, на этот раз она была сытой просительницей, и у неё было недавнее ощущение всеобщего уважения и восхищения, которые поддерживали её, когда она снова погрузилась в тёмное кожаное кресло.

Дженкинс плюхнулся в большое кресло и со скрипом подвинул его вперёд, без сомнения, увеличив выбоины в дереве, и сцепил пальцы, положив ладони на пресс-папье.

"Прежде всего, я хочу поблагодарить вас за сегодняшнюю компанию, мисс Шебер. С вашей стороны было очень любезно сопровождать пожилого человека. Это помогло ему снова почувствовать себя молодым."

Она неуверенно улыбнулась, уловив сигнал в изменившейся форме обращения, но не знала, что именно это означает.

Он продолжил: "Итак, вы сказали, что вам нужен бизнес-кредит для "Мира семьи". Кажется, вы упоминали о восьми тысячах долларов."

"Да, сэр, мистер Дженкинс," - подтвердила она.

"Для "Мира семьи" " - повторил он. Когда она кивнула, он сказал: "Понятно."

Последовала долгая пауза, во время которой Эйлин отчаянно захотелось снова натянуть перчатки, чтобы скрыть пот, который она чувствовала на

ладонях.

"И на что именно будут использованы деньги банка?" - спросил он.

"На оплату счёта. За новый аттракцион. Я...я не знала, что счёт за аттракцион не был оплачен. Когда умер дядя Карл, всё перепуталось. Вот почему нам пришлось отложить открытие — вы же знаете, мы изначально планировали открытие на четвёртое июля. Но этот счёт просрочился, и мне нужны деньги, чтобы его оплатить". Она старалась говорить об этом как о чём-то обыденном. Она полночи не спала, пытаясь прикинуть, сколько принесёт открытие. Она заказала рекламные объявления на радио, и они показались захватывающими даже ей, когда она их услышала. Американские горки должны были привлекать людей с двухсот миль вокруг, и люди должны были кататься на них снова и снова ради острых ощущений. Но она не знала, захотят ли они это делать.

Брови Дженкинса взлетели очень высоко. "Восемь тысяч долларов. Боже мой. Это довольно большие деньги."

Она сглотнула. "Я знаю, что это так. Но именно столько мне и нужно". Это покроет счёт Макфарланда, и завтрашнюю зарплату, и самые неотложные счета. При цене в пятьдесят центов за вход ей пришлось бы привлечь шестнадцать тысяч человек за выходные, если бы она собиралась вернуть всё сразу.

У них даже не было шестнадцати тысяч человек на пикнике четвёртого июля. Она не была уверена, что в этой части Оклахомы было шестнадцать тысяч человек. По крайней мере, у шестнадцати тысяч не было денег, чтобы пойти в парк развлечений. Но тогда была плата в четверть доллара с человека за поездку — если бы каждый человек проехал её дважды, ей понадобилось бы всего восемь тысяч. И им не обязательно было всем приходить в эти выходные.

И не нужно было сразу выплачивать кредиты.

"Я могла бы обойтись...Нет. Мне нужно восемь. Тысяч. Долларов. К завтрашнему дню."

Он покачал головой. "Это чертовски много денег, Эйлин."

"Я знаю это". Она собралась с духом, взяла сумочку обеими руками, и услышала, как зашуршал счёт Макфарланда. "Я знаю, что это так, но это то, что нужно. И я смогу расплатиться. У меня есть прогнозируемый доход. Когда аттракцион откроется, я верну деньги."

"И заплатите банку."

"Шеберы никогда не подводили с выплатой долгов," - с гордостью сказала она. На самом деле она не знала, терпел ли Карл когда-либо неудачу или нет, но она слышала, как он говорил это достаточно часто. "Наше слово - наш залог."

"Ну, в этом, безусловно, я имел свой опыт и должен сказать, что так оно и есть". Дженкинс взял авторучку и повертел её из конца в конец в своих коротких пальцах. "Восемь тысяч. Я не могу выдать ссуду такого размера без согласия Совета Директоров."

"Мой дядя Карл всегда говорил, что Совет Директоров делает именно то, чего вы от него хотите". Эти слова удивили её. Её удивила собственная смелость.

Это его тоже удивило и порадовало. Он рассмеялся пронзительным хихиканьем. "Твой дядя Карл оказал мне большую честь."

"Это правда, не так ли?"

Пальцы Дженкинса, сжимавшие авторучку, внезапно напряглись. "Как поживает твоя тётя Вера, девочка?"

"Что?" К такой смене темы она была совершенно не готова. "Моя тётя Вера? С ней всё в порядке."

"Твоя тётя Вера замечательная женщина". Он положил ручку на пресс-папье, аккуратно выровняв его по краю. "Просто замечательная женщина". Он снова поднял глаза и встретился с её встревоженным взглядом. "Итак, при всей похвале, которую оказал мне твой дядя Карл, дело в том, что Совет Директоров прислушивается ко мне, это правда. Но банковские эксперты очень внимательно изучают сделки такого масштаба, как эта."

Но какое отношение к этому имеет тётя Вера? - чуть не сказала она. Она не могла установить связь между влиянием Дженкинса на Совет Директоров и здоровьем тёти Веры, а Дженкинс явно не собирался делать это за неё. Тётя Вера презирала этого человека столько, сколько себя помнила.

"Я не понимаю," - сказала она наконец.

"Я не могу выдать кредит такого размера без какого-либо залога," - сказал он. "Банковские эксперты мне этого не позволят. Они присматривают за владельцами наших акций и хотят, чтобы у нас было залог. Ты знаешь, что такое залог, Эйлин?"

"Конечно, я знаю," - возмущённо сказала она, и сердце её упало. "Я не глупа, мистер Дженкинс". Возможно, Карл Шебер мог получить ссуду только под честное слово, но факт в том, что он этого не сделал. И этот вариант не собирался предлагаться Эйлин Шебер.

"Я никогда не говорил, что ты такая. Женщины Шебер такими не являются. Этот урок я усвоил давным-давно". Пухлый мужчина за столом напротив неё быстро улыбнулся, затем стал серьёзным. "Ты знаешь об ипотеке на парк?"

"Я осуществляла платежи по ней в течение трёх месяцев" - добавила она.

"Тогда ты понимаешь, что больше я ничего не могу тебе дать. Что ещё ты можешь предложить, Эйлин? Что есть у Шеберов такого, что стоит восемь тысяч долларов?"

[ГЛАВА 9]

К тому времени, когда он отошел от кабинки, покрытый грязью и стеклом, с его волос всё ещё свисали кусочки голубой сахарной ваты, время близилось к закату, а Сэм всё ещё ничего не ел. Мигель по-прежнему кричал ему вслед. Это была чистая удача, что никто серьёзно не пострадал. Макфарланд помчался назад, чтобы отключить обезумевшую машину, прежде чем она подожгла всю линию кабинок, и защитил его перед разъяренным Мигелем.

Конечно, защита изобиловала такими словами, как "разнорабочие-любители", "просто не повезло" и "я же говорил тебе, что почию это завтра, Мигель, тебе не нужно было так торопиться по вине отца". Макфарланд вручил Сэму метлу, чтобы тот прибрался, пока он более или менее успокаивал Мигеля, его жену и троих детей.

Затем он извлёк что-то обугленное и липкое из внутренностей машины, отсоединил провода, заклеил скотчем и что-то подкрутил. В общем, он показал потрясающе эффективную работу, в то время как Сэм старался, чтобы пол не скрипел под умелыми ногами другого мужчины.

Сэм сгорбил плечи, не обращая внимания на последние замечания Мигеля. и направился мимо посетителей, прибывших с наступлением вечера, мимо офиса и обратно к скоплению трейлеров. Со вздохом облегчения он закрыл за собой дверь своего трейлера и прислонился к

ней.

Мимо его носа проплыли сахарные крошки, и он выпятив нижнюю губу, дунул вверх. От усилия они только прилипли к бровям. Бормоча что-то себе под нос, он поскрёб лицо и начал стаскивать с себя липкую одежду.

Закончив принимать душ, он посмотрел в зеркало, потирая лицо, и пытаясь решить, нужно ли ему побриться. Он решил, что это не имеет значения. Боб выглядел как парень, у которого были некоторые проблемы с отращиванием бороды, и никто, кроме Эла, детей и животных не увидит никого, кроме Боба. Сэм Беккет мог бы отрастить густую бороду, и кто бы узнал об этом? Может быть, доктор Бикс? Через тридцать или сорок лет в будущем? Его волосы можно было бы покрасить в розовый цвет, и никто бы никогда не узнал. Он мог...

Он мог бы пойти поужинать, вот что он мог бы сделать. Он оделся, нашел ещё немного денег, спрятанных в ящике для носков Боба, и отправился в город. Он нашёл закусочную с кабинкой в задней части, заказал "Фирменное блюдо из родного города": мясной рулет, зелёную фасоль, картофельное пюре с маминым собственным соусом!" и передвигал столовое серебро, пока блюдо не было подано.

Получилось неплохо, хотя в "мамин собственный соус" можно было бы добавить чуть меньше соли. Он заказал вторую порцию сливового пирога и бесцельно потыкал в корочку. Тяжёлое, бесполезное ощущение физической подавленности быстро исчезало. Но общее недомогание духа всё ещё сохранялось.

"А вот это, похоже, чертовски хорошая чашка кофе," - сказал Эл, усаживаясь рядом с ним. "Теперь, когда ты поел, ты снова чувствуешь себя человеком?"

"Да, я думаю". Сэм сделал глубокий вдох. "Да. Итак. Зигги хочет что-нибудь рассказать?"

"Пока не очень." - уклонился от ответа Эл.

"Почему у меня такое чувство, что ты опять что-то недоговариваешь?" - спросил Сэм.

"Ничего страшного, просто небольшой сбой, мы его устраняем. Ты поговорил с Эйлин?"

"Нет, я не поговорил с Эйлин". Эл, застигнутый врасплох его тоном, вздрогнул. Сэм смягчился. "Её там не было. Я сказал тебе это несколько часов назад."

Желая смягчить Сэма, Эл сказал: "Я знаю это. Я просто подумал, что, может быть, ты вернулся позже, пока меня не было."

"Нет". Сэм отодвинул тарелку с пирогом.

Эл с тоской посмотрел на остатки сливового пирога. "Так что же случилось?"

"Ничего."

Тон Сэма привлек всё внимание Эла. Он скосил глаза-бусинки на другого мужчину, у которого в руке всё ещё была нагруженная вилка. "Да. Ничего. Точно..."

Сэм сверкнул глазами. "Я просто устал, ясно? Я хочу покончить с этим скачком, вот и всё. Дай мне передохнуть, Эл."

"Покончишь с этим скачком и перейдёшь к следующему". Эти невысказанные слова повисли в воздухе между человеком и голограммой.

"Как ты думаешь, ты мог бы съесть этот кусочек пирога вместо того, чтобы просто сидеть и дразнить меня им?" - наконец сказал Эл. "Даже если ты устал, жевать то ты всё равно можешь."

Сэм пожал плечами. "Я больше не голоден". Он положил вилку на тарелку, положил один кулак поверх другого и положил подбородок на оба.

В течение нескольких долгих вдохов Эл изучал его. Огоньки ручного пульта мигали между ними, окрашивая лицо и руки Эла в жёлтый, розовый, зелёный и голубой цвета. Единственный свет, касавшийся Сэма, исходил от белой лампочки в потолочном светильнике кафе.

Напряжение начинало сказываться, подумал Эл. На всех них. Он бы не сказал того, что сказал Тине, если бы не был всё время в таком напряжении, находя Сэма каждый раз, когда тот прыгал, неспособный оказать какую-либо помощь, кроме слов. Тина не была бы так зла, если бы он не приставал к ней всё время, чтобы убедиться, что Зигги всегда в отличном рабочем состоянии. Доктору Бикс не помешало бы отдохнуть от встреч с незнакомцами в теле Сэма, пытаюсь вытянуть информацию из людей, которые были напуганы и не в своём уме — во всяком случае, в буквальном смысле - не в своём теле, говоря им, что они не сумасшедшие, их не похищали инопланетяне, и, что, в общем, всё в порядке. Конечно, Бикс не могла им сказать, где они находятся. Большинство из них плохо восприняли бы новость о том, что в будущем они окажутся в чьем-то чужом теле.

А Сэм просто устал от скачков.

"Эй", - тихо сказал Эл. "Ты помнишь Джимми ЛаМатту? Того особенного парня, в которого ты прыгнул? У него всё отлично. Он проработал в доках три года, а потом устроился в офис. Сейчас он занимается административными делами в Специальной Олимпиаде."

Сэм не отреагировал.

"А помнишь Саманту Стормер? Она теперь работает в "Дженерал Моторс"."

По-прежнему никакой реакции.

"А Тибби Джонсон..."

"Хватит, Эл". Сэм не поднял головы.

"Он заговорил!"

"Я серьёзно, Эл. Я знаю, что ты пытаешься сделать, и ценю это, но просто прекрати, ладно?"

"Ладно". Когда Сэм по-прежнему не пошевелился, он тяжело вздохнул и продолжил: "Хорошо. Зигги всё ещё разбирается с данными, но теперь мы знаем, что авария не была случайностью."

Наконец наступила какая-то реакция. Сэм поднял голову и встретился взглядом с Элом. "Что ты имеешь ввиду?"

"Только то, что я сказал. Зигги говорит, что вероятность того, что авария не была случайной, составляет восемьдесят семь процентов. Это было преднамеренно."

"Но ты сказал, что погибло семь человек". Растущая мрачность в глазах Сэма указывала на то, что он точно понял, о чём говорил Эл; он просто отказывался это говорить.

Поэтому Эл сказал это за него. "Они были убиты."

Эйлин Шебер сидела за обеденным столом и смотрела на стопку бумаги, разложенную перед ней. Она перешла из кухни в столовую, потому что Вера была на кухне и сердито гремела посудой; здесь, по крайней мере, она могла намного лучше сосредоточиться.

Справа от неё тревожно покачивалась стопка конвертов, угрожая соскользнуть на пол.

Перед ней лежала старомодная бухгалтерская книга с аккуратными столбцами записей, сделанных аккуратными чернилами, по большей части красными.

Слева от неё - веер счетов. Страхование. Еда. Мазут. Сено. Дополнительная страховка. Список заработной платы сотрудников, подлежащей выплате завтра.

И ещё один листок бумаги, сложенный вчетверо. Счёт Майка Макфарланда.

А в её руках - заявка на кредит.

В заявке на кредит было указано больше денег, чем она когда-либо видела в своей жизни за один раз.

Она прикусила губу, изучая заявку. Если бы она закрыла глаза, то смогла бы процитировать основные пункты по памяти. Пункт о залоге был особенно ярким. Она подняла голову от заявки и оглядела дом, дом Веры, дом Карла, наполненный приятными воспоминаниями. Это был такой ужасный риск, ставить этот дом на успех нового аттракциона.

Но так ли уж велик риск, если она права?

Вошла Вера со стаканом молока и поставила его на стол. Эйлин снова поспешно сложила бумагу.

"Твой дядя Карл всегда занимался своими делами в офисе, "- фыркнула она. "Он никогда не приносил их домой и уж точно никогда не раскладывал по всему обеденному столу во время ужина."

"Я уверена, что он этого не делал, тётя Вера". Ответ Эйлин был рассеянным, когда она провела ногтем по последней колонке цифр в бухгалтерской книге, пытаясь показать, что она занята и что у неё нет времени на разговоры. Лак на ногте был обломан по краям, и Вера поджала губы при виде этого.

"Ну, тогда я не понимаю, почему ты должна это делать". Она села рядом с молодой женщиной. "Я не понимаю, почему ты должна беспокоиться обо всём этом."

Эйлин с трудом сдержала раздражение. Когда она взяла себя в руки, то сказала: "Я хочу этого, тётя Вера. Больше всего на свете я хочу этого."

"Это противоестественно," - проворчала тётя Вера.

"В этом нет ничего противоестественного." - горячо настаивала Эйлин.

"Не смей повышать на меня голос, юная леди! Я вырастила тебя. Я заботилась и о тебе, и о Карле."

"Я знаю это, тётя Вера."

"Тогда послушай меня. Ты избавляешься от этого бизнеса и выходишь замуж, как порядочная женщина." - фыркнула тётя Вера.

"Разве вы не порядочная женщина?" - спросила Эйлин.

"Кэтрин Эйлин Шебер, о чём ты говоришь?" - Вера вскочила на ноги. "На что, по-твоему, ты намекаешь?"

Эйлин отступила. "Ни на что, тётя Вера. Просто вы никогда не были замужем, а я всегда считала вас самой порядочной, достойной уважения женщиной, которую я знаю. Все так считают. Так что я не понимаю, почему вы думаете, что я должна быть замужем, чтобы быть порядочной."

Но Веру было не успокоить. "Все в этом городе знают, что я была помолвлена. Все! И я бы вышла замуж в этот самый день, если бы Лэтт Стивенс не погиб в результате несчастного случая при аварии на скважине в Маскоги. И я воспринимаю это как оскорбление от таких, как ты, которую я растила с тех пор, как тебе исполнилось три года, высмеивать старую женщину, которая..."

"...решила остаться верной памяти своей первой большой любви," - хором с ней подхватила Эйлин, - "Независимо от того, какие другие предложения у неё были..."

Вера замерла, осознав, что только что произошло. "Я так понимаю," - сказала она, собирая остатки своего достоинства, - "Что ты слышала, как я говорила это раньше."

"Да, мэм, это так." - призналась Эйлин.

"Тогда это ещё хуже." - скрестила Вера худые руки на груди.

"Может быть, мне просто не так повезло, как вам", - мягко сказала Эйлин. "У меня не было шанса найти свою первую большую любовь."

Выражение лица Веры, но не её тон, смягчились. "И ты, конечно, не найдёшь её в этих бухгалтерских книгах и счетах. Еще ни одна женщина не нашла любви вообще в бухгалтерских книгах."

Задняя дверь заскрипела, и Вера встала, чтобы открыть её. "Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, милая. Я хочу, чтобы у тебя была семья, были дети. А этого просто не произойдёт, пока ты вся погружена в бизнес."

"Я знаю, тётя Вера," - тихо сказала она, когда пожилая женщина вышла из комнаты. "Но сейчас это важнее", - не стала добавлять она.

Это был Джесси, с очередными квитанциями. Он вошёл и свалил их стопкой на край стола, и Эйлин пришлось сделать быстрое движение, чтобы они не соскользнули. "Спасибо тебе, Джесси," - радостно сказала она. "Я, конечно, очень ценю, что ты их принёс."

Джесси хмыкнул и неуклюже наклонился, чтобы поднять несколько конвертов и счетов-накладных, которые ускользнули. "Посмотри на счета," - сказал он.

"Да, конечно". Эйлин протянула руку за теми, что он собрал.

Неуклюже переверачивая их, его взгляд упал на сложенную заявку на получение кредита, которую она отложила в сторону, когда вошла Вера. "Что это?" - спросил он, потянувшись за ней.

Она выхватила его из-под его руки. "Деловая сделка," - спокойно сказала она. "Тебе не о чем беспокоиться, Джесси. Всё под контролем."

Глаза Джесси вспыхнули. "Эй, мне ведь не о чем беспокоиться? Я полагаю, ты точно знаешь, что делаешь?"

"Да, это так."

"Знаешь, такие заведения, как "Мир семьи", не страхуют от банкротства," - отрезал он. "Тебе лучше знать, что ты делаешь."

"Я справлюсь с этим, Джесси, спасибо."

В дверях Вера откашлялась. Джесси огляделся, и его плечи поникли. "Хорошо. Тогда ладно. Но если тебе нужно...я всегда занимался бухгалтерией, после того как Карлу стало плохо. Я мог бы помочь тебе, если ты захочешь."

"Я ценю это, Джесси, конечно, ценю". Улыбаясь, она поднялась на ноги и подвела его к Вере, которая проводила его к выходу.

Она сидела, положив локти на стол и обхватив голову руками, когда Вера вернулась и скользнула в кресло, как будто её никто не прерывал.

"Теперь у тебя начинаются головные боли," - забеспокоилась Вера. "Я хочу, чтобы ты убрала эти вещи прямо сию минуту, Кэтрин Эйлин. Есть люди, более квалифицированные, чем ты, для принятия таких решений. Джесси..."

"Нет, я не верю, что есть люди более квалифицированные. Только не те, кого это волнует так сильно, как меня". Подняв голову, Эйлин взяла один из листков бумаги, наполовину скрытый под стопкой счетов, прикрепленный к одному из них. Она отделила его от счета и разложила на столе между ними. Это была реклама, яркая и смелая, с красными и черными вставками и изображением гигантских американских горок.

"Вот и всё, тетя Вера. Это всё изменит, и это то, чего не понимает Джесси. Я разговаривала с людьми, владельцами парков развлечений, подобных нашему, в других частях страны, и все они согласны с тем, что американские горки - самые популярные аттракционы из всех. Они приносят больше денег. Они привлекают людей, которые в противном случае вообще не пришли бы в парк развлечений. Вы посмотрите. Наступит воскресенье, и всё это," — она махнула рукой на счета, конверты и бухгалтерские книги, — "Всё это изменится. Мы будем получать прибыль и делать "Мир семьи Шебера" больше и лучше, и более знаменитым, чем когда-либо."

Её лицо было напряжено от необходимости убедить другую женщину. Вера отстранилась, отказываясь, но Эйлин продолжила: "Это то, чего хотел дядя Карл, о чём он всегда мечтал. Это была и моя мечта тоже, с тех пор, как я стала достаточно взрослой, чтобы понимать."

"Воскресенье, тетя Вера. Успех так близок. Осталось всего три дня! Как вы можете просить меня отказаться от этого — от всего, что я знаю, от всех моих мечтаний — сейчас? Вы знаете, как важно иметь мечту! А разве не гораздо важнее, чтобы она сбылась?"

Вера взяла стакан и осушила его сама, как будто это была вода для утопающего. "Я не думаю, что тебе следует уходить," - неохотно пробормотала она. "Это просто не подобает леди, вот и всё."

"Ты всегда учила меня: "Леди - это то, что делает леди". И вот что собирается сделать эта леди."

Не в силах придумать больше никаких аргументов, Вера подняла пустой стакан и унесла его с собой на кухню, а недовольное "Хмф" повисло в воздухе позади неё. Эйлин сдержала улыбку и снова склонилась над бухгалтерскими книгами.

В шестнадцатый день рождения Джесси Бартлетта фондовый рынок Нью-Йорка рухнул, ознаменовав начало Великой Депрессии. За один день его отец превратился из богатого человека с акциями дюжины компаний в нищего, неспособного содержать крышу над головой своей семьи. После того, как единственный уцелевший банк в Жасмине забрал дом, Дейс Бартлетт пошёл в старый коровник со своим любимым дробовиком и вышиб себе мозги.

Ни у кого не было денег, чтобы купить дом Бартлеттов, и президент банка разрешил Джесси, его матери и сестрам остаться, напоминая им по крайней мере дважды в неделю, что они там только из благотворительных соображений.

Джесси боролся изо всех сил, пока его мать оплакивала утраченное величие, рассказывая об утраченной славе, и Джесси слушал эти истории каждый вечер как сказки на ночь, заедая их цыплятами, которых семья ела каждый день, два раза в день — цыплят выращивали ради яиц и перьев. Они ели яйца только по воскресеньям: в остальное время они продавались. Каплуны и куры, слишком старые, чтобы их можно было откладывать, попадали на их стол жареными, запечёнными, варёными, тушёными и запечёнными в духовке.

Когда он стал старше, то больше не притрагивался к курице.

Он рано понял, что у него есть способность чинить вещи и заставлять механические устройства снова работать. Если их починить, то не нужно было тратить деньги на покупку новых. А если сэкономить, то можно было выкупить такие вещи, как дом или землю. Даже если на это уйдут годы. Его сёстры выросли, вышли замуж и разъехались, и тогда остались только он сам и его мать. Иногда он думал о том, чтобы завести семью, но на такие легкомысленные вещи, как ухаживание, не было ни времени, ни денег.

С началом войны денег стало больше. Большая часть страны снова встала на ноги. Фермеры, которым не нужно было беспокоиться о талонах, могли продавать яйца и получать прибыль. Джесси пытался записаться в армию, но ему дали отсрочку из-за слабого зрения и отправили обратно выращивать пшеницу. Он неохотно вернулся в банк за ссудой на семена.

У него лучше получалось чинить вещи. Три урожая подряд не удались. Банк вернулся за своими деньгами, и его мать умерла однажды зимним

днём, сидя в своём кресле-качалке и глядя в заднее окно на старый амбар. Джесси огляделся в поисках того, что он мог бы продать, чтобы предотвратить катастрофу.

Большая часть земель быстро исчезла. На старых картах Оклахомы было место под названием Бартлетт-Корнерс, потому что Бартлеттам принадлежали все четыре стороны вдоль перекрёстка. Ходили истории о кувшинах с золотыми и серебряными монетами, зарытых за коровником, где умер Дейс; некоторые говорили, что он застрелился из чистого отчаяния, не сумев найти то, что его отец до него слишком хорошо спрятал. Ходили истории об индейских захоронениях; они находились достаточно близко к племенным городам, чтобы некоторые поверили в это, и сказали, что Дейс был так напуган, что застрелился из-за призрачного видения изодранных в клочья выживших на "Тропе Слёз", пробирающихся по красной грязи южной сороковой. Джесси иногда казалось, что истории были похожи на коромысло с вёдрами для воды на его плечах, и он шатался между ними, его тянуло то в одну, то в другую сторону, и он не мог идти прямо. Его корни уходили в землю и не отпускали его. Даже несмотря на то, что Бартлетт-Корнерс теперь был всего лишь названием на карте.

Когда приезжали проповедники возрождения, он с радостью брал у них деньги, чтобы позволить им обосноваться на оставшихся полях. Это дало ему немного наличных денег, чтобы он мог высоко держать голову в городе. Это была выгодная сделка.

И когда Карл Шебер пришёл к нему с предложением построить небольшой парк с аттракционами для детишек, родившихся после возвращения солдат домой, это тоже было хорошей сделкой. Было приятно быть равноправным партнёром с таким уважаемым человеком, как Карл Шебер. Но солдаты, вернувшиеся домой, оставались там недостаточно долго, и им с Шебером приходилось бороться за сохранение парка. С самого начала Карл был в лучшем финансовом положении и потихоньку выкупил долю Джесси, чтобы держать банк в узде. Карл ни разу не относился к Джесси как к работнику, даже когда парк расширился за счёт имени Шебера. Ни разу, пока юристы не зачитали завещание.

Теперь даже южная сороковая принадлежала кому-то другому и была покрыта асфальтовым покрытием и неоновыми вывесками.

Он вытащил сигарету без фильтра из потёртого кожаного портсигара и закурил, глубоко затянувшись. Он позволял себе по двадцать сигарет в день, ни больше, ни меньше, и смаковал каждую. Он больше не взглянет на книги, пока не закончит.

Это должен был быть "Мир семьи Бартлетта", а не Шебера. Карл обещал ему. Эти Шеберы никогда не умели выполнять свои обещания. Теперь он мог видеть это на примере Эйлин. Конечно, она говорила очень мило, но она собиралась избавиться от него. Это было видно. У неё был тот же самый взгляд, который обычно появлялся у Карла, когда он смотрел на парк. Гордость и владение, вот что это было. Гордость и владение.

Он наблюдал, как заходит солнце и зажигаются огни. В сумерках заплясали жуки-молнии, и дети вышли на улицу, чтобы погнаться за ними, посадить их в банки и пытаться не спать всю ночь, наблюдая за ними. Кончик его сигареты тлел в такт жужжанию насекомых.

Дым обжѐг ему горло и легкие, и он закашлялся, выводя мокроту из организма. В последнее время это случалось всё чаще. Он не замечал.

Он докурил сигарету до окурка и раздавил её о широкие крашенные доски крыльца. Когда перерыв закончился, он поднялся со стула на веранде и вернулся в кабинет в задней части маленького домика.

Его мать рассказывала ему о чудесном доме, в котором она выросла, напоминала ему о доме, в котором они жили до того, как всё рухнуло. Этот дом, в котором он жил сейчас, был оплачен деньгами Шебера, заработанными Джесси Бартлеттом, работавшим в "Мире семьи Шебера". В "Мире", построенном на земле Бартлетта. Бухгалтерские книги показывали постоянный приток денег. Они охватывали последние три года, годы, в течение которых Карл Шебер неуклонно сокращал свой бизнес, а Джесси Бартлетт неуклонно брал парк под свой контроль.

Это была его прекрасная возможность, и он воспользовался ею по полной мере. Даже он сам, оглядываясь назад, видел это: неверные решения, неосуществленные авантюры. Но в то время они всегда казались правильными решениями. И он был чертовски хорош в том, чтобы чинить вещи. Для него стало шоком, когда судья Грант прочитал завещание и узнал, что Карл оставил всё девушке. Это было неправильно.

А потом она поступила неправильно, не отдала это ему, позволив ему всё исправить. Она управляла этим сама. И, конечно, заставляла его работать. "Ценила его опыт," - сказала она.

Это было самое худшее в этом "Убийце Диллере". Изначально это была идея Карла. Он заключил контракт. Но когда он умер и Эйлин заняла его место, несмотря на то, что она знала, что Джесси умеет чинить вещи, она всё равно наняла незнакомца, человека со стороны, о ком никто никогда не слышал, чтобы он наладил и поддержал новую блестящую идею Карла.

Она продолжала твердить о Майке Макфарланде, который говорил так быстро, что никто не мог его понять, и смеялся над тем, как выражается обычный человек.

Джесси прочистил горло и отхаркнул мокроту в носовой платок.

Макфарланд руководил строительством американских горок, отдавая Джесси приказы, так, как будто он, Джесси Бартлетт, был кем-то вроде полевого работника. Да и стоило это недёшево, если верить бухгалтерии. И им пришлось переселить людей, у которых в этих местах уже дюжину лет были киоски, просто чтобы он мог разместить свой аттракцион в нужном месте, с видом на пруд "Милсом". Ему было наплевать на этих людей.

И реклама! Бартлетты всегда верили, что люди услышат о тебе, если ты будешь достаточно хорош. И Карл был с этим согласен. Почему он сколько раз сидел на этом самом крыльце с толстым стариком и наблюдал, как люди входят в эти ворота, тратят свои деньги на аттракционы и смех? Никогда не приходилось давать рекламу.

Но теперь перед ним был флаер с картинкой и крупными буквами, ничем не лучше, чем в аптеке на распродаже. Похоже, он продавал страх. "УБИЙЦА ДИЛЛЕР", - гласила надпись. И буквами чуть помельче: "Острые ощущения всей жизни!", извивающимися вверх и вниз по рельсам на картинке. Копии этой листовки были расклеены в каждом магазине Жасмина, в каждом маленьком городке на сорок миль вокруг. Эйлин предприняла решительные усилия, чтобы прорекламирровать "Убийцу Диллера".

И Джесси знал, как она расплачивалась за всё это. Так же, как Карл, она ходила в банки, вопреки его лучшим советам, его предупреждениям. Это была одна из сторон его опыта, которую она совсем не ценила, - держаться подальше от проклятых банков. Бухгалтерские книги были удручающими, отражая груз долгов, от которых у него сводило живот. Она просто не хотела слушать.

Но этот флаер...даже он почувствовал прилив возбуждения при мысли о том, что будет сидеть в машине, которая поднимается всё выше и выше на семьдесят футов в воздух, а затем падает почти вертикально вниз, снова вверх, и круг за кругом, и вверх, и вниз. Должно быть, именно так чувствовали себя птицы во время своих полётов.

Он снова потянулся за потёртым кожаным портсигаром, осознал, что делает, и убрал его. Он выкурил последнюю сигарету за день; он не

позволил бы себе закурить ещё одну. Но зажигалка всё ещё была у него в руке, а другой он скомкал флаер в неожиданно плотный комок и поджёг его, бросив на пол, как хвост гигантского светлячка.

По крайней мере, она купила страховку. Это могло бы пригодиться. Это могло бы спасти их от этого ужасного бремени долгов.

Это должно было принадлежать ему. Он был хорош в починке вещей.

[ПЯТНИЦА]

[ГЛАВА 10]

Адмирал Эл Калавичи проснулся в своём жилище на Проекте "Квантовый Скачок", поднялся с кровати и посмотрел на терминал, тихо жужжащий на столе в другом конце комнаты. Сообщений не было. Он протёр глаза и выругался.

Помещения для персонала на Проекте не отличались изысканностью. Как и у всех остальных, кто был связан с "Квантовым Скачком", у него была одноместная комната и практичная ванная комната. В отличие от многих других, у него почти ничего не было в плане личного убранства. Время, проведённое на флоте, требования о выплате многочисленных алиментов и личные предпочтения - всё это поддерживало в его комнате спартанские стандарты. Две картины в рамках на стене были фотографиями с межплеменных индейских церемоний Гэллапа, которые можно было заказать по почте у дюжины поставщиков. На столе не было ничего, кроме удалённого терминала, одного из самых тупых родственников Зигги. На кровати были простые простыни и мятые армейские одеяла оливково-серого цвета. На столе в другом конце комнаты стоял телефон. На полке над столом стояли учебники по инженерному делу и потрёпанный толстый словарь.

В комнате мог находиться кто угодно. В ней вообще не было индивидуальности. Эл Калавичи часто говорил, что путешествовал налегке и быстро. Его друзья думали, что иногда он слишком часто сбавлял скорость — отсюда и выплаты алиментов.

Калавичи прошлёпал в ванную, готовясь к новому дню, к новой битве, к

очередному утреннему приёму душа и бритью. Когда он вышел, вытершись насухо, то снова проверил терминал. Ничего не изменилось. Он разочарованно постучал по панели.

"ДА, АДМИРАЛ?" - незамедлительно последовал на экране ответ.

"Какой информацией ты располагаешь об аварии?" - напечатал он.

"УЛИКИ УКАЗЫВАЮТ НА ТО, ЧТО ИНЦИДЕНТ БЫЛ ПОДСТРОЕН НАМЕРЕННО."

Он заскрежетал зубами от разочарования. Зигги, может, и был умнее любого другого компьютера на земле, но он все равно был чертовски буквален. Эл не был уверен, что это потому, что Зигги был компьютером, или потому, что он был создан при участии Сэма Беккета. "Какая дополнительная информация имеется в наличии?"

"НЕ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП". Терминал приостановился и замерцал. "ИЗВИНИТЕ, АДМИРАЛ."

"Вот дерьмо." - Эл закончил вытираться и аккуратно повесил полотенце на вешалку для полотенец. Его утренний распорядок был установлен с тех пор, как он был военнопленным во Вьетнаме и от этого зависел его рассудок, и он всегда включал в себя сорок пять минут интенсивных физических упражнений. Когда он закончил, дышать было не особенно тяжело. Он снова нырнул под душ, чтобы смыть пот. Пять лет без возможности принять ванну также привили ему манию личной чистоты. Быстро вытершись, он порылся в платяном шкафу, занимавшем один угол комнаты.

Открытая дверца гардероба являла собой единственную цветовую гамму в комнате. На самом деле там было несколько цветовых оттенков, пурпурные, красные и зелёные цвета перекликались друг с другом, а в углу, под синим пластиком из химчистки, лежали два комплекта белой одежды. Вся экстравагантность, которой не хватало в жилом помещении Эла, с удвоенной силой обнаружилась в его шкафу.

Сам Эл считал, что комната была лучшим отражением его самого, какое только было. Когда он думал об этом, он не считал комнату безжизненной.

Наконец, он оделся в зелёный костюм с темно-зелёными подтяжками и бледно—жёлтую рубашку - сходство с маргариткой было просто поразительным — он вышел из комнаты, не заперев её, и направился в Оперативный Центр.

Проект "Квантовый Скачок" был скрыт в отдалённом уголке Нью- Мексико,

на земле, настолько пустынной, что на пятидесяти акрах можно было содержать одну корову или двух зайцев . Дорог здесь было мало и над ним даже не пересекались коридоры для коммерческих рейсов. Правительство решило, что это отличное место для проведения экспериментов, особенно экспериментов, в которых они не были до конца уверены. Они чувствовали, что могут позволить себе предоставить своему самому яркому учёному возможность провести чистое исследование природы времени, пока все понимали, что возможность не является безграничной. Им были нужны результаты. Пока они не получат результатов, Проект должен был держаться в строжайшем секрете. Кошмары о заголовках "Нэшнл Инквайрер" о том, что происходит, вызывали у сотрудников Конгресса озноб.

Как обычно, тот факт, что получение результатов и проведение чистого исследования - это две совершенно разные вещи, полностью ускользнул от внимания Конгресса. Тем не менее, Сэм уговорил их профинансировать Проект и взял с собой Эла. Таким образом, это удалённое место стало для него таким же домом, как и для Эла. И он, и ещё несколько сотен других людей, участвовавших в создании Проекта, сделали его настолько пригодным для жизни, насколько это было возможно, учитывая ограничения секретности.

Оперативный Центр находился глубоко в системе искусственных пещер. Чтобы добраться до него, ему пришлось покинуть жилые помещения, войти в другое здание и спуститься на лифте в погодные туннели, пробуренные не только для того, чтобы скрыть размеры комплекса, но и для того, чтобы люди могли ходить туда и обратно, даже когда снег или молния затрудняли проход даже на дюжину ярдов столько, сколько стоила чья-то жизнь. В туннелях было прохладно, но, по крайней мере, не было ветрено. Когда в Нью-Мексико поднимались ветры, несущие песок, дождь или лёд, они могли содрать краску с грузовика или ослепить неопытного.

Вокруг было несколько инженеров и ремонтников, которые отвечали на его приветствия, но по большей части он шёл один, и его шаги заглушались недостроенными бетонными полами. Флуоресцентное освещение отбрасывало странные тени на необработанные стены вокруг него, когда он шёл. Эл всегда ожидал увидеть змей в туннелях или летучую мышь, которая спикирует вниз и запутается в его волосах. Этого ещё не произошло, но это не значит, что этого не произойдёт. Он внимательно следил за происходящим и неосознанно вздохнул с облегчением, когда прибыл в рабочий центр Проекта.

Как всегда, он первым делом зашел в Зал Ожидания. Он помахал медсестре, одной из ассистенток доктора Бикс, дежурившей в смотровом отсеке, и подошёл к телу на больничной койке. Сэм был в то утро побрит, и местами его щёки всё ещё были красными.

Он заставил себя посмотреть и узнать Посетителя, занявшего тело Сэма.

"Мы делаем всё возможное, чтобы вытащить тебя отсюда, малыш. Мы делаем всё возможное, чтобы вернуть тебя домой."

Завершив ритуал, он снова взглянул вверх. Медсестра кивнула и подняла большой палец, показывая, что на данный момент, в состоянии кататонии или нет, тело в постели всё ещё было здоровым. Люди, оказавшиеся в Зале Ожидания, не всегда были в состоянии кататонии. Они поддерживали тело в хорошем состоянии. Эл иногда думал об этом в терминах фразы Эдгара Кейси: "Мы владеем телом". Так оно и было, и это было чертовски неприятно.

Следующей остановкой после зала ожидания была Центральная Диспетчерская. Живчик всё ещё лежал под столом, как будто и не ложился спать; была велика вероятность, что он этого не делал. Было зловеще, что всё больше цветных блоков потемнели.

"Зигги?" - позвал он, оглядываясь по сторонам.

"Адмирал". Голос, ответивший ему, не был ожидаемым ровным баритоном. Обычно тон Зигги был не только спокойным, но и самодовольным. Сейчас он был пронзительным и встревоженным. Эл взглянул на Живчика. Исчезновение огней указывало на то, что Зигги неуклонно сдавал позиции.

"Зигги, ты нашёл Тину?"

"Нет, сэр."

Зигги определённо был болен. Компьютеру было не свойственно оказывать почести кому-либо, кроме его создателя, да и то не часто.

"Почему нет, чёрт возьми?" Это был неразумный вопрос, и он знал это, но пока он наблюдал, замигал ещё один набор огней. Если свет погаснет — если критические пути Зигги будут слишком сильно сокращены, — они навсегда потеряют возможность отслеживать Сэма.

Если бы это произошло, то они не смогли бы помочь ему предотвратить аварию "американских горок". Если бы ему не удалось изменить историю, он оказался бы в её ловушке, не имея возможности прыгнуть дальше.

И согласно последнему отчёту Зигги о том, что произошло, его поместили бы в психиатрическую больницу, после чего он действительно сошёл бы с ума и умер. Его тело в Зале Ожидания, занятое незнакомцем, могло бы продолжать жить, но это был бы не Сэм Беккет.

Он был бы потерян навсегда, если бы безжалостная неизвестная сила, которая спровоцировала первоначальный сбой в Ускорителе, заставившую его начать совершать скачки, не смягчилась.

Адмирал Калавичи не был готов позволить случайности определять ход его сражений.

Даже если эти сражения начинались из-за его собственных ошибок.

"Я отслеживаю операции по кредитной карте и активность на банковском счете доктора Мартинес О'Фаррелл," - ответил компьютер. "Не было никаких признаков."

"Тогда она, должно быть, гостит у родственников или где-то у подруги. Проверь известных знакомых, перечисленных в её анкете по безопасности персонала."

"Это было бы нарушением Закона о конфиденциальности."

"Мне всё равно," - процедил Эл сквозь стиснутые зубы. "Сделай это!". Нельзя стать Адмиралом, не научившись отдавать приказы.

"Работаю," - неохотно ответил компьютер. "Но при этом я не смогу продолжать обработку информации за 1957 год."

Из-под стола донеслось ругательство Живчика.

"Живчик, ты хоть немного поспал? Есть что-нибудь поесть?"

"Э-э, да, сэр."

"В последний раз Живчик спал двадцать семь часов назад," - прервал компьютер. "Его последний приём пищи состоял в основном из жиров и рафинированного сахара шестнадцать часов назад."

Эл присел на корточки, чтобы заглянуть под стол. Конечно же, рядом с программистом валялись смятые остатки обёртки от шоколадного батончика, подтверждающие слова Зигги.

"Зигги, иди и делай, что тебе сказали. Живчик, иди спать. Это приказ."

"Но, сэр..." - Живчик вылез из-под стола и столкнулся с другим мужчиной

почти нос к носу. Ну, не совсем; это было ближе к тому, чтобы столкнуться носом ко лбу, так, как Эл был на несколько дюймов ниже ростом. Эл попятился. Это была не вина Живчика, что у него был неприятный запах изо рта, не совсем; но не обязательно, чтобы запах изо рта был таким уж неприятным.

Эл редко задумывался о том, как влияет его непрерывное курение сигар на его собственное дыхание.

"Сэр," - продолжал Живчик, — "Я почти понял, я уверен..." У главного программиста Проекта был пронзительный, быстрый смех, круглое лицо, разделённое тонкими усиками, и потные ладони. Как однажды заметил Сэм, Живчика было невозможно вывести из себя, но его можно сильно встревожить. Его ногти всегда были обгрызены до основания.

"За последние три часа Живчик допустил несколько ошибок," - отметил Зигги.

"Зигги, чёрт возьми, не лезь не в свое дело," - сказал Эл, раздражённый тем, что его прервали.

"На этом уровне я способен выполнять многозадачность". Компьютер звучал оскорблённо.

"Мне всё равно, со сколькими заданиями ты справишься, прямо сейчас я хочу, чтобы ты нашёл Тину, а не отпускал ехидные комментарии о Живчике". Эл чувствовал себя так, словно выступал посредником между парой шестилетних детей на детской площадке.

Зигги издал звук, очень похожий на фырканье, но сохранил спокойствие.

"Спасибо, сэр," - смиренно ответил Живчик.

Эл вздохнул. Было намного проще, когда всем управлял Сэм. Каким-то образом Сэму удавалось держать Зигги в узде и заставлять Живчика чувствовать себя менее гонимым компьютером, который он пытался запрограммировать, создавать новые пути в нечёткой логике и поддерживать слаженную работу команды, так что всё, что Элу нужно было делать, - это администрировать Проект и искать средства. Они разделили Проект между собой удивительно эффективным образом. Теперь Элу приходилось делать это самому, и он часто думал, что предпочёл бы вернуться на авианосец, даже если бы ему пришлось соблюдать обет безбрачия.

За исключением того, что, если бы он это сделал, Сэм, конечно, был бы потерян. А этому не суждено было случиться.

"У вас есть приказ, мистер. И у вас тоже," - сказал он в воздух. "Я отправляюсь в Голографическую Камеру."

"Я не смогу обеспечить вам контакт с доктором Беккетом во время выполнения параметров поиска."

Эл вздрогнул. Ему и в голову не приходило, что Зигги даже не сможет отправить его к своему другу. Ситуация, должно быть, ещё хуже, чем он думал.

"Сколько времени потребуется для выполнения параметров поиска?"

"Приблизительно сорок семь целых три десятых минуты от...Отметки."

"Хорошо," - решительно сказал он. "Я пойду принесу что-нибудь поесть. Потом я...посмотрю что будет дальше."

Сэм Беккет, в свою очередь, проснулся, зная, что сегодня пятница, 12 июля 1957 года, и что сегодня жарко. По крайней мере, этим утром он знал, где можно позавтракать. У Боба заканчивались деньги, но, если повезёт, сегодня был день зарплаты. Он направился в кафе, напевая себе под нос, отметив про себя, что организм Боба, похоже, склонен к понижению уровня сахара в крови; приём пищи и ночной отдых удивительным образом изменили его взгляды на жизнь. И, поскольку тело и разум, как правило, были связаны, это также не повредило мировоззрению Сэма.

Отдохнувший, с восстановленным обменом веществ, он чувствовал себя гораздо увереннее в том, что сможет справиться с этим скачком и внести необходимые изменения в историю. Всё, что ему нужно было сделать, это убедить Эйлин, и почему-то он был уверен, что сможет это сделать.

Вернувшись в парк аттракционов после посещения кафе, он увидел Майка и Джесси, совещающихся над частично разобранным трупом аттракциона "Вращающийся Вихрь", аттракциона, к которому подвешены четыре пассажирских отсека на каждом из четырёх основных рычагов. Предполагалось, что рычаги должны вращаться, в то время как подвесные отсеки вращались независимо друг от друга под углом почти в девяносто градусов. Кто-то экспериментировал с музыкой из динамиков, проигрывая часть мелодии, а затем останавливаясь и начиная сначала. После того, как его напев прервался в третий раз, он сдался и пошел искать Дасти, чтобы отдать ему его отметку.

Дасте сгребал вилами сено в маленький загон под пристальным наблюдением Бессы, которая несла на руках коричнево-белого кота, обвисшего на обеих руках, а его хвост волочился по пыли. У кота, почти такого же большого, как маленькая девочка, были полузакрытые голубые глаза, и мурлыканье, которое Сэм мог слышать с расстояния пятнадцати футов.

"Доброе утро, Бесса. Кто твой друг?"

Кот, продолжая мурлыкать, поднял голову достаточно высоко, чтобы показать, что почесать его между ушами было бы допустимо. Осознав, что её ноша соскальзывает с рук на землю, как тёплая патока, Бесса подняла его вверх, пытаясь поддержать коленом. Кот едва заметно дёрнулся. "Это Макси," - пыхтя, сообщила она Сэму.

"Давай я тебе помогу". Он поднял животное и поудобнее устроил его на руках у маленькой девочки. Макси не переставал мурлыкать. "Похоже, Макси довольно терпеливый кот," - заметил он.

Кот небрежно провёл по его руке шершавым розовым язычком, словно принимая комплимент. Сэм потрепал бархатистые ушки. "Эй, мальчик, тебя ведь ничего не беспокоит, правда? Мои старые амбарные коты не позволили бы так себя таскать ни на минуту. Думаю, ты мне нравишься больше."

Макси искоса посмотрел на него и ласково, по-собственнически положил лапу ему на руку. "Мурррр," - согласился он.

"Макси - мой кот," - сказала Бесса, прищурив глаза.

"О, я уверен, Макси это знает," - поспешил заверить он её. Она с достоинством фыркнула и побрела прочь, волоча за собой кота. За ней доносилось кошачье мурлыканье.

Дасте, который перестал подгребать сено, чтобы послушать обмен мнениями, ухмыльнулся и сплюнул точно в противоположном направлении. "Ревнивая душонка, не так ли?"

Сэм рассмеялся. "Я отдал твои квитанции Мисс Вере Шебер," - сказал он другому мужчине. "Вот отметка. Но есть кое-что, о чем я хотел бы позаботиться с Эйлин этим утром. Ты не возражаешь?"

"Чёрт возьми, парень, да делай, что тебе взбредет в голову. Я могу приготовить эти маленькие собачьи закуски. Я их не спугну." - он ненадолго задумался. "Не то чтобы я не оценил твою вчерашнюю помощь. Просто по правде говоря, мне это было не нужно, если ты меня

понимаешь."

"О, конечно". Сэм ловко отодвинул от забора беспокойного гнедого пони и отправился на поиски Эйлин Шебер.

Большая сухопутная черепаха неуклюже забралась в траву, растущую вокруг ступенек, ведущих к двери офисного трейлера. Внутри Мелли всё ещё жевала жвачку и рассматривала свои ногти. У неё под мышками уже выступили круги пота, а вентилятор на картотечном шкафу деловито жужжал, не принося ощутимой пользы. Майк Макфарланд и Джесси, очевидно, закончившие с "Вращающимся Вихрем", склонили головы над рулоном чертежей, и Джесси что-то обводил кончиком пальца.

"Чёрт бы меня побрал, если это не мастер по ремонту! Я вижу, ты вытащил всю сахарную вату из ушей. Как дела, Боб?". Макфарланд был определённо весел этим утром. "Вчера он пытался починить спиннер Мигеля Кастенады и, чёрт возьми, чуть не взорвал всю кабинку," - сообщил он Джесси и незаинтересованной Мелли. "Повезло, что никто не пострадал."

"Это правда, Боб?" - спросил Джесси. У него был взгляд типа "Мне-правда-будет-неприятно-видеть-как-ты-уходишь", направленный на Макфарланда, на его лице.

"Не совсем," - ровным голосом ответил Сэм. Он всё ещё не был до конца уверен в том, что произошло накануне, и ему не хотелось обсуждать это ни с кем из других мужчин.

"Что ж, ничего страшного не случилось," - экспансивно сказал Майк. "Мы всё уладили, не так ли, Боб?"

"Конечно, мы это сделали". Сэм взял за правило не делать акцент на местоимении. Меняя тему, он продолжил: "Эйлин здесь?"

Упоминание о другой женщине на долю секунды отвлекло внимание Мелли от неё самой. "Она никогда не приходит в офис по утрам," - пробормотала она. "Она слишком хороша."

"Довольно, Мелинда Мэй," - огрызнулся Джесси. Мелли пожалала плечами и вернулась к созерцанию своих ногтей. "Нет, Эйлин здесь нет. Зачем она тебе нужна?"

"Я просто хочу поговорить с ней кое о чём." - сказал Сэм. Этим утром он был не в настроении импровизировать. Он хотел достичь своей цели и двигаться дальше, во всех смыслах этого слова. - "Она дома?"

"Возможно."

"Опять ухаживаешь за начальницей, да, мальчик?"

Сэм на мгновение уставился на Макфарланда, чувствуя, как напряглись мышцы на его лице. Одно дело, когда его называл "мальчиком" Дасти. И совсем другое дело, когда это делал инженер. На мгновение сцена размылась, и он снова оказался на Проекте "Звёздный Свет", когда один из руководителей назвал его "Мальчиком-Гением" и обращался с ним как с новичком в городе, пытаясь поставить его на место. Тогда это тоже не сработало.

Макфарланд почувствовал, что переступил какую-то невидимую черту, и не совсем понимал, как вернуться на другую сторону, не потеряв лица. Прежде чем Макфарланд успел начать грубить, Сэм кивком поблагодарил Джесси и повернулся на пятках, чтобы уйти.

К сожалению, он поворачивал направо, и слабая нога немного подогнулась. Он ухватился за дверной косяк и удержал равновесие, ожидая смешков за спиной. Этого не последовало; спотыкание не было очевидным. Но это испортило хороший уход.

Но даже это не могло надолго подорвать его уверенность в себе. До открытия парка оставался час, а жонглёры уже репетировали на Мидуэе; настраивали каллиопу, кто-то закручивал последний болт, чтобы вернуть карусельную лошадку, раскрашенную золотой и небесно-голубой краской, на круговую дорожку. В парке, должно быть, работает более ста человек, подумал он, либо напрямую, либо по контракту, от продавцов билетов до уборщиков и операторов аттракционов; он занимает по меньшей мере двенадцать акров, не считая трейлеров для таких сотрудников, как Боб, который жил более или менее на территории, и автостоянка для посетителей. Затем были продавцы еды, сотрудники службы безопасности. Это было довольно оживлённое предприятие, принадлежавшее Шеберам, даже до открытия, без посетителей. Не то, чтобы было так много посетителей после открытия.

Должно быть, требуется много денег, чтобы заплатить всем, размышлял он. Страховка, должно быть, тоже недешёвая. Неудивительно, что Эйлин Шебер искала новый аттракцион. Парк должен был заработать достаточно денег в течение летнего сезона, чтобы прокормить большинство этих людей и зимой.

Это заставило по-новому взглянуть на высокую стоимость входного билета. Возможно, пятьдесят центов было не так уж и много, в конце

концов, даже в 1957 году. Пока парк был захватывающим, это того стоило. Но если в нём была та же привлекательность, что и пятнадцать лет назад, то пришло время для чего-то нового.

Эл сказал, что несчастный случай был преднамеренным — это было убийство. За два с половиной дня не было времени пытаться определить, у кого был мотив для убийства той или иной жертвы, особенно когда он даже не был уверен, кем были все жертвы. Но если бы он смог отложить торжественное открытие хотя бы на один день, это изменило бы историю ровно настолько, чтобы можно было предотвратить "несчастный случай".

И тогда он бы смог выпрыгнуть отсюда.

[ГЛАВА 11]

На этот раз ему удалось миновать кухню и попасть в парадную гостиную. Для начала он зашёл с чёрного хода, и Эйлин встретила его у двери. Она, казалось, была рада его видеть и без лишних вопросов пустила внутрь, сразу же проведя в комнату в передней части дома.

Окно гостиной, задрапированное тяжёлыми кружевными занавесками с замысловатыми узлами, выходило на переднее крыльцо и лужайку. Такими же кружевами были задрапированы спинки и подлокотники мягких кресел в качестве антимакассаров (Антимакассар — это небольшая ткань, накинутая на спинки или подлокотники стульев, или на изголовье или подушки дивана, чтобы предотвратить загрязнение постоянной ткани под ним - прим.пер). В комнате слегка пахло лимонным маслом и заброшенностью, всё было вытерто от пыли, всё было безупречно, это была по-домашнему красивая комната в доме постройки 1957 года или, возможно, 1857-го, если не приглядываться слишком внимательно. Это была гостиная в викторианском стиле; маленькие столики рядом со стульями были заставлены фотографиями людей, на которых взрослые стояли неподвижно, глядя в камеру, а дети были одетые в матросские костюмчики и переднички, с глазами, полными слёз от того, что их заставляли так долго позировать и замирать перед камерой. Стены тоже были увешаны картинами, групповыми фотографиями и одиночными снимками, фотографиями с выпускного вечера и пикников. Он узнал фотографию Эйлин на доске объявлений из магазина школьных ежегодников и, что поразительно, Боба Уоткинса тоже.

Но на подавляющем большинстве фотографий были изображены жонглёры, клоуны и аттракционы из парка развлечений. Там была фотография Дасти, сделанная много лет назад, на которой он держал поводья одного из своих пони, а маленький мальчик в ковбойской шляпе и с мрачным выражением лица изо всех сил держался за рожок седла. Там была ещё одна фотография Боба Уоткинса с застенчивой улыбкой на лице, стоящего рядом с Джесси и гораздо более пожилым мужчиной, который, должно быть, был Карлом Шебером, рядом с вывеской у входа в парк развлечений.

Это заставило его задуматься о том, какие отношения должны были быть между Бобом Уоткинсом и Эйлин Шебер, и он посмотрел на неё в новом свете. По словам Эла, она была того же возраста, и на фотографиях в классе было видно, что они вместе ходили в школу. Столкновение с полиомиелитом, хотя и не такое изнурительное, каким легко могло бы быть это заболевание, очевидно, привело к тому, что Боб потерял год. Эйлин продолжала учиться, и между ними образовалась пропасть.

Другие люди в Жасмине, знавшие их обоих, воспринимали это иначе; Вера принимала его если не как равного, то, по крайней мере, как достойного компании. Дасти считал само собой разумеющимся, что он обращался к ней по имени. Но когда Эйлин пригласила его войти, она повела его в гостиную, чтобы поговорить, вместо более неформальной кухни. Существовали неписанные правила о знакомстве с молодыми леди в гостиных. Возможно, Боб когда-то ожидал, что они двое будут ближе, чем хотела бы Эйлин? Казалось, она хотела сохранять дистанцию между ними.

Она, конечно, была привлекательной. У неё были тёмные волосы, фиалковые глаза, аккуратная стройная фигура, и Эл, вероятно, напевал бы себе под нос...где же, в конце концов, Эл? На него было не похоже так долго отсутствовать. Она была грациозной, серьёзной, умной и целеустремлённой.

И хотя Сэм обнаружил, что она нравится Бобу, и сразу понял, почему Боб хранил фотографии и мечты в ящике стола, он обнаружил, что его самого, Сэма Беккета, она не особенно привлекает. Возможно, он искал кого-то с чуть меньшей серьёзностью и чуть большим чувством юмора. Он внезапно задался вопросом, много ли у неё друзей в Жасмине; должно быть, одинокой женщине лет двадцати пяти, было тяжело пытаться вести бизнес в той части страны, которая гордилась своим консерватизмом и старомодными ценностями даже в консервативные времена. Сэм не мог не восхищаться её мужеством, а также внешностью, но ему хотелось, чтобы она улыбалась чуть чаще. Эйлин Шебер явно обладала сильным

чувством ответственности и не боялась бросать вызов нравам своего времени.

Что, конечно, немного больше усложняло его непосредственную задачу.

Она наблюдала за ним так, как будто он готовился объявить судьбу Западного полушария, а не так, как если бы он был другом или кем-то, кого можно рассматривать как потенциальную пару. Неужели Боб выбыл из гонки, когда заболел? Было бы всё это проще, если бы Боб действительно ухаживал за ней?

Он практически слышал, как Эл предлагает ему сбить женщину с ног и уговорить её отложить открытие таким образом. Он улыбнулся этой мысли. Помимо того факта, что он считал использование такой тактики грязным делом, для Боба Уоткинса это всё равно было бы непрактично. Боб мог пользоваться рукой и ногой, но они были недостаточно сильны для серьёзной зачистки, если только дама, о которой шла речь, не будет полностью сотрудничать, и он не думал, что эта дама благосклонно отнесётся к такому резкому подходу. Немногие женщины это делали, несмотря на мечты Эла о завоевании.

"Вспомнил что-то смешное, Боб?". У неё также был приятный голос, низкий и тихий. У него не было возможности оценить это раньше, из-за обрушения кабинки и всего остального, что происходило. Он был рад видеть, что её зрение тоже стало лучше. Может быть, в собственном доме она испытывала чуть меньше стресса.

Он напомнил себе, что в течение двух лет это был и дом Боба.

"Нет," - поспешно сказал он. "Не совсем смешное, я просто думал о том, что кто-то сказал. Одна из тех вещей, которые были забавными в то время, но...". Он запнулся, не в силах объяснить.

"Я понимаю". Она сложила руки на коленях и выжидательно уставилась на него.

У него было ощущение, что было бы невежливо сразу же поднимать тему американских горок. По его воспоминаниям, к теме обсуждения подходили постепенно. Бросаться сразу с места в карьер было уделом дерзких выходцев с Востока.

"Вчера я принёс квитанции Дасти," - сообщил он.

"Да. Вера рассказала мне об этом. Она ведь дала тебе отметку для них, не так ли?"

"Да, она это сделала. Мммм" — "О, чёрт, я никогда не был хорош в светских беседах", - подумал он и продолжил. "Послушай, Эйлин, я хотел поговорить с тобой о американских горках..."

Она сразу же просияла. "Да, это будет замечательно, не так ли? Я получаю множество звонков. Люди действительно с нетерпением ждут открытия."

"Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Ты уверена в этом?"

"Что ты имеешь ввиду? Конечно, я уверена. Не говори глупостей". Она была искренне поражена этим предположением.

"Я имею ввиду, действительно ли это безопасно?"

Она открыла рот, чтобы ответить, затем снова закрыла его и с любопытством изучала его, как будто он был каким-то странным и экзотическим насекомым под увеличительным стеклом. "У тебя снова были видения, Боб? В этом всё дело?"

"Видения?". Это слово застало его врасплох. "Видения? У меня не бывает видений."

"Да ладно тебе. Мы с тобой выросли вместе, помнишь? Я помню, как это было до того, как ты заболел. И с тех пор ты всё время что-то видишь и слышишь. И..." — она запнулась от болезненного воспоминания, — "После того, как ты переехал к нам, ты рассказывал нам разные вещи. Так что не обманывай меня сейчас. Ты видел что-то, что тебя обеспокоило?"

Очевидно, она считала, что болезнь привела к повреждению мозга и галлюцинациям. Сэм предположил, что это было ненамного лучше, чем считаться экстрасенсом. Его беспокоил её жалостливый тон, тот же самый, который он слышал от неё, когда впервые пришёл в себя после перемещения в Боба Уоткинса и это его обеспокоило.

"Я не слабоумный," - сказал он резче, чем намеревался. "А что, если я действительно что-то видел или слышал? Разве я иногда не оказывался прав?"

Во всяком случае, он надеялся, что это так: люди склонны запоминать несколько случайно правильных предсказаний и забывать тысячи неправильных. Боб должен был, хотя бы раз попасть в яблочко.

И, очевидно, так оно и было, потому что она заколебалась. "И что же ты видел?"

"Если ты в воскресенье откроешь американские горки, то произойдёт несчастный случай, и погибнут люди. Ты должна это не допустить. Ты не должна делать открытие."

Эти слова заставили её подняться на ноги, словно её дёрнули за невидимую ниточку. "Боб Уоткинс, ты говоришь ужасные вещи, и это неправда! Это не может быть правдой! Немедленно возьми свои слова обратно, ты слышишь меня?"

Сэм тоже вскочил на ноги, пытаясь повернуться к ней лицом. "Это правда. Эти американские горки небезопасны."

"Нет! Я в это не верю! Ты, должно быть, не в своём уме!"

По спине у него пробежал холодок. Страх заставил его сказать: "Я не сумасшедший. Даже не намекай на это!"

"Эти американские горки небезопасны — послушай, всё, что тебе нужно сделать, это перенести открытие. Проверь их ещё раз, сертифицируй у кого-нибудь..."

"По твоему указу?". Она невесело рассмеялась. "Вернее, по указу твоих видений?"

"Разве это так ужасно - просто проверить и убедиться?". Его голос звучал жалобно, даже для него самого, и на мгновение ему захотелось вернуть этот момент назад и сказать эти слова снова, но другим, возможно, более категоричным тоном. Эйлин, казалось, было всё равно.

"Я уже распространила всю рекламу. Люди по всему штату знают об этом. Что я всем скажу в воскресенье, - "упс, извините, Боб увидел красивые картинки в своей голове, так что приходите завтра?" Или на следующей неделе, или в следующем году, или когда тебе это захочется? Однажды мы уже откладывали дела на потом. Я не могу позволить себе не открыть его в воскресенье."

"И, кроме того, у меня есть эксперт, работающий над этим. Майк Макфарланд работал над некоторыми из самых больших американских горок в стране. Он уже проверил и перепроверил всё, вплоть до последнего болта и винтика."

"Ну только ещё один раз?" - взмолился он, понимая, что полностью потерял контроль над ситуацией.

"Если ты так этого боишься, можешь не ехать с нами." - горячо сказала она.

Он снова сел, потрясённый. "Разве я должен был быть на открытии аттракциона?"

"Конечно, должен был, я говорила тебе об этом несколько месяцев назад. Боб, как ты можешь забывать такие вещи? Клянусь, мне кажется, с течением времени тебе становится всё хуже и хуже. Я волнуюсь за тебя, правда." - её брови были нахмурены, когда она изучала его, словно выискивая неясные симптомы.

Если бы Боб Уоткинс был на открытии американских горок, то он бы стал одной из жертв? Его пробрал озноб.

"Не беспокойся обо мне! Что, если что-то пойдёт не так? Это будет катастрофой для тебя, для парка, для всех. Если люди пострадают на этом аттракционе, ты никогда от этого не оправившись!" "Особенно, если ты умрёшь," - мысленно добавил он, но не мог произнести это вслух. Она и так была достаточно зла. Предположить, что она станет жертвой своей собственной мечты, стало бы последней каплей.

"Никто не пострадает! Ты разговаривал с Джесси? Это он всё придумал? Это он подстроил тебя, чтобы ты так разговаривал со мной? Боб, мне стыдно за тебя! Ты же знаешь, что Джесси пытается..."

"Джесси не имеет к этому никакого отношения! Я просто пытаюсь предупредить тебя, что это случится!" - настаивал он.

"Предупредить меня? Или угрожать мне?" Её руки, крепко прижатые к бокам, сжимались и разжимались. "Я знаю, что это такое. Это просто твоя попытка заставить меня потерпеть неудачу, не так ли? Так же, как и то, что говорил Джесси, что я недостаточно умна, чтобы заниматься бизнесом дяди Карла. Что я собираюсь разрушить его мечту и свою одновременно."

"Что ж, если я упущу эту возможность, это только докажет, что вы правы, не так ли? Но я говорю тебе прямо сейчас, Боб Уоткинс, что я вложила в это дело слишком много денег, слишком много людей от этого зависит, и это откроется по расписанию. И ни ты, ни Джесси, ни кто-либо другой не остановит это!"

Наступило молчание, пока она пыталась найти, что ещё сказать, а Сэм пытался найти какой-нибудь способ ответить. Способа не было, и его плечи поникли, когда он признал это.

"Ладно. Ладно," - сказал он наконец. "Я не пытаюсь причинить тебе боль, Эйлин, честное слово. Я бы так с тобой не поступил. Я не такой человек". И Боб Уоткинс тоже. "Но, пожалуйста, пожалуйста, проверь это ещё раз.

Повторная проверка не повредит, не так ли? Просто на всякий случай?"

Она медленно расслабилась, привыкая к мысли, что победила. Через мгновение она отступила назад и снова села. Как предложение перемирия, это был неплохой жест.

"Конечно, это не повредит," - любезно сказала она. "Мы уже всё запланировали, но я попрошу Майка сделать ещё одну тщательную проверку. Если хочешь, он проверит каждую гайку и болт."

"Ты мог бы даже ему помочь, если тебе от этого станет легче. Ты же работаешь с Майком. Я скажу ему, что ты хочешь помочь."

Сэм поморщился, представив, как инженер воспримет эту новость.

Эйлин увидела это и поняла. "Я не позволю ему придирается к тебе. Я знаю, что вы не очень хорошо ладите, но это просто его манера. Ты должен быть терпимее, знаешь ли."

И этого замечания было почти достаточно, чтобы заставить его снова рассмеяться.

"Тина, милая..." — промурлыкал он в телефонную трубку. Лучшие друзья Эла Калавичи, большинство его случайных знакомых и все его бывшие жёны сразу узнали бы тон его голоса. Он снова испортил свою личную жизнь и отчаянно пытался исправить ситуацию. Это происходило с пугающей регулярностью.

Эл Калавичи был одним из тех мужчин, у которых был дар рассматривать текущую женщину в своей жизни как единственную женщину в своей жизни, по крайней мере, пока она была в поле зрения. Его философией была последовательная моногамия, а его практика состояла из очень коротких циклов.

Так или иначе, независимо от того, насколько высоко он ценил конкретную женщину, и независимо от того, насколько сильно был увлечён, рано или поздно что-то всегда шло не так, скорее рано, чем поздно. Обычно разрыв был связан с тем, что он оценил какую-то другую женщину в неподходящее время. Он никогда не хотел отвлекаться от нынешней любви всей своей жизни; он просто был неуправляем.

Но на голос, раздавшийся в трубке, он не произвёл впечатления.

"Тина, дорогая, ты нужна нам...ты нужна мне. Я скучаю по тебе. Мы все скучаем по тебе."

В результате ему слишком часто приходилось унижаться по телефону, пытаясь наладить отношения. Его отношения с Тиной продержались дольше, чем большинство других, и это был шестой или седьмой раз, когда он сделал всё возможное, чтобы принести полные извинения, с розами и шампанским. По любым разумным меркам, они оба должны были выучить сценарий наизусть и суметь довести его до счастливого завершения.

На этот раз, однако, с Тины было достаточно. Она ушла с Проекта. И голос Эла стал хриплым от отчаяния; на карту была поставлена не только его личная жизнь, но и будущее его лучшего друга. Он должен был вернуть её, ради них обоих.

Тина Мартинес-О'Фаррелл, возможно, и выглядела как классическая дурочка, которая тратила больше времени на покраску ногтей, чем на чтение книг, и чьё представление об интеллигентной беседе сводилось к тому, где лучше всего купить этот милый маленький классический жакет, но классические дурочки не получали высшего допуска к секретным проектам. Хотя было правдой, что Тина могла оценить гардероб случайного наблюдателя с точностью до цента, она также получила докторскую степень по архитектуре суперкомпьютеров в Стэнфорде. Причина, по которой её отношения с Адмиралом продлились так долго, заключалась в том, что она представляла собой великолепную смесь ума и простодушия. Перед этим сочетанием Эл не мог устоять.

К сожалению, это тоже было то, с чем он не смог справиться. Он продолжал сосредотачиваться на её идеальной фигуре, великолепных широко раскрытых глазах и голосе с придыханием, упуская из виду тот факт, что у неё второй по величине ай-кью на Проекте. Теперь он изо всех сил старался вспомнить об этом, взывая к её чувству долга вместо того, чтобы играть на своих гормонах.

"Тина, милая, пожалуйста, я знаю, что ты злишься на меня, и у тебя есть на это полное право, я был подонком. Я был хуже, чем подонок, я был..."

"Ты был грубым". Он ясно представил себе, как выпятилась её нижняя губа, надутая, красная, влажная, дрожащая, манящая...

Он прочистил горло и ослабил воротник. "Да, ты права. Я был грубым. Но, Тина, пожалуйста, послушай, не имеет значения, был я грубым или нет..."

"Нет, имеет!"

Закрыв глаза, он потёр лоб, желая, чтобы головная боль прошла. Когда он заговорил снова, его тон был исключительно деловым. "Согласен. Это важно."

"Тина, послушай, у нас тут проблема. С Зигги что-то не так, и мы не знаем, как это исправить. Свет гаснет. Он издаёт странные звуки. И он сообщает нам, что больше не может выполнять многопроцессорную обработку..."

"Что значит, "не может выполнять многопроцессорную обработку?" Это смешно. Многопроцессорная обработка совершенно проста; всё это есть в протоколах приложений. Не может быть никаких проблем, если только вы не возились с системным кэшем". В голосе маленькой девочки слова прозвучали неправильно, слишком гладкими, чтобы быть заученным текстом, и слишком лёгкими, для зрелой женщины.

"О, нет," - заверил он её. "Мы бы не стали трогать системный кэш или процессор команд."

"Тогда я думаю, что ты всё это выдумываешь". Итак, вот мы и пересекли черту.

"Я бы не стал врать тебе об этом. Я волнуюсь, Тина, действительно волнуюсь. На этот раз Сэм попал в настоящую передрагу. Я думаю, что бы он ни делал, пытаюсь всё исправить, это в конечном итоге приведёт к тому, что он окажется в ловушке, и мы не сможем получить никакой информации с этого проклятого компьютера! Пожалуйста, Тина, вернись. Не ради меня, ради Зигги. Ради Сэма". Никогда в жизни голос Эла не звучал так искренне. Он и сам никогда не чувствовал себя таким искренним.

Но в своё время Тина слышала много искренности, и сейчас она на это не купилась. "Ты знаешь, где я, Элберт Калавичи? Я сижу у бассейна в Палм-Бич в своём новеньком красном бикини, загораю и пью один из тех напитков с маленьким синим зонтиком внутри. И в бассейне действительно потрясающе выглядящий парень, и он плавает взад-вперёд, и я думаю, что он флиртует со мной. Думаю, я позволю ему угостить меня ужином сегодня вечером, и мы пойдём танцевать, и он не будет думать о какой-то другой женщине, и не будет кричать "Бет, Бет!" в самый ответственный момент."

Наступило долгое молчание.

"Эл, ты здесь?"

"Тина..." - сухо прошептал Эл, скорее самому себе, чем трубке. "Ты не

понимаешь."

Она услышала, и в её голосе зазвучали отчётливые нотки триумфа. "Знаешь что? Я думаю, этот красавчик нарочно брызгает на меня водой. И знаешь, что ещё? Действительно приятно сидеть у бассейна, полного воды, в окружении пальм, вместо того, чтобы быть похороненной заживо в старой пещере, у чёрта на куличках, в Нью-Мексико. Так что, я думаю, что просто останусь здесь ненадолго и буду наслаждаться."

Звук разъединения и гудок набора номера ударили ему в ухо, и он прижался лбом к шершавой стене своего спартанского жилища и закрыл глаза, а его пальцы побелели от напряжения, сжимавшего телефонную трубку. "Тина, - прошептал он. "Тина, Тина..."

[ГЛАВА 12]

"Если я не смогу её заставить это остановить, то мне придётся остановить это самому," - пробормотал он. Он не обращал внимания на понимающие улыбки операторов игр, которые крутили указательными пальцами у виска и пожимали плечами, обращаясь к своим клиентам. В конце концов, он был всего лишь сумасшедшим стариной Бобом, который вёл себя именно так, как все от него ожидали.

Несколько человек из обслуживающего персонала убрали сорняки, выросшие вокруг опор для "Убийцы Диллера". Он обошёл их и направился к кабинке оператора, осматривая её.

Конструкция аттракциона состояла из стоек и балок, поддерживающих дорожку, по которой двигались вагонетки, и самой дорожки. Рядом с дорожкой проходила узкая дорожка для технического обслуживания с поручнями на крутых участках; дорожка была сплошной, пока дорожка не начала подниматься; затем балки превратились в ступеньки, похожие на лестницу, а поручень превратился в страховочный трос. Дорожка, настил, рельсы и всё остальное составляло конструкцию шириной около двадцати пяти футов в самой нижней точке, сужаясь по мере подъема.

В середине дорожки, прикрученные болтами к центральным балкам, находились направляющие рельсы, по которым двигались колёса вагонеток, когда они поднимались, опускались и поворачивали. Аттракцион был построен из секций, с металлическим направляющим рельсом, проходящим по центру, и удерживающими поручнями по бокам.

Вагонетки будут удерживаться на месте всеми тремя рельсами.

Дорожка была примерно овальной формы, длиной более мили, хотя сам аттракцион занимал не так уж много места, потому что все подъемы, перепады и петли сжимали его. Части дорожки ныряли и петляли по туннелям. Это было хорошо видно с середины парка.

Сэм пересёк рельсы и территорию внутри сооружения, чтобы взглянуть на туннель. Там было не менее девяти футов свободного пространства.

Там, где этот длинный участок проходил рядом со станцией оператора, был установлен комплект пневматических тормозов, готовых подхватить вагонетки и полностью остановить их в конце поездки, чтобы пассажиры могли безопасно выйти. А вот здесь находился рычаг, с помощью которого оператор открывал их. Фрикционная поверхность работала как зажим - две длинные стальные пластины, обычно плотно прилегающие друг к другу, которые пружинно открывались, а затем снова закрывались.

Он шёл рядом с рельсами, по деревянному настилу, идущему рядом с дорожкой, изучая цепь, которая тянула вагонетки вверх по первому крутому склону к вершине первого обрыва. Больше не было ничего, что могло бы двигать вагонетки вперёд, и он понял, что вся поездка, после первого рывка на вершину, была делом чистой силы притяжения. Вагонетки двигались по дорожке в контролируемом падении, накапливая энергию при вращении по спирали и используя её снова при подъеме. Вагонетки удерживались на направляющем рельсе с помощью специальных колёс, которые удерживали их от того, чтобы они не улетели в космос или, по крайней мере, в пруд за оградой.

Возможно, что-то было не так с направляющими колёсами, которые удерживали вагонетки на рельсах. Он внимательно осмотрел их и не увидел ничего плохого. Но он, вероятно, не распознал бы проблему, даже если бы увидел её, если бы это не было что-то вопиющее, например, отвалившиеся колёса или болтающийся рельс.

Он ткнул в него пальцем. Он стоически оставался на месте, с новыми болтами в начале и конце каждого участка дорожки.

Каркас из стоек и опор выглядел как голый лес или клетка из прутьев на детской площадке, которую раньше называли тренажёрным залом для джунглей. Он мог видеть, как деревянный настил превращался из сплошной дорожки в лестницу, поднимаясь под смехотворно крутым углом.

"Пройдёшься со мной?" - раздался голос у него за спиной. "Собираешься

это проверить?"

"Возможно, мистер Макфарланд," - ответил он, не оборачиваясь.

"Я слышал, ты очень беспокоишься об этой старушке," - усмехнулся Макфарланд, похлопав по одной из опор в знакомой манере, как будто американские горки были дойной коровой, которую он хотел заставить двигаться. "Эй, она крепкая. Я это точно знаю."

"Правда?" - пробормотал Сэм, по-прежнему не оборачиваясь. Он не мог забыть как Макфарланд обошёлся с ним — то есть, с Бобом — во время несчастного случая в кабинке со сладкой ватой.

Макфарланд, который ничего не замечал, был расположен к разговору. "Конечно, правда. Я прошёлся по каждому дюйму этой горки. Спроектировал её, помогал строить. Можно сказать, это моё личное достижение. У тебя когда-нибудь было что-то подобное? Что-то, что ты довёл от идеи до конца?"

Сэм наполнил лёгкие, широко расправив плечи, чтобы набрать в них как можно больше воздуха, и снова медленно выдохнул, думая о Проекте "Звёздный Свет" и Проекте "Квантовый Скачок". "Да, было, один раз или два."

"Нужно доводить дело до конца. Делать его своим. Нужно поставить на чём-то свою печать, чтобы тебя помнили, когда тебя не станет". Судя по его тону, Макфарланду было важно, чтобы его помнили. И было ясно, что он был уверен в том, что так и будет.

Сэм обернулся, глядя на собственническую ухмылку другого мужчины. "Вы уверены, что это безопасно?"

Макфарланд выглядел одновременно забавным и возмущённым. "Это то, что сделал я. Это то, что собирается стать самым известным аттракционом в этой части штата. А может, и во всём штате. Люди, которые прокатятся на аттракционе Майка Макфарланда "Убийца Диллер", получают удовольствие на всю оставшуюся жизнь."

Где-то позади Сэма с шумом, который мог слышать только он, открылась дверь Голографической Камеры и напряжение, о котором он не подозревал, улетучилось. Он никогда не осознавал, как сильно скучал по Элу, пока тот не покидал его на долгое время. А "долгое время" иногда могло измеряться всего лишь часами.

"Это точно," - сказал Эл, комментируя последнее замечание Макфарланда. "Только этих людей будет не слишком много. И у них едва ли будет

слишком долгая жизнь."

Сэм не мог смотреть прямо в лицо своему другу, пока Макфарланд был рядом, но он мог двигаться, как бы невзначай, чтобы таким образом более или менее находится лицом к ним обоим. Эл остался там, где был. Он выглядел очень усталым, более усталым, чем когда-либо его видел Сэм. Его глаза казались глубокими впадинами на бледном лице. Даже беззаботная зелёная фетровая шляпа, подтяжки и мешковатые брюки только подчёркивали, что человек внутри них осунулся от напряжения и усталости.

"Всё в порядке?" - не смог скрыть Сэм тревогу в своём голосе.

"Конечно, всё в порядке". Макфарланд подумал, что вопрос был адресован ему, и его ответ был с оттенком враждебности. "Этот аттракцион будет работать именно так, как я хочу."

"Нет, это не так." - В свою очередь проигнорировал Эл вопрос Сэма, чтобы продолжить комментировать Макфарланда. "Нам удалось получить для тебя немного больше информации. Зигги говорит, что американские горки по-прежнему потерпят крушение..."

"Я знаю это," - нетерпеливо сказал Сэм. "Я пытался..." — с запозданием он вспомнил, что он здесь не один. Макфарланд наблюдал за ним с ошеломлённым выражением лица. "Я имею в виду, я уверен, что всё будет работать так, как вы хотите. Просто мне нравится быть уверенным в таких вещах. Я поговорил с Эйлин, и она сказала, что я могу пойти с вами, чтобы проверить это, я имею в виду, на вашей последней проверке безопасности."

"Ох, чёрт возьми, нет, Сэм," - сказал Эл, покачивая ручным пультом. Ручной пульт протестующе взвизгнул, и на мгновение все огоньки, кроме двух, погасли. Одновременно с этим Эл исчез, по крайней мере, частично; Сэм покачал головой при виде однодюймовых полосок Эла Калавиччи, чередующихся с однодюймовыми полосками каркаса американских горок, деревьев и пейзажа. Кусочки руки ударили по частям ручного пульта. С ещё одним механическим визгом лампочки зажглись снова, и Эл снова стал полноценным.

Глаза собеседника сузились. "Ты хочешь заглядывать мне через плечо при проверке безопасности? В чём дело, разве мисс Шебер мне не доверяет? Я занимаюсь этим уже двадцать лет!". Когда Сэм не ответил сразу, он фыркнул. "Да что с тобой такое? У тебя комар в ухе? Почему ты так трясешь головой?"

"Я видел кое-что," - пробормотал он. Эл, не подозревая о последствиях отключения питания, продолжал бормотать, пытаясь прочесть информацию на крошечном экране.

"Да, Джесси рассказывал мне, что ты видишь всякие вещи. Он говорит, что тебе никто не верит". Эта мысль заставила Макфарланда задуматься.

"Я думаю, было бы неплохо, если бы ты пошёл со мной. Ты довольно безобиден, и если это сделает мисс Шебер счастливой, что ж, делать людей счастливыми - вот в чём суть бизнеса, не так ли?". Он улыбнулся.
"Ладно. Как ты переносишь высоту?"

Сэм посмотрел на "корону", возвышавшуюся в семидесяти футах от земли, и сглотнул. "У меня с этим всё в порядке."

"Лучше бы ты не врал, парень. Это долгий путь вниз, и мы собираемся пройти каждый его дюйм," - предупредил Макфарланд, - "Завтра, в девять часов. Понял?"

"Сэм, мне нужно с тобой поговорить!" - практически подпрыгивал Эл от нетерпения привлечь внимание Сэма.

"Да, я понял". А затем, обратился к Элу: "Я понял."

Довольный Макфарланд ушёл, насвистывая и засунув руки в карманы.

Эл начал говорить почти сразу. "Зигги говорит, что есть девяносто восемь процентов вероятности, что..."

"Я знаю, как это остановить, Эл." - Сэм потянулся, чтобы ухватиться за ближайшую стойку, глядя вверх на лес опор, рельсов и дорожку для американских горок.

"Кто такой Эл?". Голос позади застал его врасплох. Он резко повернулся и чуть не споткнувшись увидел Джесси, ожидающего неподалёку. Он, должно быть, стоял там и слушал весь разговор между Сэмом и инженером.

"Эл, э-э, ну, никто," - пробормотал Сэм, глядя куда угодно, только не на Джесси. "Я просто разговаривал сам с собой."

"Большое спасибо," - беззлобно заметил Эл.

"Значит, ты идёшь на заключительную проверку безопасности". Джесси тоже посмотрела на каркас. "Эйлин попросила тебя пойти."

"Ну, не совсем". И затем, в ответ на приподнятую бровь, "Она сказала, что

я могу пойти". Это прозвучало неубедительно даже для него самого, особенно учитывая обиду на лице Джесси. "Я уверен, она хотела, чтобы ты это проверил. Она сказала мне сделать это только потому, что я так волнуюсь..."

"Нам не нужна эта чёртова штука!" - взорвался он. "Она слишком большая, слишком сложная, слишком дорогая! Она это знает, но не хочет слушать то, что я ей говорю. Поэтому она велит тебе следовать за своим модным инженером из Чикаго и убедиться, что всё в порядке. Как будто ты знаешь, на что смотришь! Ты никогда в своей жизни не умел чинить вещи!"

"Джесси, мне очень жаль."

Это не имело никакого значения. Джесси даже не услышал его. "Что произойдёт, когда модный инженер из Чикаго уедет? Он никогда в жизни не задерживался на одном месте целый сезон. Я говорю тебе, что это дело обернётся для нас неприятностями. Эта штука будет нам в тягость! Обойдётся нам в тысячи и тысячи долларов! И где мы найдём эти деньги?" - разглагольствовал Джесси. — "Я говорю об этом Эйлин, и я говорю всем, но никто не слушает!"

"Но они будут меня слушать, когда он уедет, а я стану главным..."

Джесси больше уже не слушал. Сэм тихонько отошёл, а Эл крался рядом с ним, хотя Джесси не смог бы его увидеть, даже если бы он делал прыжки с места, глядя ему в лицо.

Человек и голограмма оставили его позади, и Сэм направился обратно в трейлер Боба на обед.

Эл следовал рядом с ним, опустив голову, проходя сквозь препятствия так, словно их там и не было — и в Голографической Камере их и не было. Сэм продолжал украдкой поглядывать на него, пытаясь понять, что не так; Эл избегал встречаться с ним взглядом.

Само по себе это не было чем-то особенно необычным; Сэм мог вспомнить любое количество случаев, когда Эл не хотел смотреть ему в глаза. Обычно это означало, что Эл только что сделал что-то, чего, как он знал, Сэм не одобрил бы, а поскольку существовал целый каталог вещей, которые Сэм не одобрил бы и которые Эл делал при любой возможности, бегающий взгляд сам по себе мало что значил.

Но он никогда раньше не выглядел таким измученным и, похоже, напуганным.

Сэм прихватил кое-что, когда выходил позавтракать. Оказавшись в трейлере, он достал арахисовое масло и начал намазывать его на ломтик хлеба. Если Элу, за несколько минут до этого отчаянно пытавшемуся заговорить с ним, теперь нечего было сказать, то так тому и быть. Сэм мог подождать. У него был план. Он знал, как предотвратить крушение.

"С бананами было бы вкуснее," - заметил Эл.

Сэм бросил на него взгляд.

"Эй, если это было достаточно хорошо для Элвиса, почему это не достаточно хорошо для тебя?"

"Холестерин," - пробормотал он, набивая рот арахисовым маслом.

"Не надо, доктор. Холестерин содержится в арахисовом масле, а не в банане. Даже я это знаю."

Сэм откусил ещё один огромный кусок. "Элвис поджаривал свои бутерброды с бананом и арахисовым маслом."

"Ну так положи бананы, но не обжаривай их. Тебе не помешал бы калий." - заспорил Эл.

Сэм сглотнул и сделал большой глоток молока. "Кстати, о калии, что с тобой не так? Ты выглядишь как нечто такое, чего и кошка не притащила бы сюда."

"Ничего". Эл поджал губы, и снова ткнул пальцем в ручной пульт. В правом углу мигнул огонёк, и то же самое произошло с фетровой шляпой.

"Эй, что не так с этой штукой?". Сэм отложил недоеденный ломтик хлеба, намазанного арахисовым маслом, и подошел поближе, чтобы попытаться рассмотреть устройство.

Эл убрал ручной пульт из его поля зрения. "Это ерунда. Ничего. Мы работаем над этим."

"Да? А кто это "мы"?" - с любопытством спросил Сэм.

Тень, пробежавшая по лицу Эла, застала Сэма врасплох. "Эй, извини, я не хотел спрашивать. Просто у тебя должен быть кто-то, кто работает над такими вещами, и..."

"Да, у тебя кто-то был," - резко сказал Эл. "Послушай, давай не будем говорить об этом, хорошо? Эта проблема исправляется. Я хочу поговорить с тобой о том, что Зигги придумал для этого скачка."

"Так говори". Он понял, что это было ещё не всё, но Эл не собирался об этом рассказывать. Он вернулся к своему ломтю хлеба с арахисовым маслом и откусил ещё кусочек, запивая его большим количеством молока. В каждом скачке было несколько простых удовольствий. Во всяком случае, почти в каждом скачке.

"Мы получили еще кое-какую информацию," - продолжил Эл, всё ещё хмуро глядя на ручной пульт.

"Ну так расскажи."

Эл вздохнул. Ему явно было удобнее говорить об этой информации, чем о проблемах с ручным пультом. "Ладно. Существует...девятью восемь целых четыре десятых процента вероятности того, что человек, устроивший диверсию на американских горках, является одним из трёх человек. Зигги сузил круг подозреваемых до Джесси Бартлетта, Майка Макфарланда и..."

"Майк Макфарланд?". Эта мысль ошеломила его. Он задумчиво повертел ломтик в руках, задумываясь над этим, пока Эл не прервал ход его мыслей последним предположением.

"Да." - Эл выглядел явно несчастным, когда добавил: - "И ещё Зигги говорит, что это можешь быть ты."

Сэм поперхнулся, чуть не выплюнув молоко. "Что??? Я??? Я не собираюсь устраивать никаких аварий."

"Да, ты," - твёрдо повторил Эл. "Не намеренно, конечно, нет. Но ты можешь сделать что-нибудь случайно."

Сэм вытер небольшой беспорядок и подцепил кусочек арахиса с корки хлеба, не поднимая глаз. "Случайно?"

"У тебя невинный вид, Сэм." - в голосе Эла звучало недоверие.

"Ты постоянно твердишь мне, что я невинен, Эл". Он улыбнулся ангельской улыбкой, по-прежнему не поднимая глаз.

"Ты никогда не бываешь невинным, когда выглядишь невинным, и ни один парень не может быть невинным. Что ты собираешься делать?"

"Я всё ещё такой," - объявил он, жуя арахис. Было определённое садистское удовольствие дразнить Эла в такие моменты. Хотя Сэм Беккет на самом деле не отличался злобностью, у него был дар дразнить свою аудиторию. Это пригодилось ему при написании предложений для

Проекта или для того, чтобы сводить с ума своего лучшего друга.

Однако терпение Эла было на исходе, и он не был готов подыгрывать. "Ты всё ещё какой?"

"Я собираюсь устроить саботаж на американских горках перед крушением. Намеренно. Так чтобы этой аварии никогда не случилось."

Эл машинально проверил по ручному пульту последнее обновление компьютера. Хотя умом он понимал, что простое заявление Сэма ничего не изменит, всё равно было приятно узнать, изменит ли новая информация шансы.

Но ничего не произошло.

Он нахмурился, поскольку показания на ручном пульте упрямо оставались прежними. "Согласно Зигги, нет," - медленно произнёс он. "Шансы не меняются."

"Это невозможно". Сэм проглотил последний кусочек хлеба с арахисовым маслом, стараясь убрать остатки с зубов. "Если эта штука не сможет запуститься, то она не сможет и разбиться". Это прозвучало как невнятное бормотание, но Эл всё равно его понял.

"Я ничего не могу с этим поделать. Посмотри сам. Они стабильны. Ничего не изменилось. Девяносто восемь целых четыре десятых." Он повернул ручной пульт так, чтобы Сэм мог, прищурившись, посмотреть на экран.

"Нет," - сказал он и его уверенность чуть-чуть пошатнулась. "Я знаю, как этого не допустить. Я увидел это, когда смотрел на каркас..."

"Сэм, если ты знаешь, как это сделать, и у тебя это получается, то почему ты до сих пор не прыгнул?"

"Ну, может быть, я должен быть здесь, чтобы сделать это. Может быть, Боб не довёл бы это до конца". Теперь он рассуждал рационально, и они оба это знали. Он отвернулся и начал возиться с пакетом молока.

"А может, твоя идея просто не очень хороша." - предположил Эл.

"Зигги и раньше ошибался," - запротестовал Сэм. "И у тебя были проблемы, ты сам так сказал. Так что, возможно, это с твоей стороны что-то не так."

Он всё ещё стоял спиной к голограмме и не видел, как Эл поморщился. Тщательное встряхивание ручного пульта также не повлияло на показания. "С нашей стороны ничего не испорчено. У нас просто

несколько незначительных технических проблем."

Вспомнив проблемы, которые возникли в образе Эла, Сэм рассмеялся. "Тогда, я думаю, мои шансы так же хороши, как и твои. Я знаю, что я должен делать, Эл. Всё будет хорошо. Подожди и увидишь."

Два огонька на маленьком аппарате мигнули и погасли, и Эл посмотрел вверх и мимо головы Сэма, как будто прислушиваясь к кому-то ещё. — "Ты уверен..."

"Да," - твёрдо сказал Сэм, думая, что голограмма разговаривает с ним. Он осознал свою ошибку, когда внимание Эла переключилось обратно на него. Эл не был убеждён.

"Слушай, мне нужно кое о чём позаботиться. Но я говорю тебе, Сэм, не пытайся сделать то, что задумал. Либо у тебя ничего не получится, либо то, что ты сделаешь, приведёт к катастрофе."

[ГЛАВА 13]

"Живчик, ты нашёл Тину?" - Эл говорил так быстро, когда выходил из Голографической Камеры, что у ведущего программиста едва был шанс вставить хоть слово. "Где она? Она вернётся? Что пошло не так? Что случилось?"

"С вашего позволения, Адмирал," - произнёс голос из воздуха. Теперь он звучал как голос восьмидесятилетней женщины, дрожащей под грузом вдовы. - "Я взял на себя смелость непосредственно поговорить с доктором Мартинес-О'Фаррелл."

Эл повернулся на месте, уставившись в высокий потолок, как будто мог найти голос или, по крайней мере, динамики, из которых он исходил. "И?"

"Пожалуйста, не будьте так требовательны, Адмирал," - проворчал компьютер. "Я делаю всё, что в моих силах. Это и моя жизнь тоже, знаете ли. В моих собственных интересах вернуть её как можно быстрее."

"Она вернётся?"

"Я думаю, что, возможно, мне удалось её убедить". Даже дрожащий голос мог звучать самодовольно.

"Это потрясающе!" Усталость исчезла с лица Эла как по волшебству, и он

радостно улыбнулся Живчику. Программист избегал его взгляда.
"Живчик, разве ты не слышал? Она возвращается!"

Живчик молчал, изучая индикаторы теплового наведения. Постепенно эйфория Эла улетучилась, сменившись подозрительностью.

"Зигги, скажи мне, как тебе удалось её уговорить?" - снова обратился он к потолку.

"Я не думаю, что эти данные имеют отношение к проблеме," - ответил компьютер. "В конце концов, здесь важен только конечный результат". Последние несколько слов были оборваны, как будто запись голоса была поцарапана.

"То, что цель оправдывает средства - это то, чему Сэм научил тебя, ты, кусок металлолома с завышенной самооценкой?"

"Нет, Адмирал. Я научился этому, наблюдая за вами." - самодовольно заявил Зигги.

"Что ты сказал Тине, чтобы она вернулась обратно?" В тоне голоса Эла не было лёгкости. Теперь это был его классический тон. Услышав его, Живчик нашёл себе увлекательное занятие по душе в другом конце комнаты. Одна часть сознания Эла отметила, что сегодня было много людей, занятых работой, чтобы не разговаривать с ним. Другая часть с растущим страхом ждала, чтобы услышать, за какие именно ниточки дёрнул компьютер.

"Я объяснил, что её расхождение во мнениях с вами было основано на заблуждении," - сказал компьютер. В его словах чувствовалась некоторая нерешительность, как будто он знал, что ступает на священную землю.

"И что же это было за "заблуждение"?" - холодно спросил Эл.

"Просмотрев содержание вашего последнего телефонного разговора с ней, я пришёл к выводу, что она считала, что вы изменяли ей с женщиной по имени Бет. Она, конечно, ошиблась; в настоящее время вы изменяете ей, как определяет это мой словарь, женщине по имени..."

"Неважно," - прорычал Эл. "Всё равно это словарь Сэма, и он и он нуждается в обновлении. Что ты сказал о..."

Он не мог заставить себя произнести это имя. Зигги ждал, пока он закончит предложение, напевая себе под нос на подсознательной частоте, пока шло несколько столетий компьютерного времени.

"Тина возвращается," - наконец сказал Эл сухим голосом. "Вот то, что имеет значение."

Он вышел из Диспетчерской, не сказав больше ни слова.

Живчик посмотрел ему вслед влажными глазами. "Это было не очень красиво, Зигги," - укоризненно прошептал он.

"Это было необходимо," - ответил компьютер.

Живчик, один из немногих на Проекте, кто понимал последствия того, что сделал Зигги, заломил руки.

Когда-то, много лет назад, Эл Калавичи был женат на женщине по имени Бет. Но он служил на Флоте и по несколько месяцев находился в море; это подвергло брак ужасному напряжению. Но он убеждал себя, что всё образуется. И, возможно, так бы и случилось, если бы он не попал в плен во Вьетнаме.

Когда его, наконец, репатриировали, Бет, давно убеждённая в том, что её муж мёртв, вышла замуж за кого-то другого. Эл Калавичи пытался изменить этот конкретный фрагмент истории в ходе одного из квантовых скачков Сэма, но ему это не удалось; ему предоставилась ещё одна возможность сократить собственное заключение, но он предпочёл этого не делать. С тех пор он редко произносил её имя. Не намеренно.

Он искал Бет в своих следующих четырёх женах, в Тине, в бесчисленных встречах, в которых он никогда не позволял себе сблизиться с женщиной настолько, чтобы это поставило под угрозу его идеализированные воспоминания о первом браке. Он никогда не рассказывал им о ней. Он никогда не признавался себе в своих поисках.

"Я сделал то, что было необходимо," - безжалостно сказал компьютер.

Судя по намёкам и репликам окружающих его людей, Боб Уоткинс хорошо разбирался в том, чтобы привлекать людей. По крайней мере, так сказала зазывала в соседней кабинке, в перерывах между насмешками и поддразниванием прохожих, пришедших посмотреть на Бородатую даму (которая каждый вечер снимала бороду и шла домой готовить ужин для пары озорных трёхлетних малышей).

Поэтому он попытался заманивать посетителей внутрь. "Попадайте в

уток! Три попытки за четвертак! Выигрывайте большие призы! Мягкую игрушку для своей любимой!"

Судя по реакции, Боб Уоткинс обладал талантами, которыми Сэм никогда бы не согласился поменяться с ним. "Я бы лучше занялся физикой," - пробормотал он себе под нос, когда ещё одна пара взглянула на него и пошла быстрее, таща за собой своих детей, чтобы уйти. Из динамиков эхом разносились звуки песен Пэта Буна, Элвиса и Бадди Нокса.

Он откинулся на спинку стула и перебрасывал деревянный шарик из руки в руку. С того места, где он сидел, он не мог видеть американские горки, но мог представить их себе, если закрывал глаза. Всё, что потребуется, — это воткнуть кол — вот сюда - и поездка никогда не начнётся. Не произойдёт несчастного случая. Никто не пострадает. Он сможет прыгнуть.

Конечно, это просто вернёт его к тому, с чего он начал, в чьи-то чужие проблемы. Ну, не совсем к тому, с чего он начал — желать такого, было бы уже чересчур.

"Три выстрела за четвертак, выстраивайте своих уток в ряд, сбивайте их, и получайте приз!" - хрипло прокричал он.

Он вспомнил, как однажды на окружной ярмарке он вместе со своим братом Томом решили выиграть по призу с каждого стенда и подарить их Кэти. Он всё ещё помнил, как вычислял угол дифракции, необходимый для того, чтобы баскетбольный мяч ударился о доску и приземлился в бочку из-под яблок, которую засунули чуть ниже, чем нужно. Он тоже сделал бросок.

Ему было десять лет. Том взъерошил ему волосы. Кэти закричала от восторга. На мгновение воспоминание было таким ярким, что он почти ожидал увидеть, как они с Томом борются друг с другом, когда они мчались по Центральной аллее, поднимая пыль, ныряя в толпу и выскакивая из неё. Он почти ощущал вкус пирога сладкого картофельного пирога, который каждый год готовила его мать и который каждый год занимал второе место в конкурсе пирогов. Том сказал, что это потому, что миссис Томлинсон, которая побеждала каждый год, была сестрой судьи, но мама всегда говорила им никогда не собирать кислый виноград, потому что он вреден в еде.

Иногда тоска по дому была почти невыносимой.

"Три выстрела за четвертак! Сбейте их с ног! Подойдите вплотную и стреляйте в упор!"

Подростки, к которым он обращался, с опаской посмотрели на него и направились к кабинке "Лягушачий Прыжок", расположенной напротив.

"Привет," - произнёс тоненький голосок. Это была Бесса, а вечно терпеливый Макси лежал на кроватке в красной повозке и тщательно мыл свою лапу. "Где игроки?" - спросила она.

"И тебе привет. Я не знаю. Я думаю, они решили сегодня не играть. Привет, Макси."

Кот бросил на него непроницаемый, слегка косой взгляд и продолжил возиться с лапой.

"Боб будет на тебя сердиться" - сказала Бесса.

"Да?" - сказал он, подсаживая её на прилавок, рядом со стопкой мягких игрушек. "Почему это?"

"Не знаю". Девочка внезапно застеснялась и отвернулась, потирая друг о друга носки своих ботинок от "Бастер Браунс".

"Это потому, что я не очень хорошо выполняю его работу?" - спросил Сэм.

Она кивнула и её прекрасные светлые волосы взметнулись вверх и опустились вниз.

"Тебе придётся сказать ему, что я сожалею, когда он вернётся" - прошептал Сэм коту, приглашая животное запрыгнуть рядом со своей хозяйкой. Судя по реакции, которую он получил, он мог вернуться в будущее, будучи таким же невидимым для Макси, каким был Эл был для взрослых в Жасмине.

"Ты сам ему скажи." - не хотела ввязываться Бесса в процесс извинения.

"Я не могу ему сказать, милая. Когда Боб вернётся, меня уже здесь не будет. Так что тебе придется сделать это за меня."

"Нет". Она ткнула пальцем в большое розовое чучело цыплёнка, висящее на внутренней стене кабинки, поймала его, когда он покачнулся и погладила мягкий плюш. Поймав взгляд Сэма, она быстро отпустила его, сложив руки на коленях.

Сэм вздохнул. Даже дети не хотели с ним содействовать. Он задавался вопросом, как ему вообще удалось добиться финансирования Проекта, не говоря уже о его строительстве.

Но Проект был далеко, как во времени, так и в пространстве, и самой

важной вещью на данный момент, поскольку он, похоже, не мог привлечь ни одного клиента, была Бесса. По крайней мере, ей было палец в рот не клади.

"А где Эл?" - неожиданно спросила девочка. "Эл может сказать ему."

Сэм задумался об этом. Он видел себя, пытающегося объяснить пятилетнему ребёнку Проект "Квантовый Скачок", "Скачки", "Адмирала Эла Калавичи", "Искусственные пещеры в высокогорной пустыне Нью-Мексико", "Зигги" и "Путешествия во времени".

Бесса снова засунула палец в рот.

Хорошо, четырёхлетнему ребёнку.

"Да," - сказал он. "Пусть Эл объяснит это Бобу."

В пятницу вечером парк закрывался рано; Баптисты, Ветераны Иностранных Войн и Лоси ("Лоси" - участники Клуба Животных, прим.пер) - все играли в бинго, а в кинотеатре шёл новый фильм. Сэм заработал один доллар и семьдесят пять центов на охоте на уток и получил в качестве призов четыре мягкие игрушки. У него было ощущение, что соотношение затрат и выгод работает не в его пользу. По крайней мере, ему не нужно было беспокоиться о сборе билетов, как это делали операторы аттракционов.

Бесса побрела прочь, волоча за собой свою красную повозку с котом. Сэм задавался вопросом, кто и где её родители. Казалось, все её знали, и никого не беспокоило, что она была одна. Конечно, на дворе был 1957 год, и в маленьких городках Оклахомы было не так уж много сумасшедших, так что с ней, вероятно, всё будет в порядке.

Эл всё ещё не появлялся. Он задавался вопросом, происходило ли с Зигги что-то большее, чем рассказал ему Эл. Иногда течение времени синхронизировалось, а иногда нет; он больше не знал, каковы были переменные. Вполне возможно, что когда-нибудь он ни с того ни с сего вспомнит, точно так же, как он вспомнил вкус сладкого картофельного пирога и крик Кэти; вполне возможно, что когда-нибудь он вспомнит "правила" скачков.

Возможно, когда-нибудь он даже станет Президентом, но он не слишком на это рассчитывал. Прямо сейчас он собирался сконцентрироваться на том, чтобы остановить эти американские горки. Каким-то образом остановка американских горок станет спусковым крючком, который заставит его прыгнуть. Его не волновали девяносто восемь и четыре

десятых процента Зигги. Зигги и раньше ошибался. Он повторял это, как мантру: "Зигги и раньше ошибался".

Он положил деньги в конверт и достал брезент из-под прилавка. Было неловко перебрасывать его через стойку; ему пришлось сознательно напоминать себе, что нужно использовать обе руки. Боб, вероятно, гораздо лучше использовал бы свою правую руку, если бы упражнял её чаще. Как бы то ни было, тело, которое он занимал, сопротивлялось ему, и это расстраивало. Чаще всего, когда он прыгал, ему удавалось преодолеть те ограничения, которые были скорее ментальными, чем физическими, но у тел были привычки точно так же, как и у разума.

Он остановился, чтобы перевести дыхание. Температура была за девяносто, влажность тоже, и он решил вернуться в свой трейлер и прежде чем что-то предпринимать, сделать очень большой глоток воды. Кроме того, это могло бы дать Элу больше шансов вернуться к нему с улучшенными шансами. А они будут улучшены, он был уверен в этом. Они должны были быть улучшены.

Когда он проходил мимо цветущего куста, что-то мелькнуло на периферии его зрения, и он отпрянул назад, думая, что это жужжит большой шмель. "Пчела" зависла, изучая цветок. Он стоял очень тихо, наблюдая, и был вознаграждён, когда колибри на мгновение присела на ветку и вопросительно склонила к нему головку. Она была меньше половины его ладони.

"Колибри, колибри, улетай домой, твой дом в огне, твои дети одни, (Сэм цитирует слова из немецкой народной песни 1857 года (прим.пер)" - прошептал он. Он затаил дыхание, ожидая, что вот-вот появится Эл и скажет ему, что он ошибся, что в песне пелось "Божья коровка, божья коровка...", но этого не произошло.

Он взял свой напиток и прибрал мелкий беспорядок в трейлере, продолжая тянуть время, ожидая Эла. Он не мог понять, почему его так сильно беспокоило отсутствие лучшего друга; возможно, его нервировало барахление ручного пульта. Возможно, он слишком полагался на Эла, дойдя до того, что уже больше не мог без него функционировать. Возможно, ему нужно было научиться обходиться без него.

Может быть, ему придется научиться обходиться без него, если Зигги однажды сломается. Если он застрянет в скачке. В каком-нибудь другом скачке.

"Ну и чёрт с ним," - сказал он наконец и, выйдя из трейлера, направился к

"Убийце Диллеру".

Проходя мимо офиса, он увидел Майка Макфарланда, разговаривающего с Мелиндой. Девушка-подросток хлопала ресницами и взбивала волосы, улыбаясь своей лучшей искрящейся улыбкой утончённому мужчине из большого города, несомненно, полагая, что он влюблён в нее.

Единственными другими людьми, оставшимися в парке, были работающие там люди, продавцы, специалисты по техническому обслуживанию и охране. Он обменялся с ними приветствиями, взмахами и улыбками и гадал про себя, кто они такие. Они все знали Боба; Сэм знал, наверное, с дюжину имён, которые он узнал за последние пару дней. Ему удалось избежать вовлечения в разговоры, приглашений на ужин и всего остального, и он пробился сквозь поток людей, направляющихся к выходу, направляясь к американским горкам.

Ему пришлось задержаться, ожидая, пока уйдут последние несколько человек. Он занялся проверкой навесов и привязей, приглядывал за пони и кормил их клочками люцерны, надеясь, что у всех, кто мог наблюдать, сложилось бы впечатление, что у него есть законная причина остаться здесь. К тому времени, когда он остался наедине с аттракционом, солнце уже садилось.

По крайней мере, в этом память его не подвела. Он поднялся по ступенькам для пассажиров на пульт оператора и ещё раз изучил его, репетируя то, что намеревался сделать. Деревянный кол, который он видел лежащим на земле рядом с первой опорой рамы, был передвинут, и на мгновение он в панике подумал, что ему придётся искать что-то ещё, но он был прислонен в стороне за вывеской, объявляющей о торжественном открытии. Балансируя им, как копьем, он опустился на колени рядом с дорожкой - и осмотрел цепь в центре наклонной дорожки.

Цепь в середине пути была шириной в фут, окаймленная храповым механизмом, предотвращающими откат вагончиков назад, и первой направляющей рельсой, удерживающей её на месте. Он простирался от места оператора до верхней точки первого спуска, где вагончики будут освобождены под действием силы тяжести. Он оценил угол наклона платформы и высоту верхней части и решил, что с таким же успехом может отключить механизм с уровня земли.

Всё, что требовалось, - это снять цепь с направляющей или заклинить её так, чтобы она не могла двигаться. Если цепь не могла двигаться, то и вагонетки тоже не могли двигаться. Следовательно, никаких аварий. Это было просто, эффективно и практично. Единственным возможным недостатком было то, что саботаж мог быть обнаружен слишком рано и

устранён. Он должен был незаметно заблокировать его, чтобы задержать открытие достаточно надолго, чтобы оно было отложено.

Предположительно, отсрочки было бы достаточно. В истории Зигги говорилось, что авария произошла в воскресенье, 14 июля. Если бы она была отложена, у Макфарланда было бы время выявить проблему и решить её.

Как обычно, теория оказалась проще практики. Начиная с того, что заострённый конец его кола не помещался между звеньями цепи. Во-вторых, незаметное место, куда его можно было поместить, нашлось далеко не сразу. Он ходил от одного конца операторского поста к другому, тыкая пальцем, и жалея, что у Боба нет с собой перочинного ножа, чтобы он мог хотя бы вогнать кол в клин. Он прошёл мимо четырёх соединённых вагонеток, со свежей краской, зелеными мягкими сиденьями и защитными планками, красными полосами освещения по бокам и надписью "Убийца Диллер" написанные чистыми белыми курсивными буквами.

Он развернулся и пошёл обратно вниз, снова мимо вагонеток, и на другом конце дорожки наконец нашёл то место, которое искал. Цепь чуть-чуть провисла на конце, образовав отверстие.

Но у кола всё ещё был квадратный конец и он не подходил. После четырёх или пяти попыток он в отчаянии отбросил его. Солнце садилось, и тени от каркаса и опор создавали подобие клетки парка развлечений.

Отчаянный обыск территории вокруг аттракциона ничего не выявил. Макфарланд, должно быть, убедился, что всё было убрано; исчезли даже вёдра и разбросанные куски дерева. Было достаточно удивительно, что он даже нашел кол. Он был на грани отчаяния; он должен был сделать это, пока ещё было достаточно светло, чтобы видеть, что он делает. Рядом с трейлерами был сарай для инструментов, где он мог найти гаечные ключи, но если бы он вернулся туда, кто-нибудь увидел бы его, остановил и начал расспрашивать.

Но у Дасти были вилы для уборки и выгребания грязи из загона для пони. Он побежал трусцой, спотыкаясь через каждые несколько шагов, к загону для пони и нашёл их, засунутых в тюк соломы. Может быть, это было ещё возможно. Он взглянул на заходящее солнце. Это не принесло бы облегчения от жары, но, по крайней мере, блики бы исчезли. У него всё ещё будет свет, чтобы делать то, что ему нужно.

Но в парке аттракционов всё ещё было движение. Он слышал голоса и они

приближались. Он вернулся неуклюжим полубегом к американским горкам, упав на колени на ступеньках для пассажиров и снова поднявшись на ноги, опираясь на ручку.

Потыкав зубцами в цепь, он с облегчением увидел, что они легко проскальзывают внутрь. Голоса стали громче.

Он установил вилы на место, поставил одну ногу на выступ зубьев и надавил. Позади себя он слышал вопросительные и встревоженные крики. Он проигнорировал их, навалившись на цепь.

И продолжал наклоняться, падая, когда Джесси, зайдя сбоку, схватил его и толкнул на перила.

За спиной Джесси стояла Эйлин Шебер с красным от ярости лицом. "Боб Уоткинс, ты совсем спятил? Что, по-твоему, ты сейчас делаешь?"

"И Зигги и раньше был прав," - пробормотал он. Вот и все мантры.

[ГЛАВА 14]

Когда ему было пять лет, отец дал ему поиграть с пустой жестяной банкой. Он до сих пор помнил яркий серебристый металл и как блестели на солнце острые, зазубренные края. Эта банка была красивой.

Папа улыбался ему. Обращал на него внимание.

Он до сих пор помнил порез на своей руке. Сначала было не больно. Позже он не мог вспомнить, было ли больно, но он знал, что сначала было не больно, когда края его мягкой бледной ладони раскрылись, и тёмно-красная кровь хлынула по блестящим краям его жестяной банки.

Он до сих пор помнил, как смеялся его отец.

Тина приехала в аэропорт Альбукерке очень поздно. Эл был там, чтобы встретить её, забрать багаж и сопроводить обратно вверх по эскалатору от пункта выдачи багажа через терминал к небольшому самолётному ангару. Увидев его, она фыркнула, но ничего не сказала. Он сохранял спокойствие, загружая самолёт "Кинг Эйр", запихнув в багажный отсек

самолёта шесть сумок, две косметички и три коробки из-под обуви и усадив её в кресло второго пилота.

Обычно он радовался возможности снова полетать, даже если это был всего лишь шестиместный реактивный самолет. Но на этот раз он прошёл предполётную проверку в мрачном молчании. Тина откинула голову назад, стараясь не растрепать свои блестящие, уложенные в высокую причёску рыжие волосы, и поджала губы, демонстративно уставившись в ветровое стекло на тёмное небо Нью-Мексико. Мигающие огоньки в её модных серьгах контрастировали с панелью управления. Шум двигателя послужил отличным предлогом для этих двоих не разговаривать во время полёта.

Менее чем через два часа они приземлились на участке дороги, который служил Проекту взлётно-посадочной полосой. С воздуха Проект выглядел как скопление побитых непогодой зданий из шлакоблоков с жестяными крышами и заброшенное ранчо, где кто-то забыл выключить свет. Коричневые, засохшие перекасти-поле росли кучками с наветренной стороны. Там не было ничего, что могло бы привлечь внимание или вызвать любопытство. Когда Эл спустился по трём ступенькам маленького самолёта, их встретил вооружённый охранник. Охранник проверил их документы и снова растворился в темноте.

"Это одна из тех вещей, которые я ненавижу," - наконец сказала Тина. "Эти охранники. Почему они всегда должны носить оружие и всё такое?"

Эл покачал головой. У Тины была раздражающая привычка комментировать очевидное, а он был не в настроении угождать ей.

"Ну что, ты даже не собираешься со мной разговаривать?" - продолжала она. Она даже не пошевелилась, чтобы помочь ему донести багаж до фургона, припаркованного в конце взлётно-посадочной полосы. Эл совершил несколько поездок туда и обратно, чувствуя себя во многом похожим на Ганга Дина. ("Ганга Дин" (англ. Gunga Din) — стихотворная баллада Р. Киплинга (1892) о самопожертвовании индийца-водоноса, который ценой собственной жизни спасает английского военного, и вдохновлённый этим стихотворением американский фильм 1939 года, вошедший в золотой фонд приключенческого кино. (прим. пер)

На ней были босоножки на высоком каблуке и очень узкая юбка, совершенно неподходящая для ходьбы даже на короткое расстояние по пустыне. Она пошатывалась, когда шла, и Эл не мог не смотреть на это так же, как не мог не дышать. Он мог злиться на Тину или, точнее, на Зигги, но это не имело ничего общего с определённым внутренним

удовольствием.

"Ну, неужели ты даже не здороваешься?" - спросила Тина.

"Зигги ломается," - сказал он, заводя фургон и заставляя себя вернуться к делу. Тину нужно было проинформировать о технической ситуации, чтобы она могла выполнять свою работу, но это не означало, что Эл должен был вести светскую беседу.

Ему не хотелось вести светскую беседу. Он не осознавал, насколько необычным было его поведение. Тина наблюдала за ним краем глаза, словно ожидая какого-то комментария, какого-то жеста, какой-то реакции, характерной для Эла.

Когда ответа не последовало, она спросила: "Что значит "ломается"? Ты имеешь в виду, например, ржавчину? Или сообщения об ошибках? Или..."

"Я не специалист по компьютерам," - перебил Эл. "Тебе придется поговорить с Живчиком, чтобы узнать подробности. Но схемы и микропроцессоры, похоже, выходят из строя, и мы не знаем почему. Зигги больше вообще не разговаривает. Мы можем общаться только через терминалы. Живчик говорит, что это проблема с оборудованием."

"Это только мнение Живчика," - фыркнула она. "Он не признаёт, что программирование может быть проблемой. Доктор Беккет же одобрил это. Он думает, что всё, что делал доктор Беккет, должно быть, типа, идеальным."

"Я об этом не знаю." - Элу ужасно хотелось закурить сигару. Одним из первых правил Проекта был запрет на курение в зданиях Проекта; многие из них находились под землёй, с системой циркуляции воздуха, так что запах сигары, которую выкурили в жилом комплексе, можно было почувствовать практически в любой точке комплекса. Он с неохотой подчинился. Существовал целый каталог правил и предписаний, касающихся комплекса, в основном из-за того, что, когда вы получаете государственное финансирование, вы также получаете государственных аудиторов, которые были заняты наблюдением за их государственным финансированием, и государственным правилам и предписаниям, которые они должны проверять на ваше соответствие вместе с бухгалтерскими книгами. Тот факт, что Проект находился практически в центре внимания, в данном случае оказался благом.

К сожалению, что касается правила о запрете курения, то Руководитель Проекта считал его непреклонным по санитарным и экологическим соображениям. Так что даже если бы аудиторы проводили камеральную

проверку из Вашингтона и никогда не ступали на территорию кактусов и скорпионов, а в отчётах с мест всегда подчёркивались кактусы и скорпионы, он всё равно не мог курить в своих апартаментах. Эл всегда с кислой миной задавался вопросом, был бы Сэм так непреклонен в этом, если бы у него самого была привычка к табаку. В конце концов, Эл ведь курил не сигареты.

Они прошли через выгладевшую ветхой прочную стальную дверь в другой мир, который был чистым, покрытым коврами и яркими красками. Верхняя комната была комнатой отдыха, с роялем в углу и маленькой кухней. Столы были расставлены вдоль одной стены. В тех редких случаях, когда большинство людей на территории были свободны, их можно было накрыть для вечеринки. В противном случае питание было строго самостоятельным. В других зданиях на первом этаже находились административные офисы и одно или два других здания, в основном для маскировки.

Остальная часть Проекта находилась под землёй, в пещерах и туннелях. Эл проводил Тину до лифта, затащил багаж и прислонился к стенке, пока лифт не остановился на уровне резиденции.

"Я действительно, действительно ненавижу эти крошечные комнатки." - сказала Тина. "Они выглядят точно так же, как комнаты в общежитии, понимаешь?"

На самом деле, комната Тины больше походила на комнату в общежитии, в которой взорвался каталог Лоры Эшли (валлийская бизнес-леди и модельер прим. пер). Она была единственной женщиной на Проекте, у которой была кровать королевского размера, изящно задрапированная кружевным балдахинном и соответствующими оборками. Столик рядом с кроватью также был задрапирован кружевами. Диван с верблюжьей спинкой был покрыт гобеленовым узором. Она даже создала оформление окна поверх плаката с изображением пляжа в Вайкики.

Эл, который видел всё это раньше, бросил багаж в кучу и вернулся за остальными вещами, оставив Тину крутиться на месте и восклицать на всю комнату так, словно она никогда в жизни там не была. К третьей поездке у него уже было всё готово, и Тина ждала его.

"Что за чертовщина?"

Она была одета в самый изысканный тончайший пеньюар. Когда он вывалил последнюю коробку из-под обуви, она протянула к нему руки. Он сделал шаг вперёд, действуя совершенно на автомате, и резко

остановился. "Что ты делаешь?"

"Ну, Эл, я думала, ты захочешь поприветствовать меня дома..."

"Тина, милая, я был бы рад приветствовать тебя дома — Господи, да я бы с удовольствием. ... Но у нас нет времени. У нас здесь есть проблема". Он отстранился от неё, когда она приблизилась к нему, облизывая внезапно пересохшие губы. "Тина, пожалуйста, не делай этого так со мной. Я серьёзно, у нас здесь проблемы."

"О, Эл, я знаю о Бет," - проворковала она. "Зигги мне всё о ней рассказал, Я понимаю, милый. Иди сюда."

Это было похоже на погружение в ледяную воду. Внезапно Эл снова стал Адмиралом, столкнувшись с кризисом, и его эмоции отключились. Даже Тина смогла увидеть трансформацию, и её руки опустились, когда она в замешательстве уставилась на него.

"Оденься, Тина," - рявкнул он. "Ты нужна нам в Диспетчерской. Или ты меня не слушала?"

"Ну, конечно," - пробурчала она. "Но я подумала, что это может подождать хотя бы до утра. Уже поздно."

"Притворись, что ты всё ещё живешь по калифорнийскому времени". Он развернулся на пятках. Когда дверь открылась, он добавил, не оборачиваясь: "Кстати, никогда больше не упоминай при мне Бет, Тина. Это неуместно."

"Боб Уоткинс, что, чёрт возьми, на тебя нашло?" - была в ярости Эйлин. "Что ты пытаешься сделать, всё испортить? Зачем? Что, по-твоему, ты делал?"

Джесси поднял голову, оторвавшись от изучения цепи. "Повреждений нет. Вовремя застучали. Даже чинить ничего не нужно". Он встал и отряхнул руки. "Похоже, Боб перешёл все границы."

Сэм мог видеть осуждение, затаившееся в выцветших голубых глазах Джесси. Вероятно, Джесси думал: "Заприте его, он представляет опасность. Видит вещи, разговаривает сам с собой, теперь посмотрите, что он делает. Заприте его. Уберите его подальше."

"Нет," - выпалил он. "Ты не понимаешь. Я не хочу никому причинять вред."

Я не хочу, чтобы этот аттракцион причинил кому-нибудь вред! Пожалуйста, ты должна выслушать меня....". Он бросился вперёд и схватил Эйлин за руку. Она отстранилась, но он не отпускал её.

"Убери от неё свои руки," - прорычал Джесси.

Эйлин перестала сопротивляться, и Сэм отпустил её, позволив своим глазам говорить за него. Казалось, они удерживали её какое-то мгновение, а затем она высвободилась. "Боб, я знаю, что ты бы никому нарочно не причинил вреда," - твёрдо сказала она. "Но разве ты не видишь, что ты мог спровоцировать несчастный случай, если бы вывел из строя цепь."

Внимание Джесси ненадолго переключилось на женщину, очевидно, удивлённую тем, что она поняла, что пытался сделать "Боб". Сэм глубоко вздохнул. Эйлин не была ни глупой, ни некомпетентной, и не собиралась притворяться таковой, чтобы тешить самолюбие окружающих её мужчин. Такое отношение было бы правильным в ближайшем будущем, но это означало, что в пятидесятые годы ей приходилось нелегко. Реакция Джесси была достаточным доказательством этого. Он выглядел возмущенным её осведомлённостью.

"Это не привело бы к несчастному случаю," - сказал Сэм. "Это предотвратило бы его. Американские горки разобьются в воскресенье, и семь человек погибнут, если ты не отложишь открытие."

Они оба уставились на него, открыв рты, и на мгновение он проклял собственную импульсивность. И его сосредоточенность на Эйлин помешала ему увидеть секундную реакцию Джесси на его слова, так что он так и не узнал, был ли этот человек виновен или нет.

"Боб Уоткинс, мне кажется, что ты действительно сходишь с ума," - наконец сказала Эйлин.

"О, Боже," - прошептал он.

"Я поговорю с судьёй Грантом," - сказал Джесси с мрачным удовлетворением. "Он позаботится об этом. Мы получим постановление о привлечении к ответственности."

"Нет! Нет, не надо. Ты не должен этого делать. Я же не причинил никакого вреда, не так ли? Тебе не нужно этого делать. Эйлин, перестань, ты же меня знаешь. Ведь, так?". Он был напуган, и ему было всё равно, понимают ли они это. Они никак не могли знать, насколько он был напуган перспективой оказаться за решёткой.

"Боб, ты говоришь как сумасшедший," - мягко сказала она. "Мы не можем допустить, чтобы ты разгуливал повсюду и говорил такие ужасные вещи. Люди могут тебе поверить. В конце концов, ты ведь здесь работаешь. Они подумают, что ты знаешь что-то плохое об этом аттракционе, и они не придут."

"Но я кое-что знаю," - чуть было не сказал он. "Они должны поверить. Они должны держаться подальше от аттракциона."

Но если бы он сказал это вслух, она бы покорно кивнула Джесси, и они бы пришли за ним с листком бумаги и заперли бы его.

Она ждала. Джесси ждал.

Сэм задрожал.

[ГЛАВА 15]

Тина была одета в свою лабораторную одежду - белый цельный костюм, который облегал её как вторая кожа. Она обводила контуры изящным накрашенным ногтем.

"Так, типа, ну и где все?" - спросила она, не обращая внимания на дюжину или около того других людей, работающих глубоко в недрах Зигги.

"Почти все были в отпуске, когда это случилось," - сказал Эл. "Мы отозвали только тех, кто был технически необходим". Он протянул ей ещё одну страницу диаграмм, на которой большими красными буквами сверху и снизу было написано "СЕКРЕТНО". В правом нижнем углу было поле с кодами проблем выдачи чертежей. "Ты уже что-нибудь обнаружила?"

"Ну, дай мне шанс, хорошо? Я говорила доктору Беккету, когда он устанавливал это здесь, что электричество испорчено. В этом старом затхлом месте, должно быть, происходит пара сотен скачков напряжения в час."

Пустыня была не тем местом, которое Эл назвал бы затхлым, но пока Тина была в хорошем настроении, он не собирался спорить о семантике.

"Похоже, что здесь крошечная проблема," - сказала она себе. "А вот для некоторых вещей тут действительно нужен доктор Беккет. Это его разработка, знаешь ли, а не моя."

"Если бы мы могли доставить его сюда для работы, мы бы это сделали." - сквозь зубы процедил Эл.

Тина не обратила внимания на его тон. "Как, например, вот здесь, это действительно очень интересно. Я не думаю, что видела это раньше. Этого нет в дизайне."

"Что ты имеешь в виду, что этого нет в дизайне? Это самая последняя версия, не так ли?" - он повысил голос. "Живчик? Разве это не самый последний чертёж?"

Живчик бочком подошёл к нему, потирая руки. "Ну, это самый свежий, что я смог найти. В кабинете доктора Беккета может быть ещё один вариант, но именно этот вариант был в файлах". Он виновато улыбнулся Элу. "У меня нет ключа от кабинета доктора Беккета."

Ни у кого больше не было ключей от кабинета Сэма, кроме Эла. Когда Сэм вошёл в Ускоритель и, фактически, исчез, Эл тихонько забрал все ключи и хранил их у себя. Это было не совсем святилище, и он бы горячо оспорил любое подобное обвинение, но он не хотел, чтобы что-то менялось к тому времени, когда Сэм вернётся. Он всегда утверждал, что было достаточно трудно найти вещи, расположенные в таком же порядке, как они и должны были быть.

"Ну, я не могу работать с чем-то настолько устаревшим. Послушай, это совсем не то же самое". Она сунула листок в руку Эла. "А что насчёт программы? Есть ли что-то в программе, что требует такого рода вещей здесь?"

"Кажется, действительно появились какие-то новые вещи," - признался Живчик, - "Но я думал, что это просто вещи, о которых я забыл."

"И ты мне не сказал?" - был ошеломлён Эл. "Как ты мог мне не сказать?"

"Я не был уверен, сэр. Кроме того, я не думал, что смогу вам это объяснить. Это часть программирования."

"Да, точно," - свирепо сказал Эл. "А я всего лишь бывший лётчик, сидящий за рабочим столом, верно?"

Живчик вздрогнул.

"Хорошо." - Эл в ярости швырнул чертёж на пол и вышел, оставив двух других оставшихся людей в ужасе смотреть ему вслед.

Кабинет Сэма находился по другую сторону Зала Ожидания, и Эл

остановился, чтобы заглянуть туда. К счастью, на смотровой площадке никого не было. Все мониторы мирно пульсировали, светясь всеми нужными цветами, а иглы рисовали на миллиметровой бумаге графики мозговых волн. Тело на кровати выглядело отдохнувшим и расслабленным. Даже правая рука, лежавшая поперёк груди, была безвольной, поднимаясь и опускаясь в такт размеренной работе лёгких.

Он был похож на Сэма. Это было почти идеальное изображение Сэма. Тот же рост, то же лицо, те же тёмные волосы с единственной седой прядью у левого виска. Руки были такими же изящными, как у музыканта. Тот, кто знал Сэма Беккета только по фотографиям, опознал бы тело на больничной койке немедленно и без всяких сомнений.

И они бы ошиблись.

Тело на кровати открыло глаза, и выглянувший наружу разум был разумом Боба Уоткинса, пережившего полиомиелит, выпускника средней школы, оператора карнавала в парке аттракционов в Жасмине, штат Оклахома, периодически экстрасенса, охваченного ужасом.

На смотровой площадке зеленые индикаторы мигнули красным светом.

Мужчина на кровати что-то пробормотал, и струйки слюны потекли по его подбородку. Эл вздрогнул. Из коробки на подставке он достал салфетку и промокнул пересохший рот, как будто пациент был младенцем.

Карие глаза закатились, и тело Сэма Беккета снова обмякло.

Эл закрыл глаза, скомкал салфетку в кулаке и отвернулся.

Эл был в кабинете Сэма всего несколько раз за годы, прошедшие после первого скачка Сэма. Поначалу, когда он пытался смириться с мыслью, что, возможно, Сэм вернётся не сразу, он обычно приходил и тихо садился в кресло Сэма, раскачиваясь взад-вперёд на потрескавшейся коричневой коже, оглядывая беспорядок книг, бумаг, дисков и записок, перечитывая коллекцию классических комиксов "Дальняя сторона", которые были разбросаны на всех доступных поверхностях. На стене висела коллекция семейных фотографий Беккетов, - родители Сэма, его брат и сестра; другие фотографии, например, та на которой была запечатлена поездка его школьного оркестра на государственный конкурс в Карнеги-Холл, и та, на которой Сэм получал свою первую докторскую степень.

Его взгляд скользнул по мягкому креслу с глубокими вмятинами, в котором он обычно просиживал до поздней ночи, обмениваясь оскорблениями и идеями со своим лучшим другом. Это было проще, чем

сидеть в своём старом кресле и видеть пустое кресло Сэма. Он слишком живо помнил разговор, который состоялся у него с Сэмом в этом самом кабинете, еще до того, как Зигги начал работать, когда они всё ещё пытались понять, как использовать тканевые схемы. Сэм разглядывал тогда фотографии на стене...

..."У тебя когда-нибудь было что-то, о чём ты мечтал, Эл?" - спросил он тогда. "Как будто если бы ты сделал что-то по другому, то вся твоя жизнь изменилась бы?"

"Конечно, каждый раз, когда я делал предложение," - Эл тогда выразительно описал круг в воздухе своей незажжённой сигарой. "Я могу вспомнить немало случаев, когда моя жизнь сложилась бы по-другому."

"И всё же, если бы ты изменил свою жизнь, ты бы уже не был тем же человеком," - Эл вспомнил, как Сэм, говоря эти слова, тогда смотрел на свою семейную фотографию, на которой был запечатлён его брат в зелёной униформе. Глаза Сэма были прищурены и задумчивы. Его брат смеялся в объектив камеры, а его рука лежала на плече одного из его товарищей. На заднем плане были река и джунгли. Снимок был сделан известным военным фотографом за день до того, как Том был убит. Это была одна из самых ценных вещей Сэма.

"Конечно. Я был бы намного богаче. Сэкономил бы себе целое состояние на алиментах." Эл вспомнил, как тогда тоже подпёр ногами стол, тщательно избегая толстого тома с микрокодами, и снова сделал глоток бледно-золотистой жидкости, которой не должно было быть здесь вообще (поскольку, в конце концов, это был Проект, финансируемый правительством), но, тем не менее, которая являлась шотландским виски "Чивас Ригал". Им удалось совершить прорыв и они отмечали это. Дальше по коридору они всё ещё могли слышать радостные возгласы остальной команды Проекта "Квантовый Скачок", странным эхом отдававшихся в туннелях пещеры. Завтра они снова приступят к работе, ломая голову над тем, как создать надлежащий процессор команд для нового типа компьютера, но сегодня вечером они могли бы выпустить пар.

"Как и Том," - сказал тогда Сэм, опускаясь на свой стул и откидываясь на спинку, чтобы изучить акустическую плитку на потолке.

Эл вспомнил как тогда поморщился, посмотрев на уровень содержимого в бокале своего друга, которое было значительно ниже его собственного. Обычно Сэм не был сентиментальным. И тогда его голос не звучал сентиментально, а был просто...задумчивым.

"Знаешь, если бы Том не погиб во Вьетнаме, я бы не смог остаться в школе. Ферма...ну, ты сам помнишь, что собой представляли фермы в далёких семидесятых. Они разорялись, обучение в "Массачусетском Технологическом Институте" было дорогим, даже со стипендией. Но Том умер и он назначил меня своим наследником. И я потратил эти деньги, чтобы остаться в школе". Сэм сделал тогда большой глоток из своего бокала. "Меня бы здесь сегодня не было - ничего из этого сегодня здесь бы не было - если бы Том не умер". Эл вспомнил, как Сэм допил спиртной напиток, взял бутылку, пару раз взболтнул оставшуюся жидкость и снова поставил её, не наполняя бокал.

"Но знаешь, Эл, я бы всё это бросил в одну секунду, если бы он мог войти в эту дверь."

"Ты не можешь знать наверняка, что тебя бы здесь не было," - возразил ему тогда на это Эл. "Ты бы нашёл способ остаться в школе. Ты не мог не ходить в школу. Только не с твоими мозгами."

А Сэм тогда улыбнулся в ответ на это и самоуничижительно пожал плечами. "Может быть."

"Никаких "может быть", - преданно сказал ему тогда Эл. Он допил свой бокал и снова наполнил его.

"Есть и другие вещи," - продолжал тогда Сэм, не обращая внимания на возражение Эла. "Я хотел бы изменить другие вещи..."

Однако он тогда так и не закончил это предложение. Так и не объяснил, какие ещё вещи он хотел бы изменить. Так и не сказал, были ли они глубоко в прошлом или ближе к настоящему времени.

"Время," - вместо этого продолжил он тогда более мягко. "Меняющееся время. Он часто говорил, что это было бы похоже на разгадывание кроссворда в четырёх измерениях, когда нужно убедиться, что ты не меняешь неправильные вещи. Как роман "Колыбель для кошки", - Сэм усмехнулся сам себе. "Теория струн."

"Тебе придётся сохранять случайность. Ты должен быть уверен, что не пытаешься изменить вещи намеренно, чтобы сделать их такими, какими, по твоему мнению, они должны быть. Ты можешь всё испортить."

И он снова начал вглядываться в пространство, выполняя свою собственную мысленную программу...

...И в результате Эл так и не узнал, удалось ли ему это сделать, удалось ли ему изменить то, чего он действительно хотел, в своей собственной

жизни или в жизни других.

Однако было что—то — может быть, это была смерть Тома, а может быть, что-то ещё, - что побудило Сэма создать способ взглянуть на прошлое и двигало им с самого начала. Когда компьютер с несколькими терафлопами в одиночку не смог этого сделать, производя миллиарды и миллиарды вычислений в секунду, он решил, что компьютеру нужна не просто нечёткая логика, но и сила человеческого вдохновения. Он пошёл дальше и получил докторскую степень по медицине, чтобы лучше понимать человеческий мозг, по физике, электротехнике и другим вещам, чтобы он мог проектировать клетки тканей для нового компьютера, названного Зигги в порыве отчаянной шутки. Он нашёл способ — Эл не хотел знать как, но ему всегда было интересно, не связана ли каким-то образом с этим эта прядь седых волос — использовать клетки своего собственного мозга.

И когда, после того как Зигги был запущен и начал работать, выяснилось, что одних клеток Сэма Беккета оказалось недостаточно, и он всеми правдами и неправдами, уговорил своего лучшего друга Эла Калавичи, чтобы он пожертвовал немного своих собственных клеток. Это была самая ужасная вещь, которую Эл когда-либо делал, - согласие на биопсию, хотя на самом деле в ней не были задействованы кусочки его мозга; по какой-то причине, понятной только Сэму, требовался только образец нервных клеток. Тем не менее, правительство этого не знало; их комитет по этике в области экспериментов на людях просто с ума бы сошёл от этого. Эл не знал источника страстной энергии Сэма. Но именно это слияние нервных тканей позволило Зигги связать Сэма с Элом, так что Эл мог предстать перед Сэмом в виде "голограммы."

Пустая бутылка из-под виски, покрытая пылью, стояла на полу рядом с коричневым кожаным креслом. Эл вздрогнул и отвёл взгляд.

Тина как-то заметила, что в почерке Сэма были высокие завитки честолюбия и острые углы интеллекта; Эл мог видеть это в заметках в настольном блокноте, формулах, схемах и диаграммах клеток человеческого мозга, заметках, нацарапанных на немецком, французском и японском языках, номерах телефонов и расчётов затрат.

Эл прищурился. В прошлый раз, когда он заходил сюда, пытаясь снова почувствовать связь со своим другом, он лениво нацарапал собственную заметку под небольшим уравнением, в котором Сэм уравнивал баланс своей чековой книжки. На этот раз заметка была нацарапана под заголовком статьи в немецком журнале.

Ему было интересно, какое из изменений, внесённых Сэмом в историю, привело к этому крошечному изменению в настоящем, и как долго он будет помнить разницу. Больше никто, казалось, этого не замечал.

Возможно, это не имело значения. Возможно, как он сказал Сэму тем вечером в алкогольном угаре, то, что должно было произойти, произойдёт в любом случае, что бы Сэм ни делал. Несмотря на то, что каждый раз, когда Сэм вносил изменения, он изменял введённые в Зигги данные настолько, что целые разделы истории приходилось перепрограммировать, в результате чего компьютер "терял" своего создателя в истории на разные периоды времени. Зигги попытался предсказать изменения, которые сделали бы наиболее вероятным то, что Сэм сможет вернуться в своё собственное тело в настоящем времени, но что-то или кто-то постоянно мешало этому. Поэтому всё менялось непредсказуемо. Опять же, благодаря связи через Зигги, Эл мог вспомнить, как всё было раньше, хотя изменений было так много, что уже трудно было разобраться в постоянно меняющемся прошлом.

И ему, Элу, было почти так же одиноко, поскольку он был единственным, кто помнил всё, как и Сэму, который вообще почти не помнил ничего. И не было смысла рассказывать Сэму о вещах, которые сам мог изменить один только его скачок. Это только ещё больше испортило бы Зигги.

И, возможно, однажды Сэм внесёт такие изменения, что целые люди или весь Проект перестанут существовать. Он задавался вопросом, вспомнит ли он об этом, когда это произойдёт, и куда, в таком случае, попадут эти люди. Хуже того — а что, если исчезнет сам Сэм, и его заменит кто-то другой? Или если бы он, Эл Калавичи, никогда не встретил Сэма Беккета на Проекте "Звёздный Свет", никогда не стал бы Наблюдателем Проекта "Квантовый Скачок" и никогда бы не пожертвовал эти клетки?

Были времена, когда он был рад тому, что ограничился практической стороной физики, - думал Эл, бессознательно потирая незаметный шрам на кончике пальца. От теории межпространственного времени у него разболелась голова. Эл Калавичи предпочитал, по возможности, жить только в одном варианте настоящего времени.

Например, в том настоящем времени, в котором он жил сейчас, на стене вообще не было фотографии Тома.

Он встал, ища рулоны чертежей, которые могли быть недокументированными изменениями в компьютере Проекта. Они могли быть где угодно, спрятаны за компьютерным терминалом, засунуты на книжные полки вместе с учебниками, художественной литературой и

моделями человеческого мозга. Сэм хотел, чтобы его компьютер был настолько похож на человеческий мозг, насколько это возможно, только в большей степени. Эл раньше думал, что ему удалось это сделать слишком хорошо. Теперь он был уверен в том, что похоже, компьютер тоже подвержен человеческим недугам.

Он перерыл всё, проверяя каждый ящик, каждую полку. Он ничего не нашёл. Он попробовал снова, заглядывая повсюду, даже под стулья.

В этом и заключалась проблема нестабильности. Возможно, когда-то в прошлом и были эти чертежи. Но сейчас их не было, и не было способа узнать, были ли они когда-нибудь. Он мог бы вернуться и посмотреть снова завтра, надеясь, что что-то в прошлом привело к появлению чертежей там, где их сегодня не было, но это не имело смысла. Если компьютер изменился из-за новых чертежей, то чертежи сосуществовали бы с изменениями. Если в причинно-следственной связи и был какой-то смысл, то сбой Зигги не имел ничего общего с изменившимися планами.

Он с раздражением вскинул руки, разбрасывая бумаги. Возможно, Зигги менялся сам по себе. И в этом случае у них были большие неприятности.

Когда ему было двенадцать лет, отец его лучшего друга зацепил свою руку настольной пилой. Он помнил яркие брызги крови, которые были такими красивыми на солнце. И пронзительный крик, когда шок прошёл и мужчина понял, что у него больше нет руки.

Он помнил крики, металлический запах крови и машин, выражение лица его лучшего друга, когда мальчик увидел, как рука его отца была разрезана крест-накрест, а три пальца и часть ладони оказались с другой стороны пилы. Красивый узор из капель крови, которые зубья пилы подбрасывали в воздух.

Волнение. Обеспокоенная мать его друга выходит из дома, и выражение её лица меняется, когда она видит своего мужа, стоящего на коленях в мокрых опилках, хватящегося за запястье в попытке остановить пульсирующий поток крови. Люди бегающие туда-сюда. Машины скорой помощи. Сирены. Шум. Слезы. Крики. Его оттеснили назад, чтобы у него не было такого хорошего обзора.

И молоко с печеньем на кухне, когда соседи убирали их с дороги, вполголоса рассказывая об ужасном происшествии, поглядывая на него и

его друга с беспокойством, с состраданием, с озабоченностью и с ещё большим количеством печенья в руках.

Это было чудесно.

И всё, что для этого было нужно сделать, - это открутить один жизненно важный винт, чтобы предохранительный замок отвалился...

[СУББОТА]

[ГЛАВА 16]

Сэм Беккет уставился в темноту, обливаясь потом во влажной ночи и скрипя зубами. Где-то, неслышно, часы пробили полночь.

Он был обнажён, не вынося прикосновения одежды. Он чувствовал смирительные рубашки и движение воздуха сквозь джинсы, прорезанные для контактов с электродами, края наручников впивались в его запястья, холодный клей пасты для передачи электричества на своих висках. Безмолвный, он не мог перестать кричать внутри себя.

Скачки были нечёткими. Психушка. Камера смертников. Терапия. Электричество. Теперь он вспомнил. Электрошок...Безумие...

Тени от оконных жалюзей падали на стену, как прутья решетки. За гудением потолочного вентилятора он слышал голоса, десятки голосов, и все они были его голосом.

Снаружи громко и быстро стрекотали сверчки.

Мышцы его горла были сведены судорогой. В воздухе пахло паникой, потом и жасмином.

Если бы он отказался от предупреждения, от правды, то он был бы в безопасности. Защищённый от смирительных рубашек, электродов и решёток, и навсегда запертый в месте, откуда не было выхода, где его тыкали, подталкивали и исследовали, как лабораторную крысу, и в конце концов, они привязали бы его к стулу и надели бы капюшон ему на лицо, и он бы умер...

Его кулаки сжались, и он беззвучно застонал, охваченный

нежелательными воспоминаниями, физическими и эмоциональными. Его рациональный разум понимал, что было два скачка, а может, и больше. Был один случай, когда они убили его, вернее не его, а человека, в чью жизнь он прыгнул, сам он не умер, умер Хесус Ортега. И ещё один случай, тот, от которого он закрывал глаза и бился головой взад-вперёд о плоскую пуховую подушку, тот случай, в котором были побои, шок и потеря всего.

Пот градом катился по его рёбрам. Он задержал дыхание, заставил себя открыть глаза и уставился на лениво вращающиеся лопасти. Он был Сэмом Беккетом, физиком, попавший в один из своих экспериментов, как крыса в лабиринт, и его единственным выходом было следовать по пути, каким бы он ни был, до конца.

Иногда крысы находили тупики. Это было нормально. Настоящая наука тоже находила тупики.

В этом конкретном лабиринте сыром в конце был скачок прочь отсюда, подальше от угрозы психушки. Чтобы совершить скачок, он должен был предотвратить крушение.

Его дыхание начало замедляться, поскольку он цеплялся за логическую цепочку, как за спасательный круг. Он верил, когда сидел на электрическом стуле в теле Хесуса Ортеги, ожидая 10 000 вольт, что он прыгнет вовремя. Он мог верить в это и сейчас.

Он не смог бы ничего предотвратить, если бы его заперли для наблюдения. Он ничего не смог бы добиться, находясь в психиатрической клинике. Следовательно, по логике вещей, он не должен делать ничего, что могло бы привести его туда. И если это означало посмотреть Эйлин в глаза и сказать: "Нет, я был неправ, никакого крушения не будет, ничего не случится", то это было правильно.

Так что в тот день он поступил правильно, отступив от Джесси и Эйлин. Это было похоже на бессердечную позорную трусость - отступить перед угрозой быть посаженным за решётку. Это было похоже на предательство правды. На самом деле это был правильным научным поступком.

Он ничего не мог поделать, если альтернатива вызывала у него кошмары.

Его дрожь утихла. Его руки расслабились.

Он знал, что сказал бы ему Эл. Иногда ты делаешь то, чего не хочешь делать, потому что ты должен это делать. Он мог признать необходимость. Он мог принять это разумом, не принимая сердцем. Что

его всё ещё беспокоило — мышцы на шее расслабились, — так это то, что он так малодушно согласился на лёгкий выход.

Но дело было сделано, нравится ему это или нет, и теперь он вернулся к тому, с чего начинал.

За его окном, как страдающий ребёнок, выл кот. Сэм понял, что это был Макси и подумал о том, что при свете луны кот из вялого питомца маленькой девочки превратился в настоящего зверя.

Он услышал, как кот встретил соперника или товарища и вой сменился воплем. Кто-то в трейлере неподалёку закричал и что-то бросил, и вой резко прекратился. Даже сверчки замолчали; единственными звуками были вращение потолочного вентилятора и его собственное дыхание.

Он должен был найти другой способ остановить этот несчастный случай. Ему нужно было больше информации; где же Зигги? Где же Эл?

Как изменились шансы?

Вентилятор продолжал гипнотически вращаться.

"Сэм! Я рад, что застал тебя". Эл выглядел немного лучше, но белый костюм и подходящая к нему панاما всё ещё придавали ему измученный вид.

"Где ты был?" - с вызовом спросил Сэм, споласкивая посуду после завтрака. "Что вообще происходит?"

"Мы обо всем позаботились," - ответил Эл. "Теперь всё в порядке."

"Неужели?" - Сэм преувеличенно выразительно выгнул бровь, глядя на ручной пульт, который по-прежнему упрямо темнел в одном углу. "Что-то не похоже."

"Эй, мы делаем всё, что в наших силах." - притворился обиженным Эл.

Сэм пожал плечами, ясно давая понять, что не собирается покупаться на это и хочет поскорее приступить к делу.

"Кроме того," - проницательно продолжала голограмма - "Ты сам не выглядишь так, будто у тебя была такая уж жаркая ночь. Что вчера случилось?"

"Сейчас это не имеет значения. Эл, что говорит Зигги?"

Эл всегда мог понять, когда Сэм уходил от ответа. "По-прежнему девяносто восемь процентов. Ты уверен, что с тобой всё в порядке?"

Но Сэм был упрям. "Ровно девяносто восемь? Не меньше?"

"Ну, если ты так хочешь, чтобы они стали меньше, пусть так и будет. Но теперь Зигги говорит, что диверсант - либо Бартлетт, либо Макфарланд. Мы всё ещё не можем сказать, кто именно из них". Если Сэм не хотел говорить на какую-то тему, он бы не заговорил, и даже табун диких лошадей не смог бы заставить его это сделать. Эл решил сменить тему.

"Мы уже это и так знали". Сэм сложил тарелки в сушилку. "Это никогда не был я."

"Это никогда не был Боб," - поправил Эл, как будто это не имело значения. "Теперь мы знаем, что он этого не делал, даже случайно."

Сэм вздрогнул. Эл притворился, что тоже этого не заметил.

"Мы знаем, из-за чего это произойдёт?" - спросил Сэм, укладывая продукты в холодильник, стоя спиной к изображению другого мужчины.

"Что-то с рельсами и отказ тормозов. Очевидно, что позже это было трудно определить по уликам". Индикатор мигнул, и он пробормотал себе под нос: "Тина, чёрт возьми..."

"Что ты сказал?" - спросил Сэм.

"Ничего. Совсем ничего. Мы просто устраняем последние небольшие неполадки, вот и всё". Он пробормотал что-то про себя, мысленно обращаясь к Тине и всем Богам, которые могли его слышать, когда показания на ручном пульте снова затрещали.

"Что ж, я, конечно, рад это слышать," - сухо сказал Сэм. "Есть какие-нибудь блестящие идеи? Завтра открытие. У нас мало времени."

Эл покачал головой. "Если бы мы знали, кто это сделал, то мы могли бы попытаться остановить его. Зигги говорит, что есть, по крайней мере, шестьдесят шесть процентов вероятности того, что то, что стало причиной аварии, было сделано непосредственно перед тем, как это произошло. Я думаю, ты мог бы попытаться вычислить кто из них двоих мог сделать это."

"Я начну с Макфарланда," - тут же сказал Сэм. "А ты посмотри, что можно узнать о Джесси Бартлетте."

"А? Это не имеет смысла. Макфарланд здесь чужой. Я, вероятно, мог бы узнать о нём больше, проведя исследование о том, откуда он родом до того, как попал в Жасмин, в то время как ты мог бы..."

"Нет". Сэм едва удержался, чтобы не грохнуть стаканом о столешницу, и очень осторожно опустил его на последние полдюйма, так что он коснулся линолеума с едва слышным щелчком. "О Джесси узнаешь ты. Я не хочу иметь с ним дела."

"Но почему?". Это было выражение искреннего удивления, за которым быстро последовало подозрение. "Что же вчера случилось?"

"Ничего, что имело бы значение. Послушай, просто сделай это, хорошо? Если ты что-то узнаешь, настройся на меня и дай мне знать. А я поспрашиваю вокруг и посмотрим, смогу ли я что-нибудь выяснить". Он глубоко вздохнул, уставившись в потолок. "Эл..."

"Да?" - ответил Эл, когда Сэм не продолжил. "Что?"

"У тебя есть какая-нибудь новая информация о том, что происходит с Бобом?" - раздражённо спросил Сэм.

"Похоже, ничего не изменилось". - отвёл взгляд Эл.

"Я боялся этого..."

Мелли была в офисе, жевала резинку и пробовала новый лак для ногтей. Он был слишком розовым для её цвета лица, и это не сочеталось с рыжим цветом её волос. В офисе витал аромат её цветочных духов, дешёвой аптечной марки, но Сэма больше интересовал её ум, чем чувство стиля. Он постучал по косяку двери.

К сожалению или нет, но Боб не соответствовал критериям Мелли - он не был ни клиентом, ни богатым, влиятельным и/или красивым, и поэтому не был признан достойным её внимания.

Тем не менее, попробовать стоило. "Привет," - сказал он в своей лучшей соблазнительной манере.

"Я говорила тебе на прошлой неделе, что не собираюсь с тобой встречаться, Бобби Джеймс Уоткинс," - сказала она, не отрывая взгляда от своих ногтей. Кисточка скользнула по кутикуле её мизинца, и она раздражённо цокнула языком. "Посмотри, что мне пришлось из-за тебя

сделать!"

Очевидно, что Бобби Джеймс Уоткинс был таким же "успешным" ловеласом, как и Сэм Беккет. Сэм отказался от этой затеи и попробовал прямой подход. "Мелли, что ты знаешь о Майке Макфарланде?"

Мелли надула большой розовый пузырь. "Я знаю, что он, пожалуй, самый красивый мужчина, которого я видела здесь за долгое время," - сказала она. "И он утончённый. Не то, что некоторые". Косой взгляд медно-карих глаз отчётливо дал понять, кого она имеет ввиду.

"Как давно он здесь?"

"Ты знаешь это не хуже меня," - фыркнула она.

"Ну," - отчаянно импровизировал он, - "Я не знаю, сколько времени ему потребовалось, чтобы заметить тебя. Как давно он обратил на тебя внимание?"

Он полагал, и не без оснований, что Мелли решит, что мужчина заметил ее, как только переступил порог Жасмина. Девушке и в голову не могло прийти, что незнакомец может не заметить её, не увлечься ей, и не влюбиться в неё по уши.

Странное "эхо" воспоминаний Боба напомнило ему о том времени, когда кто-то отодвинул стул для Мелли на церковном собрании, а кто-то другой заговорил с ней, потакая какой-то невинной похоти средних лет. Она была убеждена, что все эти женатые мужчины были влюблены в неё.

Он моргнул и покачал головой. Он не должен был вспоминать воспоминания Боба. Возможно, это было его собственное воспоминание, какая-то женщина из его собственного прошлого, слишком похожая на эту молодую девушку перед ним.

"Ну, как только он вошёл в эту дверь, то сразу же подошёл и поздоровался со мной," - самодовольно сказала она. "Он пытается уговорить меня пойти с ним на свидание уже три месяца."

Три месяца? Это было дольше, чем предполагал Сэм. Тем не менее, если Макфарланд участвовал в строительстве американских горок, это имело смысл. Объект такого размера не построишь за одну ночь.

"А вообще, почему они выбрали именно его?" - спросил он, лениво перебирая листья рододендрона, увядающего в углу. "Что делает его таким крутым?"

"А в чём дело, Роберт Джеймс Уоткинс, ты что ревнуешь?" - глаза Мелли вспыхнули. "Я думала, что всё это время ты неровно дышал в сторону в Эйлин Шебер."

"Ты действительно так думаешь?". Всегда безопаснее всего повернуть вопрос вспять, сказал ему однажды Эл поздно вечером за бутылкой пива. Спроси женщину, что она думает, и в девяти случаях из десяти она тебе скажет. Наконец. Подробно. С отсылками. И тогда тебе не придётся придумывать, что сказать; она всё скажет за вас. В то время Сэм считал такое отношение немного узколобым, но признавал, что в отношении некоторых женщин в этом была доля правды.

И Мелли, конечно же, клюнула на это, тем самым ещё раз доказав, что даже клише иногда бывают правдой.

Широко раскрыв глаза, она откинула назад волосы, флиртуя изо всех сил. Бобу не обязательно было быть богатым, знаменитым или красивым; всё, что от него требовалось, - это быть единственным присутствующим мужчиной. Он был достаточно хорош, чтобы на нём можно было попрактиковаться. "Ну, я всегда думала, что ты просто милейшее создание, и ты намного умнее всех остальных вокруг..."

"Включая Майка Макфарланда?" - наводящим тоном спросил Сэм.

"Он просто в гостях." - пожала плечами она.

"Значит, он собирается вернуться в Чикаго?"

"Ну, он появился здесь только для того, чтобы помочь с американскими горками. Разве это не самая захватывающая вещь? Я не могу дождаться, чтобы прокатиться на них. Но мне может быть страшно. Они такие высокие. А ты бы прокатился на них со мной?" - бесхитростно спросила она.

Это было неплохо, должен был признать он. Если бы он действительно был Бобом Уоткинсом, то Боба бы просто заставили сопровождать Мелли Мэй на "Убийце Диллере". И, без сомнения, потом Боб купит ей сладкой ваты, выиграет игрушку и отведёт домой. Всё это было частью ритуала ухода за 1950-х годов. Он увидел, как отражается в её сияющих глазах отражается дорога к алтарю, и быстро пошёл на попятную.

"Я не думаю, что буду кататься на нём," - сказал он. - "Я недостаточно знаю о человеке, который его построил."

"Он сделал множество американских горок!" - возмущённо сказал набитый рот. "Просто сотни!"

"О, да ладно, перестань, никто ещё не строил сотни американских горок."

"А он так и сделал, он перечислил их в своем резюме. Вот, я тебе покажу". Она встала, энергично встряхнув руками, чтобы заставить высохнуть лак на ногтях, и направилась к картотеке. Потребовалось некоторое усилие, чтобы открыть шкафчик подушечками пальцев и ладонями, не испортив ещё влажный лак. Наконец она открыла его и костяшками пальцев просмотрела содержимое.

"Между прочим, ты мог бы мне помочь," - сказала она, заметив, что он всё ещё стоит в другом конце комнаты.

"О, да, конечно." - но она не отодвинулась, и в итоге он оказался к ней гораздо ближе, чем хотел. Её рука коснулась его груди, когда она указала на папку, и она одарила его, как предполагалось, ослепительной улыбкой.

"Вот, то что нужно."

"Точно". Он быстро схватил папку и отошёл, а она выглядела растерянной и более чем немного обиженной.

Но он был занят перелистыванием тонкой стопки бумаг, впитывая информацию так быстро, как только могли пробежать его глаза.

Возможно, на счету Майка Макфарланда были не "сотни" американских горок, но по крайней мере дюжина у него была. За последние двадцать лет он много переезжал. И, что достаточно интересно, с каждым разом он переезжал во всё меньшее и меньшее место, продвигаясь вниз по гражданской лестнице, пока не оказался в Жасмине, штат Оклахома. Рекомендательные письма были достаточно пылкими, но в то же время сдержанными, как будто авторы не совсем были уверены, что сказать об этом человеке.

Возможно, у него были проблемы с алкоголем, или он бегал за женщинами, или что-то в этом роде. Казалось, не было никаких сомнений в его технической компетентности. И, похоже, его любили. Было не похоже, что люди которые писали письма, должны были придать ему хорошую репутацию, чтобы избавиться от него: его нанимали на короткий промежуток времени для проектирования, строительства и обучения операторов американских горок, и в конце он и так уходил дальше. В папке не было ничего, что могло бы рассказать о том, почему он связал свою жизнь с американскими горками. Сэм задавался вопросом, существует ли целое племя людей, некоторые из которых специализировались на колёсах обозрения, некоторые на каруселях, а некоторые на американских горках, которые переезжали из парка

аттракционов в парк аттракционов в желании жить кочевой жизнью.

"Тебе лучше вернуть мне это," - нервно сказала Мелли, когда он остановился, чтобы просмотреть газетную статью об открытии одного аттракциона в Сент-Луисе, штат Миссури. "Я не думаю, что ты должен это видеть."

"Наверное, нет," - согласился Сэм. Он все равно просмотрел почти всё и мог позже мысленно просмотреть это — одно из преимуществ фотографической памяти. Даже если в этой памяти иногда появлялись неожиданные провалы. Он вернул ей папку как раз в тот момент, когда в кабинет вошла Эйлин со стопкой цветной бумаги в руках.

Мелли поспешила обратно к своему столу, пододвинула к себе компрометирующую папку и уселась на неё. Эйлин, смотревшая на "Боба", ничего не заметила.

"Боб, как ты себя чувствуешь сегодня утром?". В её голосе слышалась настороженность.

"Я в полном порядке, спасибо". Ему хотелось бы понять, почему он не находит её особенно привлекательной. Она выглядела удивительно свежей, учитывая утреннюю жару. Её клетчатая рубашка выглядела так, словно её только что выгладили, а тщательно нанесенный макияж был безупречен. Рядом с ней более молодая девушка выглядела ещё более броской.

Она также хорошо двигалась, и её голос было приятно слушать. Вздвогнув, Сэм понял, что, возможно, он не так равнодушен к хозяйке парка, как ему казалось.

"Эй, а она красивая". Сэм подскочил. Это, конечно же, был Эл, и две женщины посмотрели на него прищуренными глазами.

"Что-то не так, Боб?" - деликатно спросила Эйлин.

"Нет, ничего. Ничего. Просто немного простудился, вот и всё." - поспешил сказать Сэм.

"Кто-то прошёл по твоей могиле," (идиома, произносится, когда человек неожиданно чувствует позыв содрогнуться или вздрогнуть. Буквально, означающая - "У тебя по спине пошла дрожь"(прим. пер) - со знанием дела сказала Мелли.

"Теперь она похожа на тусовщицу, которая только и ждёт своего часа," - заметил Эл.

"Ты просто выглядел так, будто... что-то увидел". Эйлин ждала, что он снова начнёт отрицать это. Сэм сглотнул.

"Эй, она ещё и наблюдательна". Голограммный наблюдатель казался гораздо счастливее, чем был в последние дни.

Сэм подавил порыв прокомментировать это и тщательно подбирал слова. "Внешность может быть обманчивой."

"Полагаю, да," - с сомнением сказала Эйлин. "Что ж, я всё равно рада, что увидела тебя. Это последние рекламные листовки к открытию. Могу я доверить тебе расклеить их для меня?". Она протянула их ему и её рука чуть заметно дрожала.

"Ты знаешь, что можешь мне доверять," - сказал Сэм, прежде чем смог остановить себя. Реакция Эйлин - поджатые губы и бегающий взгляд - была меньше, чем он мог бы пожелать. Она тоже помнила вчерашнюю стычку. Единственным благословением было то, что она, казалось, не желала её повторять. Мелли переводила взгляд с Сэма на Эйлин, совершенно сбита с толку.

"Ну, мне хотелось бы думать, что могу", - ответила Эйлин. "Я была бы признательна, если бы ты развесил их по всему городу."

"И да, Мелли..." - она протянула девушке записку, написанную от руки. Мелли пришлось наклониться, чтобы взять её, не позволив папке, на которой она сидела, соскользнуть на пол. Эйлин продолжила: "Это окончательный список людей, которые приедут на открытие. Я бы хотела, чтобы ты напечатала его, а затем оформила приглашения так, как мы уже об этом говорили. Мэр и я будем в передней вагонетке, миссис Дженкинс и мистер Макфарланд - во второй, а шериф Кеннелли и его маленький сын - в третьей. Мы поместим мистера Дэвиса из "Элкс Лодж" и Тесси Родрикеса в последнюю. Переходи к делу, сейчас. Их нужно доставить сегодня днём."

Сэм увидел свою возможность. "Я пойду. Спасибо за совет, Мелли, я обязательно...намочу руки, как ты сказала. До свидания...". Он не мог не думать об этом как о побеге, стремглав вылетев из офиса, не дожидаясь официальных прощаний, сжимая в руке рекламные листовки. Больше всего на свете ему хотелось оказаться подальше от пытливых глаз Эйлин. Он не хотел быть рядом, когда Мелли наконец встанет со стула.

"Зачем тебе понадобилось уходить?" - пожаловался Эл. "Я хотел посмотреть ещё немного."

"А я не хочу давать им ещё больше поводов думать, что я чокнутый, если ты не против." - огрызнулся Сэм.

"Тогда тебе лучше не разговаривать со мной на публике." - предупредил Эл. "Люди смотрят."

Сэм пробормотал себе под нос слово, которое обычно не употреблял, и направился к единственному тихому месту, которое он мог найти в это время суток, - к трейлерам. Эл следовал рядом, продолжая болтать:

"Я попросил Зигги поискать информацию о Джесси Бартлетте. Он нашёл много информации о семье Бартлетт — я думаю, они были довольно большими шишками в этой части штата, ещё до того, как всё обвалилось. Но оказалось, что у них на ферме нет нефти — ну, у них было три скважины, но две были сухими, а третья просто не работала. И у них был семейный дар принимать неверные деловые решения. Продай акции "Ай-Би-Эм" и купи автоматические машины для плетения корзин. Что-то в этом роде."

Сэм поднялся по ступенькам и вошёл в трейлер, а Эл прошёл сквозь стену рядом с ним.

"Хорошо, теперь ты в безопасности, так что поговори со мной. Что ты выяснил?" - Эл попытался небрежно прислониться к стойке и немного ошибся в расчётах, так что вместо этого казалось, что он опирается на стойку. Когда Сэм поморщился, он посмотрел вниз и понял, что делает. "Проклятье, я никогда не могу сделать это правильно."

Сэм глубоко вздохнул и не смог удержаться от того, чтобы не оглянуться по сторонам, чтобы убедиться, что нет свидетелей, которые могли бы увидеть, как он "разговаривает сам с собой."

"Макфарланд, похоже, соответствует своему уровню. У него есть опыт в создании таких вещей."

Эл кивнул. "Я так и думал. Я думаю, что это Джесси, Сэм. Было общеизвестно, что он возмущался поглощением компании дядей Карлом. И у него есть необходимые знания, так как он много лет работал на аттракционах. Мотив и средства, Сэм."

"И возможность - никто бы не стал его допрашивать". Сэм закрыл глаза, концентрируясь. "И ещё кое-что. Зигги в порядке? Есть ли у него испра..."

"Пока нет. Но мы приближаемся к этому, мы определенно приближаемся к этому. Что ты собирался сказать?" - хотя Эл и не хотел говорить о Зигги, по крайней мере, он снова стал прежним весельчаком.

"Должно быть, он помирился с Тиной," - подумал Сэм, улыбаясь про себя. Он снова улыбнулся ощущению скрытого язвительного удовольствия, которое это ему доставило. Тем не менее, это не имело никакого отношения к текущей проблеме.

"Это не может быть Макфарланд," - сказал он. "Разве ты не слышал, как Эйлин передала Мелли этот список? Майк Макфарланд собирается прокатиться на американских горках во второй машине с женой банкира. Это означает, что он, должно быть, был одной из жертв. Если бы крушение было преднамеренным, он никогда бы не стал пассажиром."

"Ты прав. Теперь проблема в том, что нам делать с Джесси?"

[ГЛАВА 17]

Тина Мартинес-О'Фаррелл тихонько напевала себе под нос, изучая электрические схемы. Поскольку Тина не могла правильно воспроизвести мелодию, ей повезло, что Живчик, стоявший рядом с ней, не обладал музыкальным слухом.

"Как ты думаешь, в чём дело?" - у Живчика была привычка показывать все свои зубы, когда он нервничал. А он очень нервничал, стоя рядом с Тиной.

"Я не знаю". Она выпятила нижнюю губу, жест, который Живчик счёл глубоко трогательным. "Я не понимаю, что происходит. Дай мне ещё раз взглянуть на эти заказы."

Живчик протянул ей пачку бумаг, покрытых пятнами пота там, где он держал их последние двадцать минут, и она понимающе улыбнулась ему. Он переминался с ноги на ногу, заламывал руки и снова ухмылялся.

"Это заказы на ремонт и новые периферийные устройства. Кто их подписал?". Иногда образ пустоголовой, который преследовал её повсюду, миазмы глупой, поверхностной озабоченности, был более прозрачным, чем в другое время. Тина выглядела как женщина, которая могла бы проспать свой путь к докторской степени — по крайней мере, многие профессора намекали на это, — но она находила свой предмет настолько интересным, что не замечала, что к ней пристают. Вскоре после того, как она успешно защитила диссертацию, председатель её комитета принялся топить свои упущенные возможности.

"Я, э-э, я не смотрел?" - Живчик скорее спрашивал, чем отвечал. Он

больше всего напоминал старую иллюстрацию Траляля из "Алисы в стране чудес": в форме призмы, с широким ртом и большими влажными глазами, увеличенными толстыми очками. Он носил брюки, поддерживаемые широкими подтяжками, и говорил что-то вроде "Противоречиво", чтобы усилить впечатление. "Э-э, а вот это, похоже, подписано Адмиралом."

"И, похоже, эти два подписал ты." - ответила Тина.

Ошеломлённый Живчик перестал потеть ровно настолько, чтобы выхватить два заказа из её наманикюренной руки. "Я никогда этого не делал!" - запротестовал он.

"А это моя подпись!". Она возмущённо посмотрела на рамку компьютера. "Зигги, я знаю, что никогда не подписывала это. Меня даже не было здесь в тот день. Я была в Санта-Фе и у меня есть туфли, чтобы доказать это."

Зигги не ответил.

Живчик ахнул, протягивая дрожащей рукой ещё один заказ. "Смотри!"

Тина взяла его и разложила на краю компьютерной стойки. "Беккет?" - с удивлением прочитала она. "Это подписал доктор Беккет? Он не мог этого сделать. Его не было здесь, наверное, уже много лет. А это датировано двумя неделями назад."

"Может быть, он вернулся," - сказал Живчик, нервно оглядываясь через плечо, как будто Руководитель Проекта в любой момент собирался выйти из Ускорителя, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

"Нет, он этого не делал," - уверенно сказала она. "Эл сказал бы мне, если бы он вернулся, даже на минуту."

"Тогда как..."

"Зигги, ты был плохим компьютером," - строго сказала Тина, уперев руки в бока. "Как тебе не стыдно подделывать подписи! Что ты пытался сделать? Эл по-настоящему разозлится, когда это увидит."

Живчик был сбит с толку. "Зигги подделывает подписи? Как он может это делать? Зачем ему это делать? Я не понимаю..."

"Зигги - очень умный компьютер, знаешь ли." - любезно объяснила Тина, бросив на груды металла и пластика нежный, но раздражённый взгляд. "Я думаю, он хочет стать ещё умнее."

"Но этого нет в программе," - запротестовал ведущий программист. "Я знаю, что это нет. Я не добавлял туда ничего подобного."

"Нет," - сказала Тина, похлопывая шкаф, как будто это была щека любимого племянника. "Тебе и не нужно было этого делать. Ты же добавил эту штуку с нечёткой логикой, которой так восхищался доктор Беккет, и я думаю, это просто раздувалось и раздувалось до тех пор, пока Зигги не начал программировать себя сам."

"Ты что, спятила?" - взорвался Живчик. "Это невозможно. Это означало бы, что у Зигги есть воля."

"Это верно," - согласилась Тина, сворачивая чертежи. "Но ты же дал ему эго..."

"Я этого не делал. Это была идея доктора Беккета. Ты не можешь сказать, что это сделал я..."

"Ладно, ладно, значит, доктор Беккет дал ему эго. Я думаю, что потеря доктора Беккета задела гордость Зигги, поэтому он решил, типа, перестроить себя, чтобы лучше справляться с поисками доктора." - она сурово посмотрела на шкаф, в котором стояли стеллажи с компонентами. - "Ты не должен был этого делать, Зигги. Ты мог бы обратиться ко мне. Теперь посмотри на себя. Ты довёл себя до изнеможения." - проворковала она.

"Ты разговариваешь с ним так, как будто он действительно понимает," - нервно сказал Живчик.

"Ну, конечно, Зигги понимает. Но у него не очень большой опыт. Он перестарался, и нам приходится посадить его на небольшую диету, вот и всё." - объяснила Тина.

"Зигги на диете?" - выглядел больным Живчик. "Он что, переел?"

"Верно. Но сейчас у нас всё под контролем. Мы просто отключим некоторые из этих дополнительных цепей." - сказала Тина.

"Но откуда они взялись?" - в отчаянии спросил Живчик.

Тина посмотрела на него с жалостью. "От Зигги. Он просто составил заказы и подделал наши имена. Технические специалисты думали, что они просто проводят регулярное техническое обслуживание и ремонт. Они не знали, что на самом деле меняют архитектуру."

"Ты хочешь сказать, что этот компьютер обладает волей," - прошептал Живчик. Он оглядел окружающие их шкафы, их рабочие лампы отражались в испарине, выступившей у него на лбу. "Как у Колосса." (Имеется ввиду научно-фантастический роман "Колосс" британского

писателя Денниса Фелтхэма Джонса 1966 года о суперкомпьютерах, взявших под контроль человечество. - прим. пер)

"Ты должен перестать читать эту научную фантастику," - пожурила его Тина. "Всё это странно, и людям не понравится с тобой общаться."

"Что скажет Зигги, если ты...изменишь это обратно?" - нервно рискнул спросить он.

Тина остановилась с отвёрткой в руке. "Ой. Я об этом не подумала." - она закусила нижнюю губу таким образом, что у Эла Калавичи, если бы он был там и видел это, участилось бы сердцебиение. "Я думаю, что я подожду с восстановлением его голоса до тех пор, пока мы его не вылечим," - весело сказала она. "Кто знает, может быть, он повысится на октаву."

Взлом и проникновение в дом никогда не были сильной стороной Сэма. Взгляд, которым он окинул себя, когда пытался открыть заднюю дверь Джесси Бартлетта, в сознании самого стороннего наблюдателя определил бы его как взломщика. Эл стоял рядом с ним, постукивая ногой по пустому воздуху; поскольку Сэм стоял на ступеньках, Элу пришлось встать, чтобы оставаться на уровне глаз. Сэм старался не смотреть вниз.

"Ну, так ты собираешься войти или нет?" - спросил Эл.

"Дверь не заперта."

"Блестящее наблюдение," - огрызнулся Эл. "Тем лучше для тебя. Ты сможешь туда попасть? Тебя кто-нибудь увидит."

"Мне не по себе," - сказал Сэм.

"Я не удивлён". Раздражённый Эл прошёл сквозь стену и начал ворчать изнутри дома. "Да ладно тебе уже. Давай. Здесь никого нет, кроме нас, голограмм."

"Хорошо," - вздохнул Сэм и толкнул дверь. Прежде чем Эл смог снова настроиться на него, он шагнул внутрь и закрыл её за собой. "Эл? Где ты? Не делай этого со мной!" Эл парил в воздухе под потолком, осматривая верхний этаж, не потрудившись, так сказать, полностью определиться с местоположением. Сэм тщетно ухватился за свисающие ноги, но его рука полностью прошла сквозь голографическое изображение. "Пожалуйста, спустись!"

"Ты здесь как раз вовремя". Нажав на кнопку на ручном пульте и издав послушный звуковой сигнал, Эл оказался рядом с ним. Сэм сверкнул глазами. Невозмутимый Эл начал осматривать кухню, на которой они находились.

"Это неправильно," - пробормотал Сэм. На кухне не было ничего, что было похоже на улики — не то чтобы он узнал улику, если бы увидел её, поскольку он не был уверен, что именно он искал. Что могло бы стать доказательством спланированного множественного убийства?

Кроме того, это было похоже на вторжение в частную жизнь. Сэм вышел из кухни и направился в столовую.

Она была очень похожа на столовую в доме Эйлин Шебер, с её темной тяжёлой мебелью и широкими деревянными полами, но она была меньше и занавески обтрепались по краям, а подоконники были покрыты слоем пыли. Стекло в посудном шкафчике было покрыто плёнкой, и сквозь него было плохо видно. Бело-голубая фарфоровая супница занимала почётное место на серванте, но на половнике был скол. Очевидно, Джесси Бартлетт жил один.

Здесь тоже ничего не было. Сэм прошёл в соседнюю комнату, переднюю гостиную, а Эл последовал за ним, комментируя мышьяково-зелёные обои.

Диван был покрыт пластиком. Коричневая кожа старого клубного кресла в углу была потрескавшейся и потёртой. Это была гостиная, которая довольно давно не принимала гостей; картотечный шкаф и стол в углу свидетельствовали о том, что теперь она использовалась как офис. Сэм выглянул из окна на улицу, гадая, мог ли кто-нибудь, проходя мимо, увидеть незнакомца, роющегося в бумагах Бартлетта.

"Ты не говорил мне, что Эйлин Шебер такая красивая," - сказал Эл, когда Сэм выдвинул первый ящик.

Сэм остановился, вытаскивая папку, и уставился на него. "Ты хочешь сказать, что я должен делать заметки о каждой женщине, которую вижу, и докладывать тебе?"

"Ну, конечно," - удивлённо ответил его собеседник. "Ты же должен замечать такие вещи. Я имею в виду, что даже ты должен замечать подобные вещи."

"Я бы спросил, что это значит, но я уже должен это понять," - пробормотал Сэм, листая папку. В ней не было ничего даже отдалённо инкриминирующего, и он сунул её обратно и достал другую. "Не мог бы ты

хоть раз не отвлекаться от своего дела?"

"Я всегда так делаю," - ухмыльнулся Эл. Выражение лица исчезло, когда он заметил пачку бумаг, застрявшую между картотекой и стеной. "Эй, Сэм, посмотри на это. Это может чем-то быть".

Сэм убрал папку, на которую смотрел, и развернул рулон - набор чертежей, свёрнутых в цилиндр длиной в три фута и перевязанных резинкой. Эл вытянул шею, чтобы заглянуть через плечо Сэма, когда тот снял резинку, отнёс рулон в столовую и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы придержать один конец.

Супница прекрасно справилась с этой задачей. Положив её на один угол, а половник - на другой, Сэм расстелил бумагу.

"Ого, парень," - сказал Эл. "Тебе всё ещё нужны были доказательства? Я думаю, они прямо перед тобой."

"Не обязательно". Но возражение было слабым, и они оба это знали. То, на что они смотрели, было основным строительным чертежом для "Убийцы Диллера". На нём были показаны подъёмы и спуски, петли и повороты, строительные леса системы поддержки. На чертежах ниже был подробно описан двигатель под станцией оператора, который будет приводить в действие цепь, поднимая вагонетки на первый спуск, и тормоза, установленные в различных местах для замедления движения в стратегических точках.

И повсюду на чертежах были пометки густыми чёрными чернилами, сделанные, должно быть, почерком Джесси Бартлетта, пометки о высоте, скорости и угле наклона, с комментариями и восклицательными знаками. Джесси изучил каждый аспект аттракциона, выявил каждое слабое место. В углу одной страницы был даже расчёт того, сколько пассажиров потребуется, чтобы окупить затраты на постройку и эксплуатацию аттракциона, а рядом было нацарапано презрительное "Невозможно!". Каким-то уголком сознания Сэм случайно заметил, что Джесси не сумел правильно сложить цифры.

"Значит, так," - сказал Эл. "Это точно Джесси. Ты должен остановить его."

"Да, но как? Я пытался отговорить Эйлин от открытия, я пытался сам всё испортить..." — начал Сэм.

"Так вот что ты делал..." - заметил Эл. "Я так понимаю, это тоже не сработало."

"Нет. Не сработало". Он свернул бумаги обратно и снова перетянул их

резинкой, освободив загнутый уголок и аккуратно убрал их за шкаф, как будто их никогда и не доставали. Каждое движение говорило о том, что он не хочет дальше обсуждать эту попытку.

Эл наблюдал, склонив голову набок и наслаждаясь этим моментом. После недолгой внутренней борьбы он решил отказаться от удовольствия сказать "я же тебе говорил" и решил предложить что-нибудь более конструктивное.

"Ты всегда можешь попробовать сам поговорить с Джесси," - сказал он Сэму. "Может быть, если он поймёт, что кто-то ещё знает, что он задумал, то он не станет этого делать. Может быть, этого будет достаточно, чтобы все прекратить. По крайней мере, на данный момент."

"Если он просто отложит это, значит, кто-то умрёт позже."

"Но ты же прыгнешь."

Сэм закрыл глаза и глубоко вздохнул. "Но люди всё равно умрут. Если я должен предотвратить это..."

"Сэм, люди всё равно рано или поздно умирают. Всё, что ты должен сделать, это дать им немного больше времени, а не делать их бессмертными. Никто не бессмертен."

"Нет," - печально согласился Сэм, - "Наверное, нет". Лица его брата и отца промелькнули перед его глазами вместе с чувством замешательства. Они были мертвы? Он думал, что да, но...он не мог вспомнить. Он хотел было спросить об этом своего спутника, но остановил себя. Некоторые вещи он не хотел знать.

Эл, который знал Сэма достаточно хорошо, чтобы понять, что он хотел спросить, а также знал слишком много вариантов ответа, усилил давление. "Послушай, иди найди Джесси. Хотя бы поговори с ним. Завтра открытие. У тебя не так много времени. Зигги говорит, что бы ни было сделано с аттракционом, вероятно, это было сделано сегодня вечером."

"Ладно. Хорошо. Хорошо!"

Скоро, скоро, это должно было случиться скоро, все эти восхитительные крики. Они будут летать по воздуху, как множество тряпичных кукол, и шлёпаться при падении о землю, как шарики с водой, сброшенные с

большой высоты, с такой огромной высоты.

И они бы не узнали, что это был он, нет, они бы не узнали, но он бы знал это, и он бы отомстил. Они будут уважать его. Те, кто выжил, будут уважать его.

Им придётся это сделать. Или с ними тоже произойдёт несчастный случай.

[ГЛАВА 18]

Когда он шёл от дома Джесси Бартлетта обратно в парк аттракционов, небо начинало темнеть. Ветер трепал деревья, срывая зелёные листья. Войдя в ворота парка, он увидел коричнево-белого кота Макси, целеустремленно трусившего впереди него, прижав уши и вытянув хвост, в поисках укрытия. Он надеялся, что Бесса находится со своими родителями, кем бы они ни были.

В "Мире семьи Шебера" было ещё меньше людей, чем обычно, и посетители бросали тревожные взгляды на небо. Сэм сделал паузу, и Эл покачал головой. "Не повезло, Сэм. Сегодня ночью будет гроза, но завтра днём будет светло и ясно. Зигги говорит, что открытие состоится, как и было запланировано."

Он не мог найти Джесси. Мелли, флиртующая с Макфарландом в офисе, не знала, где он. Мигель у киоска со сладостями не видел его; Дасти, распрягающий своих напуганных бурей пони, покачал головой и сплюнул струйку табачной мокроты. Обслуживающий персонал не знал, билетёры не знали, операторы аттракционов не знали, продавцы еды не знали. Сэм неоднократно пересекал парк площадью в десять акров, каждый раз проходя мимо "Убийцы Диллера", чтобы убедиться, что там уже не было Джесси, который делал бы всё, что могло привести к тому, что вагонетки соскользнут с рельсов и разобьются.

Ничего. Не было никаких признаков Джесси Бартлетта.

Ветер был неустойчивым, иногда разбрасывая обломки и мусор впереди себя, иногда затихая и оставляя территорию в тревожной тишине. Инстинктивно Сэм посмотрел на небо в поисках предательского зелёного оттенка, который означал бы торнадо, но оно оставалось фиолетовым и угрожающим.

Люди начали странно смотреть на него, когда он стоял посреди парка, рядом с каруселью, в отчаянии размахивая руками и разговаривая с Элом. "Где он? Ты уверен, что он вообще здесь? Ты не можешь настроиться на него?"

Эл покачал головой. "Мы пока ещё не можем это сделать, Сэм, извини. Он должен был быть сейчас здесь, но Зигги никак не может его найти."

"Ну так скажи ему, чтобы он постарался!" - настаивал Сэм.

"Мы делаем всё, что в наших силах...вон он там! Вон он!" - указал пальцем Эл.

Да, это действительно был Джесси, который входил в парадные ворота с группой других людей, среди которых была и Эйлин. Они направились через парк к американским горкам, причем Эйлин оживлённо разговаривала с одним пожилым мужчиной, едва отвечая на приветствия своих сотрудников.

"Тот человек, с которым она разговаривает, это мэр," - сказал Эл, сверяясь с ручным пультом. "А ходячий скелет позади него, это шериф. Она, должно быть, показывает им окрестности перед завтрашней поездкой". Он бросил взгляд на небо. "Ей лучше поторопиться, а то они промокнут."

Джесси шёл в хвосте группы, опустив голову и уставившись в землю. Мелли и Майк Макфарланд вышли из офисного трейлера и пошли следом, Майк засунул руки в карманы, а Мелли, стараясь не отставать, взяла его под руку. Они остановились неровным полукругом вокруг операторской станции "Убийцы Диллера".

"Мы соберемся здесь примерно за полчаса до назначенного времени," - говорила Эйлин. "Наш Джесси Бартлетт будет за пультом управления, и..."

Сэм не стал больше слушать. Он схватил Джесси за руку и оттащил его в сторону. Пожилой мужчина посмотрел на него так, словно он сошёл с ума, и пара человек из задней части группы, окружавшей Эйлин, обернулись посмотреть, в чём дело.

"Джесси, я знаю, что ты планируешь сделать..." - поспешно произнёс Сэм.

"О чем, чёрт возьми, ты говоришь? Отпусти меня, парень. Ты что с ума сошёл?" - зарычал Джесси.

Сэм вздрогнул, но не сдвинулся с места. "Нет, я не сумасшедший. Я видел чертежи и я знаю, что ты планируешь. Ты не можешь этого сделать, ведь погибнут люди!". Он старался говорить потише, чтобы не привлекать

внимания большего количества людей, чем нужно.

К сожалению, Джесси так себя не сдерживал. "Чёрт возьми, Боб, отпусти меня!" - закричал он. Наступила удивлённая тишина, когда все повернулись, чтобы посмотреть. Когда Джесси отбросил руку "Боба", вокруг них снова образовалась толпа: Эйлин, мэр и шериф проталкивались вперёд.

"Я видел," - сказал Сэм толпе, всё ещё не сводя глаз с Джесси, - "Я видел чертежи американских горок..."

"Ему снова что-то мерещится," - сказал мэр, ни к кому конкретно не обращаясь.

"Разве он не сказал, что кто-то умрёт?" - спросила одна женщина. "Барри, он же сказал, что кто-то умрёт?"

Сэм проигнорировал их: "Я говорю вам, что произойдёт несчастный случай..."

"Боб, прекрати это немедленно!" - бросилась Эйлин между Сэмом и Джесси, прервав его прежде, чем он успел закончить фразу. "Я же говорила тебе..."

"Он постоянно что-то видит. Это действительно странно, но, он, кажется, что-то знает". Мэр просунул большие пальцы в подтяжки, поймал взгляд жены и отцепил их, виновато пожав плечами. Очевидно, это была манера поведения, от которой она безуспешно пыталась его отучить всю свою супружескую жизнь.

"Он ничего не знает," - громко сказала Эйлин. "Ничего. Он просто работник парка. Он видит вещи и слышит вещи, потому что он сумасшедший."

Сэм посмотрел на неё, вспоминая фотографии Эйлин, которые Боб так бережно хранил так долго; вспомнил радушный приём в её доме и почувствовал предательство. И когда она поймала его взгляд, в её глазах было чувство вины, вызов и мольба о том, чтобы он понял её.

Джесси отступил назад, став частью окружавшей его толпы, уставившейся на него. Все женщины, кроме Эйлин, скорчили гримасы и отодвинулись за спины мужчин. Мэр и шериф обменялись понимающими взглядами, и шериф многозначительно положил руку на свой пистолет в кобуре.

"Эл," - прошептал Сэм. "Эл, они мне не верят."

"Видите?" - Эйлин повернулась обратно к своей аудитории, говоря быстро и громко. "Он снова разговаривает сам с собой! Он не имеет значения. Просто не обращайтесь на него внимания, хорошо? Он не опасен, у него просто есть несколько забавных идей. Мы позаботимся о нём, правда, Джесси?"

"Да, мы так и сделаем," - сказал Джесси из толпы. Сэму не понравился этот нейтральный тон голоса.

Толпа удовлетворённо кивнула друг другу и, вспомнив о своих хороших манерах, повернулась обратно к аттракциону и Эйлин.

"Сэм, ты должен что-то сделать," - предупредил Эл. - "Шансы растут."

"Как могут увеличиться шансы в девяносто восемь целых шесть десятых?" - в отчаянии спросил Сэм. "Как я могу предотвратить это?"

Толпа зашумела, чувствуя себя неловко. Джесси, ухмыляясь, покачал головой.

Тени пробегали по лицам в толпе, ветер трепал женские шляпы и редёющие волосы мужчин.

"Ты должен остановить его, Сэм. Если авария произойдет сейчас, то они..." - настаивал Эл.

"Я знаю, что они сделают," - сухо прошептал Сэм.

"Ты должен не дать ему сделать это". Эл даже начал потеть. "Сэм, единственное, что меняется, - это количество погибших, шесть, семь..."

"Джесси, не делай этого. Пожалуйста. Они умрут..." - умолял Сэм.

Джесси покачал головой.

"Ему вообще наплевать," - прорычал Эл. "Вот сукин сын...Сэм убери его!"

"Что?". Предложение было настолько неожиданным, что Сэм замер. Группа начала тесниться, повернувшись к нему спиной.

"Убери его, Сэм! Это единственный способ остановить его! Выруби его. Тогда он не сможет все испортить!" - бросился вперёд Эл.

"Они запрут меня". Слова были такими тихими, что только Эл мог их услышать.

"Они запрут Боба". Ответ Эла был безжалостным и неумолимым. "Не тебя. Ты прыгнешь. Останови Джесси, и ты прыгнешь."

"Они запрут Боба," - повторил Сэм. На этот раз люди его услышали. Джесси, откликнувшись на безмолвную мольбу Эйлин, подошёл к нему и взял его за руку, чтобы увести прочь.

"Ты не можешь спасти Боба," - закричал Эл. "Ты должен спасти остальных! Ты должен остановить Джесси! Сэм, ты уже перепробовал всё остальное! Убери его!"

Он не мог найти другой альтернативы. Больше ничего не оставалось делать. Он мог видеть отражение Боба Уоткинса в глазах Джесси, молодого человека, который не представлял из себя ничего, кроме того, что был работником парка, хромым и не очень сильным работником парка, который видел, слышал и знал вещи, в которые никто другой не поверил бы, и он рассчитал точку удара, давление и эффект на зрителей, подумал и о будущем Боба, сопоставил всё это с семью жизнями и нанёс удар.

Джесси согнулся пополам и беззвучно соскользнул на землю. Сэм безуспешно попытался его поймать.

Эл решительно кивнул. "Хорошо. Прыгай."

Сэм помолчал, ожидая новых ощущений.

Ничего не произошло.

Затем жена мэра закричала, и группа взорвалась от напора появившихся мужчин, обрушившихся на Сэма. Через несколько мгновений он оказался на земле рядом с лежащим без сознания Джесси, и похожий на скелет шериф, который был значительно сильнее, чем выглядел, защёлкнул наручники на его запястьях.

"Эл?" - закричал он. "Эл!"

"Я здесь, Сэм, я здесь". Эл отчаянно колотил по ручному пульту, который постоянно мигал, не реагируя на удары. "Ничего не меняется! Ты ударил его недостаточно сильно!"

Рядом с ним, в красной грязи, Джесси застонал и зашевелился.

"Вот и всё," - мрачно сказал мэр. "Запри его, Кеннелли. Как только мы здесь закончим, я поговорю с судьёй Грантом. Находиться рядом с ним больше небезопасно."

Эйлин склонилась над ним, обхватив его голову руками, не обращая внимания на то, что её чулки начинают рваться и на пятна грязи на платье. "Боб..."

"Ей не следует так игнорировать Джесси," - подумал он и попытался дотронуться до её руки.

"Тебе лучше не подходить слишком близко, Эйлин, детка". Шериф Кеннелли мягко тянул её к себе, оттаскивая в сторону.

Он не мог дотронуться до её руки. Его руки были скованы. Скованы наручниками.

И он потерпел поражение.

С сухими глазами он заплакал.

Когда он был подростком, он открыл для себя красоту машин, то, как они функционируют, движение шестерёнок, шарикоподшипников и лопастей. Для развлечения он разработал устройства, похожие на устройства Руба Голдберга, в которых зажжённая лампа пробуждала попугая, который клевал блюдо с шариками, которые падали, и запускали стрелу, которая разрывала воздушный шар, который...в конечном итоге...отрубал курице голову.

Благодаря этому он познал прелести насилия на расстоянии.

Машины, такие мощные и такие элегантные, были такими уязвимыми. И глупые, доверчивые люди, которые использовали их, управляли ими, водили их, не зная, как они работают, так легко попадались на эти лопасти и шестерёнки.

На самом деле, каждый раз это была их собственная вина. Если у них не хватало ума понять, что они построили, как убедиться, что это работает должным образом, то так им и надо, когда машины выходили из строя, зацепляли их нежные тела и раздавливали их и ломали. Это была не его вина, это была их вина. Они несли ответственность за свои машины. Им нужно было лучше заботиться о них.

Иначе может случиться всё, что угодно.

Всё, что потребовалось бы, например, для того, чтобы вызвать ужасную аварию на американских горках, - это открутить нужный болт. И, конечно, некоторые другие действия, возможно, немного более сложные: ослабление подмостков, отключение воздушных тормозов, и ещё несколько других вещей. Очень немногих.

Хорошая проверка безопасности выявила бы большинство из них.

Казалось, всю свою жизнь он готовился к этому моменту. Он провёл всю свою жизнь, работая с машинами. Это был бы его величайший момент, момент, который полностью выразил бы его гнев, его презрение к слабым людям, которые использовали технику, не понимая её, и пытались обвинить кого-то другого, когда им было больно.

И они бы плакали, о, как бы они плакали и истекали кровью, и всё из-за него. Чтобы он мог получить удовольствие.

[ГЛАВА 19]

Если бы он выглянул из окна тюремной камеры в направлении "Мира семьи Шебера", то увидел бы стену Жасминовой Публичной Библиотеки. Она была выкрашена в жёлтый цвет, выцветший под воздействием солнца и непогоды до сияющего пшеничного цвета. Свет, падающий из окна библиотеки сквозь решётку, полосами падал на пол камеры.

Они ввели его внутрь, сняли наручники с его рук и ушли. К тому времени, как за ними с лязгом захлопнулась дверь, он уже был у окна и пробовал дёргать за решётку. Здание было построено заново после Великой Депрессии, и решётки были крепкими.

Позади него открылась дверь Голографической Камеры, и он прислушался, не раздадутся ли шаги Эла, зная, что никто их больше не услышит. Он подумал о том, чтобы сказать что-нибудь сухое и горькое или сухое и шутливое, но он вообще не мог придумать, что сказать. Поэтому он молча ждал, прижавшись лбом к прутьям решётки.

"Сэм, мне очень жаль."

Это было так неадекватно, но так искренне, что он ничего не мог с собой поделаться. Он рассмеялся. Обернувшись, он увидел выражение лица Эла и пожалел. "Эл, нет, это...ну, это не нормально". Он глубоко вздохнул. "Но из всех вещей, которые сейчас не помогут, заикленность на том, что мы должны были сделать вместо этого, занимает первое место в списке."

Эл ещё не был готов к прощению. Он отказывался встречаться взглядом с Сэмом. "Зигги говорит, что есть семьдесят восемь процентов вероятности того, что...то есть, я имею ввиду, что есть двадцать два процента вероятности того, что ты выберешься отсюда. Должно же быть хоть что-

то, что ты можешь сделать."

Он вежливо выслушал Наблюдателя и заметил. "Что ж, что бы это ни было, решётки закрыты."

Двадцать два процента. Эл старался изо всех сил, чтобы данная вероятность стала больше.

И всё же двадцать два процента - это было не так уж плохо. Чуть лучше, чем один шанс из пяти. Он сел на койку, поёрзал в поисках места, где матрас не был протёрт до ниток и наконец лёг, прикрыв глаза рукой.

"Ты ведь не сдаёшься, не так ли?" - обеспокоенно спросил Эл.

"Нет". Сэму не хотелось вдаваться в подробности.

"Ты должен выбраться отсюда..." - начал Эл.

"Я знаю, Эл. Почему бы тебе не пойти и не выяснить, как это сделать?" - монотонно заявил Сэм. На данный момент он хотел побыть один. Поскольку он не мог выйти и сказать об этом вслух, не задев чувств своего друга, он просто молчал, зная, что это в конце концов до него дойдёт.

Так и случилось. Через некоторое время Эл сдался, открыл дверь Голографической Камеры и шагнул внутрь. Сэм прислушался к призрачному звуку закрывающейся за голограммой двери, звуку, который мог слышать только он.

Несомненно, Эл отправился выяснять подробности у Зигги. Сэм понимал, сам не зная почему, что на этот раз Зигги ничем не сможет помочь. Эл и компьютер сделали бы всё, что в их силах, но в этом времени в Жасмине, штат Оклахома, Эл был всего лишь голограммой, и всё, что он мог предложить, - это информацию.

У Сэма была вся необходимая информация. Он должен был собрать всё воедино, задействовать свои хваленые мозги и решить проблему самостоятельно. Эл постоянно твердил ему, что он гений. Он должен быть в состоянии придумать, как выбраться отсюда, остановить Джесси и выпрыгнуть отсюда.

Просто, верно? Верно.

Тот факт, что в глубине души он был напуган до смерти, не имел особого значения. Он прошёл через всё это и вышел с другой стороны. Страх остался, но он больше не имел значения.

Дверь камеры без сомнения, была заперта. Решётка была прочной. У него не было с собой никаких отмычек, а даже если бы и были, он не знал, как вскрывать замки — но, возможно, Эл мог бы помочь с этим. Эл, вероятно, знал всё о вскрытии замков.

Конечно. Если бы у него было немного бекона, он мог бы съесть бекон с яйцами, если бы у него было немного яиц.

Так что любой выход должен был прийти извне. Он вспомнил, как однажды заманил особенно глупого помощника шерифа в камеру, но приманкой был кто-то другой. А здешний помощник шерифа был ростом шесть футов- шесть дюймов и весил по меньшей мере двести сорок фунтов. Жасмин был законопослушным городом; он был единственным в блоке из четырёх камер. Сюда даже пьяниц не сажали. Учитывая масштаб местных законов, он мог понять почему.

Оставались шальные работники карнавала. Так что, может быть, они придут и накормят его ужином, и он сможет таким образом уговорить кого-то помочь ему сбежать отсюда.

Но тогда они объявят розыск. Отложат ли они открытие из-за розыска? Только не Эйлин Шебер. Он узнал выражение её глаз, решимость. Она не остановила бы это открытие аттракциона, даже если бы прямо сейчас произошло Второе Пришествие.

Возможно, именно поэтому число жертв постоянно менялось. Шесть или семь — если бы шериф отправился на поиски сбежавшего сумасшедшего, он бы не катался на американских горках. Он бы не умер.

Что ж, таким образом он мог бы спасти одну жизнь. У него было чувство, что на этот раз одной жизни будет недостаточно. Что ж, время было важно. Время решало всё.

В Жасмине, штат Оклахома, время тянулось медленно и томительно. Тени заскользили по полу и неподвижному телу человека, лежащего на койке, поднимались по стене к потолку, где тёмные полосы и свет тускнели и сливались с поздним вечером, а сверчки начинали петь.

"Боб? Бобби Джеймс? Я кое-что тебе принесла."

Это была Вера, очень хорошо одетая, в шляпке с вуалью и в строгих белых перчатках, с корзинкой в руках. "Марта Дженкинс не разбирается в кулинарии с первого взгляда, потому она и передала тебе картофельный пирог и сливовый пирог". Она свирепо смотрела на помощника шерифа, пока он покорно не открыл дверь. "Этот молодой человек пытался сказать

мне, что ты опасен. Ерунда. Встань, когда я с тобой разговариваю, молодой человек. Мне всё равно, что ты находишься в тюрьме, я хочу, чтобы ты помнил о своих манерах."

Свет от болтающейся электрической лампочки в коридоре был резким, и он поморщился, когда пошевелил рукой и выпрямился. Вера долго смотрела ему в лицо и шмыгнула носом. "Ты опасен, какой же вздор". Она сунула корзину ему в руки. "Я хочу, чтобы ты съел всё до последней крошки, слышишь? Я не допущу, чтобы моя вкусная еда пропала даром. Люди в Китае голодают."

"Да, мэм. Мисс Вера..."

"Что?" - рявкнула она, остановившись в дверях. "Просто положи ложку обратно в корзинку, когда закончишь. Они не позволили мне дать тебе нож и вилку, как цивилизованному человеку, но я не позволю тебе есть пальцами. Ты не какое-то животное, вот что я им сказала."

"Спасибо вам," - смиренно сказал он.

Её твёрдый, как камень, взгляд смягчился. "Ты хороший мальчик, Бобби Джеймс. Ты никогда в жизни не причинил вреда ни одной живой душе, и я первая, кто это подтвердит. Ты всегда говорил правду о том, что видел и слышал. Это не твоя вина, если люди тебе не верят."

"Вы мне верите?" - тихо спросил он.

Вера моргнула. "Я верю, что ты видел то, о чём говоришь. Это всё, что я знаю." - с этими словами она ушла, оставив корзину позади себя на койке. Помощник шерифа повернул ключ в замке и, насвистывая, неторопливо удалился.

У него не было особого аппетита. Он приоткрыл верхний лоскут льняной салфетки, которой была накрыта корзинка, и снова накрыл её.

Помощник шерифа закрыл за собой дверь в тюремную камеру. Он был один. Даже Эл не мог ему помочь.

"Вот здесь я всегда был свободен," - процитировал он Эла в пустоту, постучав себя по лбу. "Вот здесь, в голове." Он потряс зарешечённую дверь, вглядываясь в коридор между камерами в направлении двери, через которую вышел помощник шерифа. "Но ты никогда не прекращал попыток, не так ли, Эл?" Он ходил из угла в угол камеры. "Ты не сидел сложа руки и ждал, и ждал, и ждал..."

Сумерки снаружи сменились темнотой, и единственным источником света

была голая лампочка, болтающаяся на конце шнура. Тени плясали, когда лампочка поминутно перемещалась в вихрящемся воздухе. Где-то в приёмной хлопнула дверь. Через несколько минут дверь приоткрылась, и чья-то рука нащупала выключатель, оставив его в полной темноте. Он мог слышать звуки телевизора в приёмной, по которому шла тема из шоу Джеки Глисона, и Великий говорил: "Как это мило!". Несомненно, это был повторный показ для лета.

Он втиснул корзину между собой и стеной — не было смысла оставлять её на полу для тараканов, Вера никогда бы ему этого не простила — и лёг рядом. "Мысленно я всегда свободен," - пробормотал он.

И в конце концов сверчки запели ему песню, которая убаюкивала его.

Где-то после полуночи в койке ослабла пружина и уколола его в рёбра. Он перевернулся на другой бок, прижимая корзину для пикника, и вспомнил, где находится. Обстоятельства, казалось, заметно не изменились. Он снова заснул. Больше он ничего не мог сделать.

[ВОСКРЕСЕНЬЕ]

[ГЛАВА 20]

Бесса проснулась до восхода солнца благодаря Макси, мурлыкавшему у её уха. Она встала, оделась — она была уже большой девочкой — и накормила себя и кота равными порциями хлопьев и молока. Затем, тихонько, потому что её родители всё ещё спали, она выскользнула за дверь. Макси последовал за ней и она приложила палец к губам.

"Тссс, Макси. Сегодня будет много-много людей. Ты не можешь прийти. Ты потеряешься."

Макси неуверенно опустил на свою пушистую задницу. "Мурп?"

"Веди себя тихо, Макси. Ты можешь прийти позже."

Настроенный философски, Макси начал умываться, а Бесса тихо закрыла за собой дверь и вприпрыжку спустилась по ступенькам. Это был важный день, чудесный день. Сегодня будет много-много людей. Сегодня они запустят американские горки.

Эйлин Шебер тоже проснулась в темноте, и у неё заурчало в животе. Она ожидала, что её первые мысли будут об открытии американских горок, но вместо этого она не могла избавиться от воспоминаний о Бобе, отчаянии и решимости на его лице, замахивающемся на Джесси. А потом как он лежал на земле, смотря вверх на круг лиц и был бледный, такой бледный, такой испуганный и отчаявшийся.

Джесси был прав, он, должно быть, совсем спятил. Боб всегда был застенчивым и непритязательным. Он иногда ходил за ней тенью, когда они были детьми, и у неё ни разу не было причин бояться его. Она по-прежнему не боялась его, но очень боялась за него.

Быстро вздохнув, она заставила себя отвлечься от проблемы с Бобом и вернуться к другому событию в своей жизни. Наконец-то оно произошло, хотя и откладывалось слишком долго. Она мельком с грустью подумала о Карле, который так сильно хотел, чтобы его идея воплотилась в жизнь, чтобы люди толпились в его парке развлечений. Если бы существовала хоть какая-то справедливость, он бы сегодня смотрел на неё с небес и улыбался. Она могла видеть весёлую улыбку и чувствовать смех в его глазах.

Это был её подарок ему, её благодарность за то, что он приютил ее и дал ей дом, образование и любовь, и она была уверена, что каким-то образом он получит её подарок и поймет, что она наконец-то добилась успеха. Осталось всего несколько часов, и у неё будет лучший, самый популярный парк развлечений в Оклахоме.

Джесси Бартлетт ел на завтрак яичницу-болтунью, как делал это каждое воскресенье, сколько себя помнил, размеренно пережёвывая и проглатывая, не чувствуя вкуса. Руина, вот на что они смотрели. Разруха. Потеря всего. Как Дейс тогда потерял всё. Возможно, ему следовало позволить Бобу всё испортить позавчера. Возможно, это открыло бы глаза Эйлин. Но к тому времени было уже слишком поздно, она взяла свой кредит. Проклятый кредит. Проклятые банки. Ничто не убедило бы её в том, что она поступает неправильно. Ей нужно было не высовываться, собирать деньги и не пытаться расширяться. Она была слишком амбициозна, а гордость предшествовала падению. Эти американские

горки и станут падением Эйлин Шебер.

Он запил остатки яичницы крепким чёрным кофе и мрачно уставился в окно в сторону парка развлечений.

Майк Макфарланд быстро и аккуратно сложил свою рубашку, положив её точно в нужное место потрёпанного кожаного чемодана. В кармане его костюма уютно шуршал конверт. У него уже была другая работа в Калифорнии, но он не ожидал, что она ему понадобится. Человек мог долгое время обходиться семью тысячами долларов, и он заработал каждый пенни честным трудом. Он мог потратить их на то, что хотел. Работа в Калифорнии была для него лишь предлогом, чтобы побыстрее уехать. Он всегда считал, что лучше всего уезжать быстро. Люди обращали на него внимание, пока он рассказывал им, как строить их развлечения, они относились к нему как к важному человеку. После этого у них больше не было на него времени.

И на этот раз у них тоже не будет на него времени после открытия аттракциона. На его лице появилась улыбка. Он был рад, что остался посмотреть на это. Это действительно было его величайшим достижением, и это действительно будет прекрасным. Его всегда поражало, что люди действительно хотели кататься на американских горках, хотели кричать и испытывать ужас. Что ж, "Убийца Диллер", несомненно, сделает это. Это было уникально в своём роде, и он ужасно гордился этим. Он положил свой бритвенный набор и щётки рядом с рубашкой, не в силах сдержать улыбку на лице. Его "Убийца Диллер".

Ему не терпелось увидеть его в действии.

Лучи утреннего солнца падали прямо в камеру, медленно пробуждая его. На мгновение он забыл, где находится. Затем он слишком быстро вспомнил всё: избиение Джесси, шерифа, наручники и выражение лица Эйлин.

Помощник шерифа вошёл, стуча чашкой о решётку и неся тарелку с небрежно брошенной на неё бумажной салфеткой. "Завтрак, Бобби Джеймс," - прокричал он. Сэм приоткрыл один глаз, смерив взглядом мужчину. Он не уменьшился за ночь. Сэм снова закрыл глаз.

Дверь камеры открылась ровно настолько, чтобы протянуть тарелку. Когда Сэм не встал, помощник опустил её на пол. "Лучше убери тарелку, пока до неё не добрались водяные клопы," - посоветовал помощник. Дверь снова захлопнулась.

С другого конца города донёлся звон церковных колоколов. Это было воскресенье. Сэм внезапно задался вопросом, как Эйлин Шебер удалось получить разрешение на открытие своего парка развлечений в воскресенье, не говоря уже о торжественном открытии нового аттракциона. Он думал, что в синих законах (Синие законы, также известные как воскресные законы, законы о воскресной торговле и законы о закрытии воскресенья, - это законы, ограничивающие или запрещающие определенные виды деятельности в определённые дни, обычно по воскресеньям в западном мире. Первоначально законы были приняты по религиозным соображениям, в частности, для содействия соблюдению христианского дня богослужения, но с тех пор они стали служить и светским целям прим. пер) и Библейском поясе есть что-то такое, что запрещает людям развлекаться по воскресеньям.

Застонав, он сел, обхватив голову руками. Краем глаза он увидел, как последние несколько лапок большого чёрного таракана исчезли под бумажной салфеткой, прикрывавшей тарелку на полу.

Если бы он был каким-нибудь беглецом, он мог бы взять таракана и, несомненно, застывшую яичницу-болтунью и изготовить маленькую несмертельную бомбу. К сожалению, он был всего лишь квантовым физиком с корзиной для пикника и без хороших идей. Он начинал уставать от того, что у него не было ни одной хорошей идеи.

Бумажная салфетка зашуршала и зашевелилась.

"К тебе посетитель, Бобби Джеймс". Это снова была Вера в сопровождении помощника шерифа. Она вошла и устоялась на тарелку на полу, затем на корзину для пикника.

"Бобби Джеймс Уоткинс, ты собираешься сидеть здесь, — Сэм вскочил на ноги, - "И говорить мне, что ты не съел тот ужин, на приготовление которого я потратила столько времени и усилий?"

"Извините, мисс Вера, я просто не был голоден. Я уверен, что он был прекрасен."

Вера покусывала пересохшие губы, сжимая кулаки в перчатках. "Не был голоден? О чём ты думаешь? Ты не можешь позволить себе не быть голодным!" Она подошла и схватила корзинку, прижимая ее к себе, как

ребёнка. "А теперь послушай меня, Бобби Джеймс Уоткинс. Я собираюсь пойти домой и приготовить тебе хороший сытный ужин. И я говорю тебе, что ты его съешь. Или тебе придётся провести остаток своих дней здесь, питаясь той едой," - она мотнула головой в сторону движущейся салфетки, - "Которую подают в таких местах, как это. Ты меня понимаешь?"

"Да, мэм," - сказал он, совершенно ничего не понимая.

Помощник шерифа оставил тарелку, когда снова выводил Веру из камеры.

Следующие несколько часов он провёл, наблюдая за движением салфетки. Эл не появлялся. Ещё два таракана вылезли из-под койки и присоединились к первому под салфеткой, которая задёргалась ещё сильнее. Он тихо поспорил сам с собой, что салфетка полностью исчезнет с тарелки и окажется в коридоре, прежде чем он сможет, наконец, придумать способ сбежать отсюда.

Судя по теням и урчанию в животе, было уже за полдень, когда Вера появилась снова, выглядя немного растрёпанной. "Уже поздно," - сказала она ему. "Уже больше часа дня. Тебе лучше подкрепиться."

"Непременно," - сказал он с благодарностью. "Спасибо, мисс Вера."

Когда он потянулся за корзинкой, она отдернула её. "Ты обещаешь мне, что съешь всё, что сможешь?" - сказала она. "Обещай мне это, мальчик. Я не собираюсь из-за тебя так напрягаться, если мои усилия не будут оценены по достоинству, слышишь?"

"Да, мэм," - согласился он. Её пристальный взгляд встретился с его взглядом и она протянула ему корзинку, словно вверяя её ему. Когда он взял корзинку, которую она так хотела, чтобы он получил, в глубине его сознания расцвела идея.

В руках у помощника шерифа была ещё одна тарелка, и он ухмыльнулся, переводя взгляд с корзинки на тарелку. "Что ж, я думаю, на этот раз ты одержал верх, Бобби Джеймс."

"Думаю, да," - сказал Сэм, наблюдая за женщиной, стоящей перед ним. "Думаю, у меня получилось лучше, чем я предполагал."

В усталых глазах Веры промелькнуло облегчение. "И как раз вовремя," - отрезала Вера и зашагала прочь. Охранник, покачав головой над капризами старухи, последовал за ней.

Сэм сел на койку и складка за сладкой, развернул льняную салфетку. Она

находилась там, спрятанная между черничным кексом и картофельным пюре. Если бы у него было чуть больше интереса к вещам или чуть больше аппетита, он мог бы использовать это прошлой ночью. Или немного больше веры. Что угодно.

Сейчас было уже час тридцать, если верить курантам часов на городской площади. Ему нужно было двигаться.

"Помощник шерифа," - прокричал он с набитым кексом ртом. Несомненно, выпечка Веры была намного вкуснее, чем её лимонад.

Единственный вопрос заключался в том, где Вера Шебер нашла себе старомодную дубинку?

[ГЛАВА 21]

В "Мире семьи Шебера" было больше народу, чем он когда-либо видел, они толпились и кричали, перекрикивая музыку, и всё время приходило всё больше и больше новых людей. Мальчик-подросток, принимавший посетителей, был ошеломлён. Сэму удалось проскользнуть внутрь, не привлекая внимания, и последовать за потоком людей, направлявшихся в западную часть парка.

Жонглёры и мимы пробирались сквозь толпу, которая становилась все гуще по мере того, как он приближался к "Убийце Диллеру". Он почти поверил, что парк сам выберется из финансовой ямы — пока не напомнил себе, что произойдёт, если у него ничего не получится. Он скрылся из виду Мигеля и ещё нескольких продавцов и двинулся дальше.

Они уже были там, собрались вокруг операторской станции. Эйлин и мэр уже сидели в первой вагонетке, мэр выглядел бледным и держался за поручень безопасности, хотя вагонетки ещё не тронулись с места. Эйлин выглядела взволнованной, счастливой и неуместной в белых перчатках и шляпе, очень похожей на жительницу маленького городка в Оклахоме. За ними один за другим садились другие. Джесси стоял у пульта оператора, готовый нажать на рычаг, чтобы машины тронулись с места. Толпа была такой плотной, что детей несли на плечах их отцы, чтобы лучше видеть аттракцион.

Сэм, всё ещё находившийся на периферии, наступил на камень, и его нога подвернулась под ним. Он с трудом поднялся на ноги и продолжил идти.

Люди вокруг него двигались, не настолько, чтобы пропустить его, но достаточно, чтобы он мог видеть.

Все они уже сидели в вагонетках, Эйлин и мэр, жена банкира, Макфарланд и все остальные, и выглядели так, словно недоумевали, что, чёрт возьми, нормальные взрослые люди в здравом уме делают на детском аттракционе, на который они никогда бы не пустили своих детей. Но это было захватывающе. Все думали, что это было захватывающе. Все они были готовы отправиться туда, куда бы их не занесла поездка. Все люди купили билеты, чтобы прийти и посмотреть. Многие уже купили билеты на свою очередь на аттракцион, как только закончится первая поездка, и ещё больше людей выстроились в очередь, желая отдать свои деньги. Эйлин была краснощёкой и улыбающейся, а её глаза сияли.

И они увидели, и Сэм увидел, что Майк Макфарланд поднялся со своего места и похлопал Эйлин по плечу, жестом указывая на Джесси, который был готов начать аттракцион и направить вагонетки через большую розовую ленту к торжественному открытию. Они видели, как он говорил с ней настойчиво и безотлагательно.

Они увидели, как Эйлин окликнула Джесси Бартлетта, генерального менеджера парка, надёжного и ценного друга, партнёра и сотрудника Карла Шебера, а теперь и самой Эйлин, и жестом пригласила его сесть на место, которое так великодушно уступил Макфарланд.

Они видели, как Джесси смущённо и неохотно занял место Макфарланда, а сам Майк Макфарланд стоял, положив одну руку на рычаг управления, а другую засунув в карман, с улыбкой на лице. Они видели, и Сэм видел, и Сэм всё понял. Это был не Джесси, чьи амбиции были слишком малы, чтобы создать американские горки, которые стали бы причиной крушения.

Это был Макфарланд, который смеялся и перебирал пальцами болт в кармане. Болт для надёжного крепления направляющего рельса к деревянной центральной балке пути. Он мог это видеть. Он это видел...

"Макфарланд!" - крикнул он. "Стой!"

Макфарланд обернулся и увидел Бобби Джеймса Уоткинса, сумасшедшего, калеку, идущего к нему, увидел понимание в его глазах и снова рассмеялся, вытаскивая тяжёлый стальной болт из кармана, когда Сэм бросился вперёд.

Вагонетки тронулись. Сэм дёрнул за рычаг тормоза, и зрители, еще не понимающие, что что-то не так, ахнули. Пассажиры в вагонетках

оглядывались назад и друг на друга, а некоторые мужчины попытались подняться на ноги, но нервничающие спутницы усадили их обратно на свои места.

Ничего не произошло. Сэм развернулся, пошатнулся на больной ноге, и Макфарланд отступил назад, освобождая ему место, всё ещё смеясь и размахивая болтом перед собой, чтобы подразнить его. Сэм навалился на рычаг аварийного торможения и почувствовал, как он слабо поддается под его руками. Вагонетки продолжали двигаться, медленно набирая обороты, взбираясь на холм к вершине, где должна была высвободиться вся потенциальная энергия почти со скоростью шестьдесят миль в час.

"В чём дело, Бобби? У тебя тут проблемы?" - смеялся Макфарланд.

В вагонетках мэр, шериф, их жёны и все остальные пассажиры вытягивали шеи, чтобы посмотреть, что происходит позади них. Это отвлекло их от крутого подъема на семидесятифутовую вершину первого холма. Затем они посмотрели вниз и увидели, что земля отдаляется от них, и начали понимать, что что-то не так, очень сильно не так.

Чтобы добраться до вершины короны, потребуется меньше двух минут.

Сэм дико уставился вверх и у него в голове без сознательного расчёта крутились уравнения. Раскачивание деревянной конструкции под весом автомобилей и пассажиров привело бы к смещению несъемного направляющего рельса с направляющим рельсом следующей секции. И тогда ведущее колесо достигало конца незакрепленного рельса, и, поскольку ничто не удерживало их на пути, вагонетки упали бы на землю. Верхний тормоз, который должен был затормозить вагоны перед самым верхом, чтобы они не перелетели через край, был бесполезен. Ничего нельзя было сделать, разве что закрепить рельсы на месте.

Для чего требовался болт.

Сэм развернулся, двигаясь быстрее, чем когда-либо, и выхватил болт. Он был почти поражён, почувствовав тяжесть металла в своей руке. Макфарланд перестал смеяться и взвизгнул от досады. - "Эй! Нет! Что ты делаешь?"

Не угрожая больше Макфарланду Сэм помчался вверх по трапу, не утруждая себя ответами. Цепь двигалась медленно, и он миновал вагонетки, почувствовав, как дерево под ногами накренилось и схватившись за поручень. Когда склон стал слишком крутым, он бросился к лестнице на подмости. Он был уже на полпути к вершине, когда Макфарланд понял, что он задумал, и последовал за ним.

Его рука — то есть, рука Боба Уоткинса - была слабой. Она сильно болела, когда он поднимался вверх. Он почти достиг вершины, когда преследующий его Макфарланд схватил его за лодыжку и попытался оттащить. Какое-то головокружительное мгновение он смотрел не на перила перед своим носом, а вниз, на верхушки деревьев, затенявших городок Жасмин, вниз, на спокойные серые воды пруда Милсом.

"Сэм!". Это был Эл, парящий в воздухе рядом с ним.

Вагонетки приближались всё ближе. Он мог ясно видеть лица пассажиров, так же ясно, как они могли видеть его. Время, казалось, растянулось и замедлилось. Он видел, как двигаются их рты, но не слышал голосов.

Рядом с ним Эл что-то кричал, размахивая ручным пультом. Он не мог остановиться, чтобы обратить внимание.

Подмости под ним закачались и закрипели, и одна из опор лестницы отвалилась. Его нога — слабая нога Боба Уоткинса - соскользнула, и за что-то зацепилась. Макфарланд снова схватил его за ногу и при этом отбросил его на поперечную балку. Сэм посмотрел вниз, чтобы определить местонахождение другого человека, и проглотил приступ тошноты, когда увидел, что за ним, сквозь каркас строительных лесов, семьдесят футов до земли.

"Ты не можешь этого сделать!" - закричал Макфарланд. "Не можешь!" Саботированные ступеньки лестницы тоже обвалились под ним, не выдержав прохода двух мужчин, в то время как вагонетки тоже затрясло, и он одной рукой цеплялся за опорную балку, а другой хватался за неё.

"Сэм, он сумасшедший! Он ответственен за все несчастные случаи! Он портит технику, куда бы ни пошёл!" - закричал Эл и теперь его было слышно.

"Да что ты говоришь," - процедил Сэм сквозь зубы, опираясь на балку и держась за страховочный трос. Ему пришлось бы вытянуться во весь рост, чтобы дотянуться до центрального поручня. Боковые поручни и верхний тормоз отсутствовали, из необработанного дерева было видно, что они были вырваны совсем недавно, возможно, ещё прошлой ночью, когда он дрался с Джесси. Не было ничего, что удерживало бы вагонетки на месте. Они перелетали через край и падали на землю, забирая с собой жизнь семи человек.

Вагонетки подъезжали всё ближе. Кончики его пальцев коснулись конца направляющей, открытого отверстия для болта. Металл раскалился от

полуденного солнца. Кряхтя, он переложил болт из одной руки в другую.

"Сэм, он один из тех чокнутых, психопатов, ему нравится видеть, как людям причиняют боль..." — продолжал Эл находясь позади.

"Ты не можешь это остановить!" - завопил Макфарланд. "Не останавливай это! Это моё!"

Некоторые пассажиры поняли, что он делает, когда он растянулся на рельсах, потянувшись к металлическому поручню. Они бесполезно закричали. Люди внизу, неспособные понять, что происходит, способные только видеть, как двое мужчин карабкаются по скрипучим балкам, а аттракцион надвигается на них обоих, громко зааплодировали.

Игнорируя их всех, Сэм вставил болт в отверстие в рельсе. Он не проходил; соединительная деталь вышла из строя, и рельс начал смещаться. Он приподнялся, чтобы лучше ухватиться, и Макфарланд ухватился за край его джинсов. Нижняя часть его тела освободилась и затрепетала в поисках опоры. Кто-то в приближающихся вагонетках снова закричал. Кто-то на земле закричал ещё громче. Каким-то образом ему удалось зацепиться за что-то пальцами ног.

Железные пальцы обхватили ногу Боба Уоткинса, впились в иссохшие мышцы и высвободили ногу. Сэм покачнулся и покатился, не имея страховочного троса, за который можно было бы уцепиться, и схватился одной рукой за перекладину, задыхаясь, он почувствовал, как глубоко в его ладонь вонзилась заноза, сделав его ладонь скользкой от пота и крови. Дорожка содрогнулась под ним. Макфарланд поравнялся с его распростёртым телом и толкнул изо всех сил. Вагонетки были слишком близко.

"Сэм!" - завопил Эл.

На мгновение, которое длилось дольше, чем любое другое мгновение, которое он когда-либо мог вспомнить, он обнаружил, что его закрутило, и он смотрит прямо в безумные глаза Макфарланда. Он цеплялся за опорную балку, спасая свою жизнь, и Макфарланд, толкая, навалился на него, его дыхание было тёплым и обжигало лицо Сэма. Сэм дёрнулся назад, в сторону, и почти выскользнул на свободу.

И Макфарланд, ожидая сопротивления и не встретив его, потерял своё шаткое равновесие. В долю секунды безумие исчезло, сменившись ужасом, и он снова потянулся к Сэму, не для того, чтобы оттолкнуть его, а для равновесия, для поддержки и для помощи; и Сэм, не задумываясь, автоматически протянул руку, только чтобы почувствовать, как пальцы

другого мужчины беспомощно скользнули мимо его пальцев, когда Макфарланд упал, крича до тех пор, пока его тело не столкнулось с первой балкой конструкции. От удара Сэм чуть не полетел вслед за ним. От толчка болт выскользнул из рук и он, вращаясь, полетел на землю. Первая вагонетка добралась до повреждённого участка. Эйлин и мэр могли видеть, как смещается направляющий рельс. Сэм тоже это видел.

Словно в замедленной съемке, он протянул руку, поймал и вернул безумно вибрирующий металл на место и рывком отдернул руку.

Машины проносились мимо, всего в нескольких дюймах от его рукава — всё ещё на дорожке.

"Я не знаю, почему ты не прыгнул, Сэм," - волновался Эл. "Ты сделал то, что должен был сделать. Они все видели, что произошло, и никто не считает, что Боб несёт ответственность за проблемы с аттракционом. Кстати, они до сих пор ищут, что пошло не так. Его же спроектировал Макфарланд, и просто удивительно, что он продержался так долго."

"Верно," - рассеянно сказал Сэм, переставляя призы в кабинке для охоты на уток.

"И нет абсолютно никакой опасности, что Боба отправят в сумасшедший дом." - заверил его Эл, "Но Эйлин использует деньги, которые собиралась заплатить Макфарланду, чтобы безопасно переделать аттракцион, и он будет пользоваться большим успехом. Похоже, люди думают, что кататься на нём стало ещё более захватывающе." Он сделал паузу "Правда, они больше не называют его "Убийцей Диллером," - добавил он, как бы между прочим.

"Это хорошо". Голубое чучело слона было заслонено коллекцией розовых цыплят. Сэм повесил его на крюк, свисающий с потолка, где оно мирно завращалось, помахивая хоботом прохожим. Теперь кабинка была в идеальном состоянии, все пневматические винтовки аккуратно выстроены в ряд, утки тоже выстроены в ряд.

" "Это хорошо" ? Это всё, что ты можешь сказать? "Это хорошо"?" - Эл выглядел значительно бодрее в этот воскресный вечер. Его костюм цвета электрик буквально искрился в свете Голографической Камеры. "Сэм, что случилось? Ты был ужасно молчалив в последнее время."

Сэм пожал плечами и сказал: "Наверное, надо позаботиться кое о чём

ещё. Ведь так? Иначе я бы прыгнул". Он так и не посмотрел в сторону американских горок.

Вокруг киоска на фоне сумерек Оклахомы вспыхивали огни парка развлечений. Заиграла музыка из каллиопы, остановилась и заиграла снова, задавая ритм танцующим фигурам карусели. Дети визжали от удовольствия, смеялись, кричали, бегали. Сэм забрался под скамейку и включил свои собственные фонари. Позади него утки начали медленное движение по нарисованным картонным волнам, исчезая из виду в одном конце кабинки и снова появляясь в другом.

"Сэм, почему ты не хочешь со мной разговаривать?" - жалобно спросил Эл.

"Я ещё не закончил," - сказал он, оглядывая кабинку. Всё было на своих местах. Он положил руки на скамью для стрельбы и наклонился, глядя в обе стороны; Эл скрылся из поля его зрения, всё ещё сбитый с толку.

"Боб?". Это была Эйлин. Она всё ещё была бледной, но её волосы были идеально уложены, помада не размазана, перчатки без единого пятнышка. Она являла собой воплощение леди. Тётя Вера гордилась бы ею. Тетя Вера, стоявшая позади неё, явно гордилась. Она беспристрастно улыбалась им обоим.

На другом конце прилавка, мурлыча, вскочил кот Макси.

"Эйлин," - кивнул Сэм. Он заглянул за стойку. "Бесса". Он снова кивнул Эйлин, поднял перегородку и усадил маленькую девочку на скамейку внутри кабинки.

Эйлин нервно посмотрела на маленькую девочку, решив не беспокоиться о ней. Вера повелительно подтолкнула её локтем. "Хорошо! Хорошо!" Эйлин замолчала, а затем выпрямилась. "Боб, я пришла извиниться. Я очень сожалею о том, что я сказала. За то, что я сделала. Я так ошибалась. Я не хотела этого. Я была...ну, я была напугана".

"Я знаю". Он обхватил Бессу одной рукой, поддерживая её. Кот тёрся головой о плечо Сэма и громко урчал.

Вера снова подтолкнула Эйлин локтем. Эйлин посмотрела на свою тётю и продолжила: "Ты действительно видел...В прошлую среду, ты действительно что—то видел, не так ли? Ты видел, как Майк открутил болт. Это то, о чём ты пытался сказать?"

Сэм неопределённо пожал плечами. "Наверное, да". Бесса одной рукой теревила голубого кролика и грызла ногти на пальцах другой. Он осторожно вынул её руку изо рта. "Помни," - пробормотал он. "Большие

девочки так не делают."

Эйлин глубоко вздохнула, собираясь с духом. "Ты простишь меня?"

Его глаза встретились с её глазами, и он улыбнулся. "Я прощу тебя."

"О, хорошо, Сэм, должно быть, это оно," - воскликнул с облегчением Эл. "Теперь ты совершишь скачок". Эл с изумлённым энтузиазмом прочитал информацию на ручном пульте. "Эй, это совершенно новое будущее. Боб и Эйлин не женятся, но...в смысле, женятся, но не друг на друге. Боб начинает работать в ремонтной мастерской вместе с Джесси, и у них тоже всё будет хорошо."

"Я ещё не закончил," - сказал Сэм, обращаясь и к Эйлин, и к Элу. Они оба удивлённо подняли глаза.

"Бесса, чего ты хочешь больше всего на свете?" - спросил он у маленькой девочки.

Её голубые глаза красноречиво переводились с его лица на кролика и обратно.

"Больше всего на свете?" - спросил он.

Она кивнула.

Сэм поднял одно из пневматических ружей, тщательно прицелился и выстрелил, раз, два, три раза, и три утки подряд упали вниз, лязг, лязг, лязг.

"Держи," - сказал он, протягивая ей голубого кролика.

Затем он посмотрел Эйлин прямо в глаза. "Вот видишь, иногда желание сердца намного проще, чем тебе кажется."

Макси, сидевший рядом с восторженной Бессой, мурлыкнул в знак согласия и протянул белоснежную лапку, словно называя его благородным, или привлекая его внимание, прося еды.

Крошечные уколы кошачьих когтей были последним, что он почувствовал, когда совершил квантовый скачок...

[ЭПИЛОГ]

Он снова парил в бело-голубом свете, без веса, без ощущений и ожидая Голоса. Через некоторое время он раздался снова.

"Доктор Беккет". На этот раз голос был другим, более высоким, но это был тот же самый голос. Он узнал бы этот голос везде и всегда.

"Я здесь". Где бы ни находилось это "здесь". Это была не земля и не небо. Это был его собственный разум, подумал он. Вот каким был его собственный разум изнутри. Вот каким, похоже, было само время, изнутри.

Но голос был извне, как являясь его частью, так и не являясь. Он еще пока не понимал. Он должен был подумать об этом - парить в свете и подумать.

Я мыслю, следовательно, я существую. Я всё ещё существую.

"Вы хорошо справились с последним заданием. Вы не позволили страху одолеть вас. Это очень хорошо."

Он ухватился за надежду. "Значит ли это, что я могу вернуться домой?"

Голос сделал паузу, раздумывая, и он почувствовал, как в нём зародилась надежда. Но пауза тянулась слишком долго, пока он свободно плыл в каком-то безвременье, и надежда ускользала. И Голос с сожалением сказал: "Нет. Пока нет."

"Когда-нибудь?" - спросил он, надежда внутри него боролась с разочарованием.

"Когда-нибудь", - пообещал Голос. "Когда-нибудь".

А потом добавил: "Вы готовы, доктор Беккет?"

И он совершил квантовый скачок...